

Планеты

Светлана Сугарова

16+

Светлана Сугарова

Планеты

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Сугарова С. А.

Планеты / С. А. Сугарова — «ЛитРес: Самиздат», 2006

Империта Филадельфия - будущая наследница Древнего Трона, а это значит, что скоро на ее плечи ляжет огромная ответственность за судьбу многих планет бескрайнего космоса. Но юную сумасбродную девушку это совсем не устраивает, и сгоряча она улетает на далекую и, казалось бы, безобидную планету, ведь ее мечта - это путешествия, приключения и вся Вселенная. Но никто не мог знать, что этот, на первый взгляд, абсолютно безопасный полет, обернется самым настоящим кошмаром в ее жизни, и втянет девушку в череду бесконечных и ужасных событий. И теперь жизнь Филадельфии действительно полна приключений и путешествий, но не лучше ли было мечтать о скучной и однообразной жизни Императрицы, чем видеть, как меняется мир и вся Вселенная, как умирают близкие и друзья, как исчезает твой дом и самые прекрасные планеты? Но воздух пропитан этим страшным словом "война", о котором они позабыли давным-давно, и девушке придется повзрослеть, ведь она - наследница Древнего Трона, ответственная за все планеты...

Содержание

Пролог	6
Часть первая: Камарлен	8
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Предисловие

Вселенная безбрежна и бесконечна, как бездонный, необъятный океан, полный далеких, холодных звезд. Но, несмотря на всю свою огромность, пугающую воображение, она пустынна и одинока. Лишь крохотными бриллиантами, подобно песчинкам в круговороте бури, сияют редкие островки жизни и разума, разбросанные во тьме грандиозных просторов космоса. Едва зарождающиеся, уже начинающие строить цивилизацию, цветущие и прекрасные, чуждые и неподдающиеся пониманию, завершающие свою жизнь, умирающие и безвозвратно погибшие планеты. И каждая из этих планет уникальна, неповторима и непохожа на другую. Каждая из них имеет свое собственное «лицо»— красивое или безобразное – все зависит от существ, ее населяющих. Кто-то погрузился в хаос, разруху и кровавые, бессмысленные войны, кто-то не может существовать без насилия и жестокости; кто-то не хочет или отказывается видеть дальше своего носа, закрывшись в тесном мирке, и продолжает жить в смрадном бульоне жадности, глупости, зависти и склок. Но кто-то сумел подняться из зыбких болот, переосмыслив все эпохи своей жизни, все ошибки и промахи, научившись мудрости, пониманию, гуманности, научившись созидать, прощать, ценить, беречь и любить. Таких планет очень мало, но они сильны и целеустремлены. Они способны изменить целые миры. И эти изменения уже начались. Они затронули все уголки Вселенной. И где-то в глубинах среди россыпей звезд зарождаются новые жизни, новые миры, новые тайны, новые истории. Истории о радости и боли, о надеждах и разочарованиях, о любви и ненависти. Удивительные истории безбрежной Вселенной.

Пролог

– Филадельфия! Твое поведение недостойно королевской крови, что течет в твоих венах! – глаза Фиделя требовательно и жестко смотрели на девушку, что стояла перед ним в роскошном, но изрядно потрепанном платье, дерзко вскинув хорошенькую, фиолетововолосую головку. – Ты понимаешь, что лазать по деревьям, словно дикий зверь в компании простолюдинов – занятие не для дочери Императора?

– Простолюдины? – на юном лице империты появилось неподдельное изумление. – Император! С каких пор вы стали называть деллафийцев простолюдинами? Разве это достойно Правителя?

Император помрачнел, пальцы, украшенные великолепными перстнями, крепко сжали подлокотники Древнего Трона. Девушка спокойно взирала на отца; легкая, едва заметная улыбка играла на губах, но в самой глубине синих глаз затаилось странное выражение – отчаяние, обреченность, но вместе с тем – вызов. Фидель шумно вздохнул, снова заговорил:

– Ты уже не дитя, Филадельфия, и должна понимать, что рано или поздно, но я отойду ото всех дел, и тогда на мое место придешь ты, моя дочь. На твои плечи ляжет тяжелый груз правления, и я хочу, чтобы ты стала хорошей Императрицей. Вместо того, чтобы прилежно заниматься, ты носишься где-то целыми днями, и боюсь, что и сейчас ты не слышишь моих слов.

– Я прекрасно вас слышу, Император, – негромко произнесла империта, – но и вы поймите меня. Я еще так молода, а вы требуете от меня решений непосильных мне задач. Мне хочется свободы, друзей, а вы бросаете меня в лапы бесконечных наставников, учителей, репетиторов, которые говорят совершенно непонятные мне вещи, от которых болит голова...

– И меня с детских лет обучали искусству правления! – вдруг закричал Император, вскакивая с Трона. – И твоего деда и прадеда! Это твой долг и меня не интересует, хочешь ты этого или нет! Ты должна! Поэтому выбрось из головы все свои детские глупости и иди заниматься! Это приказ!

Филадельфия с трудом сдержала слезы. Глаза полыхнули ярким огнем, но голос не подвел ее, когда она твердо сказала:

– Я не буду Императрицей!

– Что? – округлил глаза Фидель, не веря ушам.

– Я не хочу быть и не буду Императрицей! – повторила девушка, ни на секунду не сомневаясь в своих словах.

– Негодная девчонка! Хочешь опозорить нашу семью? Немедленно отправляйся к репетиторам!

– Нет! Я решила!

– Ты – моя дочь и будешь делать то, что я скажу! С этого дня ты не выйдешь из Дворца без моего разрешения!

Филадельфию бросило в дрожь от злости и негодования.

– Вы не заставите меня, Император! Можете отречься от меня или посадить в подземелье, но я говорю – нет!

– Ты продолжаешь перечить мне? – громыхнул Правитель и в этот момент воистину был великолепен и страшен. – Что ж, раз ты упрямисься, пусть будет по-твоему! Тебя привлекает свободная жизнь космического бродяги больше, чем Древний Трон? И раз ты не обеспокоена ни судьбой Деллафии, ни Союзом Четырех, я дам тебе свободу! Отныне ты предоставлена самой себе, и помощи моей не жди! Завтра из космопорта Пареля вылетает корабль «Эндор», направляющийся на Камарлен. Я думаю это именно то, что тебе нужно и чего тебе так не

хватает! – на последних словах глаза Императора потухли, словно вся злость и жизненная сила покинули его; он уже не смотрел на дочь.

– Нет моей вины в том, что не привлекает меня Древний Трон, Правитель! – тихо прозвучал голос империты в огромном зале. – Простите!

Филадельфия медленно двинулась к величественным воротам, украшенным затейливым рисунком из драгоценных камней.

– Никто не отрекался от Трона, – услышала она голос отца и были в нем и удивление, и неверие, и грусть, но девушка не остановилась: очень велика в ней была тяга к свободе, больше, чем желание остаться во Дворце.

Бесшумно раскрылись перед ней ворота и также тихо закрылись, словно отрезали ей путь назад.

Часть первая: Камарлен

В обзорном экране сияли мириады звезд. Далеких-далеких и в то же время таких близких звезд, что казалось, стоит лишь протянуть руку и вот они все на ладони, такие же маленькие и яркие. Затаив дыхание, Дели смотрела в бездну космоса и не могла отвести глаз. Вот она – свобода! Ее пьянящий дух заполнял ее, словно вода – кувшин.

«Эндор» стремительно прорезал безвоздушное пространство, хоть на первый взгляд можно было подумать, что корабль висит неподвижно среди окружившей его тьмы. Лишь бесконечные цифры, непонятные значки на экране главного модуля говорили, что «Эндор» бесстрастно мчится к своей цели.

В рубке управления царило молчание. Все были заняты своими делами. Трайд Марион с самым серьезным видом вел молчаливую «беседу» с бортовым модулем. Констат Тасури и энод-арон Джанулория уткнулись в сложнейшие голографические схемы. Наконец, трайд, круто развернувшись на своем кресле, посмотрел на империту. Ему было за двадцать пять – возраст довольно молодой, чтобы дослужиться до звания трайда, но, тем не менее, на «Эноре» он был главным. Правильные черты лица несколько жесткие, что делало его старше. Темно-голубые непроницаемые глаза с красивой щеточкой длинных ресниц смотрели цепко и внимательно. Упрямая линия рта, который, похоже, никогда не улыбался. Светло – фиолетовые непослушные волосы, несколько прядей падают на лоб, что, как ни странно, придает ему неуловимое обаяние. Красивый, как и все деллафийцы, но что-то в его красоте отталкивало. Присмотревшись, Дели поняла, что взгляд этих больших глаз – холодный, изучающий, пронзительный, – проникает в самую душу, словно видя насквозь, и при этом остается таким же недоступным и непроницаемым, бросает в дрожь и заставляет поскорее отвести глаза в сторону. Но трайд, лишь на мгновение остановив на ней свой взгляд, повернулся к своей команде.

– Остался один гиперпрыжок, – произнес он. – Скоро будем у цели. Всем приготовиться.

Энод-арон потрянул пышной гривой, вздохнул и сказал – пропел своим мурлычащим голосом, немного растягивая слова:

– Наконец-то я смогу прогреть свои старые косточки на жарком солнце Камарлена. Эти бесконечные прыжки совсем меня доконали.

Трайд хмыкнул что-то нечленораздельное и активировал внутренний стабилизатор. На мгновение стало темно, как внутри, так и снаружи, но вскоре в обзорном экране снова появились далекие звезды, а чуть слева – небольшой шарик, окрашенный слабым, красноватым цветом. Широко раскрыв глаза, Дели смотрела, как плавно приближается незнакомая ей планета. Казалось, это она летит к кораблю, а не корабль к ней. Смешение серого и красного сквозь тонкую пелену облаков или тумана. Камарлен. Камарлен. Ее сердце невольно сжалось от предвкушения неизведанного и захватывающего. Скорее! Скорее! Но «Эндор» начал торможение, и время словно остановилось.

– Нельзя ли побыстрее? – в нетерпении воскликнула девушка.

– Нельзя, империта, если вы не хотите на всей космической скорости врезаться в планету. – Не поворачиваясь, ответил трайд. – Кстати, позвольте задать вам вопрос, империта? – Его холодные глаза посмотрели на нее.

– Пожалуйста.

– Для чего вы летите на Камарлен?

Она неожиданно смутилась, чувствуя, как румянец заливал щеки.

– Если честно, – не знаю, – заявила Дели, ощущая себя полной дурой.

Трайд едва заметно кивнул, удерживая на ней свой взгляд.

– Честный ответ – это уже хорошо, – он снова кивнул. И только собиравшись сказать что-то еще, как его прервал изумленный возглас Тасури:

– Трайд, взгляните! Что это?

Все устремили взгляды на экран модуля, где медленно приближался Камарлен, а рядом, почти сливаясь с планетой, пульсировало какое-то размытое пятно.

– Странно, радары ничего не могут засечь, – удивленно произнес констат. – Это не корабль, не шаттл, не зонд.

– Исследовательский Центр не отвечает, – подал голос Джанулория.

Марион увеличил изображение пятна, и их взору открылось невероятное зрелище: нечто в космосе светилось странным бледно-голубым цветом, то вдруг меняя его на ярко-желтый, розовый, белый, то неожиданно окрашиваясь черным. Оно без конца шевелилось, словно облако, представляя то прозрачным клочком тумана, уносимого ветром, то многолучевой звездой, то дрожащей спиралью, то смутным очертанием корабля, непонятным существом, то растекаясь лениво, как Млечный Путь. Это было бы очень красиво – все эти переливы, мерцание, яркие вспышки, похожие на молнии, если бы не было так пугающе страшно.

Дели увидела, как почти одновременно вздрогнули офицеры, а трайд громко приказал:

– Включить силовое поле! Активировать лазерные пушки!

По его напряженному голосу девушка поняла, что им грозит что-то очень опасное. Сердце предательски застучало.

– Что это такое? – вскричала она.

И в этот момент пятно начало быстро приближаться, угрожающе вспыхнули искры внутри него.

– Звездный Призрак! – Выдохнул Марион и побледнел лицом.

У империты сдавило горло. Она не была космическим странником, но страшные рассказы о Звездном Призраке коснулись и ее слуха. Звездным Призраком пугали маленьких детей, самые серьезные клятвы скреплялись его именем, и нарушить их считалось – накликать беду на свою голову. Однажды Патрульно – разведывательный корабль Деллафии обнаружил в космосе большой крейсер, принадлежащий Талласе. На сигналы никто не отвечал и, заподозрив неладное, офицеры ПаРаСКон¹ проникли в крейсер. То, что предстало их взору, было ужасно. Шестеро талласцев обгорели до неузнаваемости, несмотря на то, что на них было полное обмундирование! Все оборудование оплавилось, как от сильнейшего пожара. Нашелся лишь один талласец, который чудом выжил, но провалился без сознания на грани жизни и смерти несколько недель, и регенерационная камера ничего не могла с ним поделать. Лишь много позже он, содрогаясь от воспоминаний, поведал о том, что их крейсер повстречался со Звездным Призраком. А через несколько дней талласец неожиданно умер. Кто-то сказал, что его душу забрал Звездный Призрак.

Это была не шутка, и Дели это сразу поняла по лицу трайда. Ее глаза не могли оторваться от пульсирующего, туманного существа, что плыло к ним плавно, словно хищник, готовящийся к прыжку.

Голос Мариона выстрелил в напряженную паузу резко и громко:

– Тасури, лазерный огонь!

Констат взял ручное управление пушками, потому что главный модуль упорно «не видел» приближающееся пятно. Мощные снопы лазерных лучей вырвались из стволов и разом ударили по мерцающему туману... и исчезли в нем, как канули. Констат послал еще пару лучей, но результат был тем же. И тогда хищник прыгнул, и прыжок был стремителен, как язык молнии. Звездный Призрак поглотил их. В глазах потемнело. Потом ударил такой яркий невозможный свет, что Дели вскрикнула. Нестерпимый жар лизнул ее, обжигая кожу, въедаясь в плоть. Время остановилось или его не было вовсе. И ее, Дели, тоже нет. Остался только этот

¹ ПаРаСКонН – Патрульно-разведывательная служба космического надзора или КС – космическая служба, как часто называют ПаРаСКонН.

слепающий свет, невыносимый жар и кто-то еще, который держал ее голову в стальных тисках, рисуя огненные слова, что, словно выжигались в мозгу, сменяя друг друга, оставляя после себя жгучую боль. Не выдержав, она закричала. И тут послышался оглушительный треск, вспышка зеленого огня и все исчезло: огненные слова, жар, слепающий свет, боль. Медленно вернулось время, зрение и ощущение себя.

В обзорном экране Камарлен разбух так, что, казалось, протяни руку и дотронешься до серых облаков, в проплешинах которых хорошо виднелась красная земля.

Джанулория лежал на полу, бессильно разметав тонкие руки и свесив голову на грудь. Марион и Тасури с трудом приходили в себя. Натужно ревела сирена, и аварийный модуль повторял, как заводной: «Опасность первой степени! Всем немедленно покинуть корабль! Опасность первой степени!..»

Трайд подскочил, как ужаленный, бросился к девушке.

– Империта, вы в порядке? – крикнул он, заглушая сирену. – Можете идти? Нам нужно срочно покинуть корабль! Идите к аварийному катеру!

Дели только кивнула в ответ и бросилась в коридор. Она уже сидела в катере, а модуль твердил: всем немедленно покинуть корабль, когда появились трайд с констатом, несшие Джанулорию. Марион быстро активировал бортовой модуль, шлюз открылся, и катер рванулся вперед по узкому разгонному треку, открылся второй шлюз, и они нырнули в бездну пушистых облаков, оставив позади бездыханный «Эндор», который серебристой громадой неудержимо падал, попав в зону притяжения планеты.

Сквозь прикрытые веки Дели видела, как стремительно проносятся мимо облака и казалось, им не будет конца. Но вот катер, легко разрезав прозрачную пелену, выпрыгнул в огромный безбрежный простор. Внизу простирались обширные луга красной травы. Невысокие холмы пересекали ровную местность. Вдали мелькнули пики гор, снова луга, луга, луга, где извивались реки и речушки, поблескивая на солнце. Они летели все дальше, а вокруг все исходило бардовым, алым, пурпурным, вишневым цветом. Но вскоре показался шатер величественного леса, полыхающего на солнце подобно костру. Катер летел чуть выше макушек, и от ветра листва колыхалась и дыбилась, как языки пламени. Это было удивительное зрелище, несомненно, но империту оно затронуло лишь слегка: шок и потрясение от встречи со Звездным Призраком все еще не оставляли ее, навалившись усталостью и липким страхом. Офицеры молчали, мрачно насупившись, и, казалось, тоже не замечали ничего вокруг. Они летели довольно долго, и за это время не было сказано ни одного слова. Джанулория все не приходил в сознание, а вскоре и девушка вслед за ним погрузилась в темный омут беспокойного сна. Разбудил ее трайд довольно грубо: потрянув за плечо.

– Просыпайтесь, империта, мы на месте.

Катер стоял на обычном космодроме, какие можно найти на некоторых планетах, подведомственных Союзу. Недалеко возвышался купол Исследовательского Центра, выглядевший несколько чужеродно среди пустынной дикой местности. Но, странное дело, на космодроме не было ни души – никто не встречал прибывший катер, не суетился инженерный персонал, даже ни одного робота в радиусе нескольких фионов².

– Разве никто не знает, что мы прибыли? – удивленно оглядывая пустынный космодром, спросила девушка.

– Это меня сейчас интересует больше всего, – лицо трайда напоминало грозовую тучу, из которой вот-вот должны были посыпаться молнии.

На миторе³ они добрались до Исследовательского Центра. Вблизи он напоминал непрозрачную полусферу с большим количеством круглых окон. На верху купола расположились

² Фион – 2 метра (деллаф.)

³ Митор – транспортное средство, используемое на космодромах.

множество антенн, радаров, зеркал всевозможных размеров. Вокруг полусферы на несколько десятков фионов раскинулась площадка, на которой разместились приземистые здания непонятного назначения. Здесь тоже не было никого.

Большие двери открылись после недолгой, но тщательной идентификации прибывших. Их встретила мертвая тишина. Трайд и констат направились к лифту, Дели – за ними. В сердце И.Ц. – Центре управления – было пусто, никто не колдовал над многочисленными приборами и модулями, да и сами приборы безжизненно молчали.

– Ничего не понимаю, – бормотал Марион, возвращаясь в Центр управления. – Такое ощущение, что все вымерли.

– Главный модуль неисправен, – констатировал Тасури. – Все остальное оборудование тоже. В журнале только отчеты о работе Центра, но ничего больше.

– Ладно, разберемся с этим позже, а сейчас нужно позаботиться о Джанулории, – вздохнул трайд. – Медицинский отсек работает?

– Да, у него автономный энергоблок, и он вполне исправен.

Вытащив энод-арона из митора, занесли его в медицинский отсек и погрузили в регенерационную камеру.

– Полное восстановление наступит через шесть часов интенсивной терапии, – сообщил модуль, обследовав т, ахьянца.

– Отлично, теперь нужно проверить весь Исследовательский Центр, каждый отсек и каждый закоулок. Что-то здесь произошло, и это что-то мне совсем не нравится. – Марион взял в руки бластер, обвел всех настороженным взглядом. – Будьте начеку.

Он решительно вышел из отсека и тут же остановился, как вкопанный, глядя куда-то себе под ноги.

– Тасури, погляди-ка сюда, – он присел на корточки, внимательно изучая пол. – Это действительно то, о чем я думаю?

– Это кровь, – уверенно подтвердил констат, – уже засохшая, поэтому мы и не заметили ее раньше.

– Нужно поискать еще. Наверное, кровь есть и в других местах.

И действительно, темные пятна нашлись в жилом и инженерном отсеке, в Центре Управления, в лабораториях, и даже в складах и оранжереях. Они прошли весь И. Ц. вдоль и поперек в поисках хоть какой-нибудь зацепки или подсказки, но всюду их ждали лишь тишина, безмолвие и неизвестность.

– Когда же Джанулория восстановится? – в нетерпении повторял Марион, беспокойно меряя шагами Центр Управления. – Случилось ужасное, я чувствую это! Но кто мог сделать такое?

С трудом дождавшись назначенного времени, трайд отправился в медицинский отсек за Джанулорией. Вскоре они вернулись. Т, ахьянец выглядел бодрым, но встревоженным, видимо, трайд ввел его в курс дела.

– Рад вас видеть в добром здравии, – улыбнулся энод – арон империте и констату. – Трайд мне сказал, здесь случились странные события?

– Даже слишком странные, – мрачно отозвался Тасури. – Может такое быть, чтобы во всем Центре не было ни одной живой души?

– И везде кровь, в этом нет сомнений. – Трайд вопросительно взглянул на Джанулорию, словно тот знал причину произошедшего. – Неужели случилось убийство?

– Главный модуль работает? – спросил энод – арон.

– Нет, вообще ничего не работает. Остались только автономные блоки.

– Напрашивается вывод, что кто-то проник в Исследовательский Центр, перебил весь персонал, спрятал трупы, привел в негодность главный модуль и скрылся. – Задумчиво проговорил трайд.

– Какой ужас! – Воскликнула Дели. – Неужели вы и в самом деле допускаете мысль, что кто-то может забраться сюда, поубивать всех и смыться? Это невероятно! Должно быть, это просто чья-то глупая шутка! Кто-то решил посмеяться над нами или напугать!

– Нет, здесь работают серьезные люди, и им незачем приводить в негодность модули, разбрызгивать кровь, таинственно исчезать лишь для того, чтобы кого-то напугать. Здесь произошло преступление.

– В чем-то империта права. – Вмешался Джанулория. – Исследовательский Центр – не игрушка, и сюда так просто не попадешь, так что посторонние не могли проникнуть внутрь. Тем более, есть защита от вооруженного нападения.

– Она отключена, Джанулория! Я ничего не понимаю! Кто мог убить их? Кому это было нужно? – Похоже, у Мариона шла кругом голова. – Мы пытались связаться с Исследовательским Центром еще на орбите Камарлена, но они не отвечали. Но тогда мы не придали этому значения, списывая все на магнитные бури. Но и из катера я не мог связаться и уже тогда заподозрил неладное. Но чтобы настолько неладное!

– Я знаю, что случилось! – Неожиданно заявила Дели. – Их забрал Звездный Призрак!

– Что? – Вытаращились на нее три пары глаз.

– Ну да, Звездный Призрак! Ведь он напал на нас у самого Камарлена. Выходит, что сначала он сожрал всех в Исследовательском Центре, а потом помчался к нам. Я слышала, что Звездный Призрак любит поедать корабли и людей, после чего они исчезают без следа.

– Бред! – решительно отверг трайд это предположение. – Звездный Призрак появляется только в космосе, он не мог спуститься в Исследовательский Центр.

– Но ведь мы ничего не знаем о нем, трайд, – снова встал на сторону империты Джанулория. – Не знаем кто или что это, и какова его цель.

– А, в самом деле, что это – Звездный Призрак? – спросила девушка.

Удлиненные зеленые глаза энод-арона ярко вспыхнули, лицо скривилось.

– Хотя т, ахьянцы и знают очень много, даже то, о чем другие и не подозревают, но о нем мы знаем совсем мало. Знаю лишь, что он обладает большой неизвестной силой или энергией со знаком «минус». Он поглощает целые флотилии кораблей, после чего те либо исчезают бесследно, либо сжигает их, но никто еще не ушел от него живым. Есть предположение, что его притягивает зло, разруха, войны, то есть то, что наполнено отрицательной энергией.

– Но ведь мы живы, энод – арон! – возразила Дели и ужаснулась. – Или это только пока – живы?

– Звездный Призрак не знал, что на «Эндоре» Джанулория, – хмыкнул Марион. – Думаю, только благодаря вмешательству энод-арона, мы остались живы. Не так ли, старина?

Тот немного смутился.

– Можно сказать и так, но и я перетрухнул при виде его. Сила его и в самом деле огромна, я едва смог противостоять ей. Но он напоследок так шандарахнул меня, что почти выбил мой дух вон. Но, слава великому космосу, мы все уцелели.

– А ты еще жалуешься на свою старость, Джанулория, – укоризненно, но тепло сказал трайд, наградив его благодарной улыбкой. – Да ты можешь один уложить всех офицеров ПаРаСКoН.

– Но что мы будем делать? – спросил Тасури, возвращая их к насущной проблеме. – Послать запрос на Деллафию мы не можем, разве что попробовать через бортовой модуль одного из кораблей Исследовательского Центра?

Трайд дал согласие и констат с энод – ароном ушли в ангары. Дели посмотрела на трайда, который сидел в глубокой задумчивости.

– Трайд, нам грозит опасность?

Голубые глаза поднялись на нее и уставились, словно увидели впервые.

– Опасность? – переспросил он. – Я не знаю, империта. Так мало информации и так много неизвестного, что трудно что-либо сказать наверняка. Но, будьте уверены, что мы умрем, защищая вас, если нам действительно будет грозить опасность.

– А сюда могли проникнуть местные жители? – неожиданно задала вопрос Дели. – Ведь здесь живут аборигены?

– Да, конечно живут. – Марион снова задумался.

– Могли ли они напасть на Исследовательский Центр? – обращался он вполголоса, скорее, к самому себе, чем к девушке. – Нет, конечно, нет. Но кто тогда? Космические пираты? Но зачем? А если...

Его мысли вслух прервал сигнал данкара⁴.

– Что у вас? – спросил Марион, нахмурился, слушая. – Хорошо, возвращайтесь.

– Что случилось, трайд? – любопытствовала Дели.

– Мы не можем связаться с Деллафией и не можем улететь отсюда, потому что все корабли на космодроме неисправны.

– Как неисправны? Что значит неисправны? Как корабль может быть неисправен? Вы шутите, трайд? Что здесь вообще происходит? Мы что останемся здесь навсегда? – Империта перепугалась до смерти, услышав это зловещее «мы не можем улететь отсюда». – Я не хочу оставаться здесь до конца жизни!

Трайд раздраженно посмотрел на нее, сказал:

– Только не надо паники и слез раньше времени.

– Я не паникую и не плачу!

– Вот и хорошо.

Послышались шаги офицеров, а вскоре они уже появились перед ними.

– Невероятно, но все корабли находятся в неисправном состоянии, – доложил Тасури. – У всех повреждены бортовые модули. Что все это значит, в конце концов? – Врожденное спокойствие и невозмутимость, похоже, начали изменять имберианцу. – Терпеть не могу загадки, а они тут повсюду!

– Так, что мы имеем, – начал выстраивать все по полочкам трайд. – Бесследно исчезнувший персонал Исследовательского Центра, но есть пятна крови, свидетельствующие либо об убийстве, либо о пленении, ведь мы нигде не обнаружили тел. Далее, неисправные оборудование и корабли. Я думаю, это была лишь перестраховка на случай, если в Исследовательском Центре и остался кто-то, кого они не заметили, чтобы он не смог связаться с Союзом и позвать помощь. И не смог улететь с Камарлена. Значит, этим неизвестным было нужно незаметно попасть на планету, что они и сделали, устранив ненужных свидетелей. Все это случилось даальса⁵ два назад, примерно сужу по состоянию крови на полу. Также мы потеряли «Эндор», но у нас есть катер. И так как мы лишены возможности связаться с Деллафией, то мы должны узнать, что случилось с персоналом Исследовательского Центра, кто эти неизвестные, и с какой целью они столь дерзко вторглись на Камарлен.

– А если эти неизвестные уже улетели с планеты? – Спросил Джанулория, который одобительно кивал лохматой головой, слушая трайда.

– Если я верно догадываюсь о цели их прибытия, они не должны улететь так быстро, – ответил Марион.

– А, если я верно догадываюсь о том, о чем догадываетесь вы, трайд, то нам нужно спешить, иначе все может закончиться кровопролитием и смертью невинных существ.

– Может, вы прекратите говорить загадками? – вмешалась Дели, которую раздражали всяческие тайны, если она не была в их курсе.

⁴ Данкар – многоцелевое устройство, вмещающее в себя, помимо оружия, и средство связи.

⁵ Даальс – сутки (деллаф.)

– Разве мы говорим загадками? – удивился трайд. – Просто мы так давно служим вместе, что уже понимаем друг друга с полуслова. Думаю, что вылет лучше отложить до утра, тем более нам все равно надо отдохнуть.

Все с воодушевлением приняли это предложение, ведь длительный перелет утомил всех.

После ужина офицеры принялись обсуждать планы на будущее, упоминая какие – то непонятные термины, названия, намечая маршруты и прочая, прочая. А Дели сидела всеми забытая и никому ненужная и злилась на офицеров за их невнимательность и эгоистичность. Наконец, Марион повернулся к ней, спросил:

– Должно быть вы устали, империта? Может, вы лучше пойдете спать, чем слушать наши скучные разговоры?

– А где здесь можно поспать?

– В жилом отсеке. Можете выбрать себе любую комнату.

– Но я же буду там одна! – в ужасе воскликнула девушка.

– Ну, конечно же, одна, кто еще, – не понял трайд.

– Я не могу находиться там одна!

– А что же вам нужно, империта? – никак не мог понять тот.

– Но я же буду одна! И там никого нет! Я боюсь быть одной в комнате!

– Ах, вот оно что! Но мы же здесь, рядом! До жилого отсека рукой подать. Вам нечего бояться.

– Может для вас это нормально, но я не могу спать в месте, где бесследным образом исчезли живые люди, и где везде кровь, кровь! Это противно и страшно!

– Они не исчезли, а их похитили, скорее всего.

– Какое утешение! А вдруг где-нибудь здесь затаился один из этих похитителей, и только я пойду в комнату, как он выползет – отвратительный и склизкий, как слизняк, и съест меня, а вы даже не узнаете об этом!

Трайд даже рассмеялся, услышав это, сказал:

– Вы же сами знаете, что это всего лишь надуманные страхи и никаких слизняков здесь нет, мы все проверили. Так что можете спокойно спать.

– Ну, уж нет! Уж лучше я посижу здесь.

– Знаете что, империта, давайте-ка мы все переберемся к вам в комнату, – неожиданно предложил трайд. – Вы будете спать, а мы продолжим свое совещание. И вы не будете одна, и мы не будем беспокоиться за вас.

– Вы в своем уме? – ужаснулась Дели, глядя на офицера, как на невиданное чудо. – Как я буду спать в одной комнате с вами? Вы же мужчины!

– Ну, естественно, мужчины. И что в этом страшного и ужасного?

– Я приличная деллафийская девушка и не могу спать в присутствии мужчин! Это аморально!

– Что ж, если так, то вам придется идти одной, – пожал плечами Марион.

– Но я же боюсь!

Трайд вздохнул.

– Тогда я не вижу выхода из положения, империта, только как заночевать прямо здесь, в Центре управления.

– Я не буду ночевать здесь! Эти кресла неудобные!

Марион негодуяше взглянул на капризную девушку, но вмешался Джанулория, чувствуя назревающий конфликт:

– Я думаю нам пора всем расходиться и как следует отдохнуть, – произнес он своим мягким голосом. – Мы проводим вас, империта, до вашей каюты, и не беспокойтесь, мы будем буквально через стенку, так что вам нечего страшиться.

– Ну, хорошо, – сдалась Дели. – Только мне все равно не нравится это место.

Они проводили империту до комнаты, которую та тщательно выбирала, заставляя офицеров проверить каждый угол, каждый закоулок, и только после этого, слегка успокоившись, отпустила их.

Марион с Джанулорией еще некоторое время разговаривали в комнате трайда. Тасури плескался в бассейне. Он старался каждую свободную минуту проводить в воде – своей родной стихии, что заменяло ему любой отдых.

Т, ахьянец сидел в кресле, прикрыв свои большие хитрые глаза, сцепив длинные тонкие пальцы, что означало глубокие раздумья.

– Думаете, они прилетели за камнями, трайд? – наконец спросил он.

– Думаю, да. Я не вижу другой причины.

– Но как они узнали о них?

– Кто-то проболтался.

– Проболтался? – удивленно пропел энод-арон. – Союз засекретил эту информацию во избежание конфликтов, грабежа, насилия и войн. Эти камни слишком дороги и ценны, чтобы говорить о них во всеуслышание, и многие бы не удержались от соблазна обладать ими. Союз приложил немалые силы, чтобы о них не узнали посторонние, и болтать об этом было бы не в его интересах.

– Разве Союз уверен во всех своих людях? Кто-то мог проболтаться, а мы не узнали об этом.

– Это уже наша вина. Мы обязаны знать все, видеть все, слышать все, и предотвращать беду до того, как она успеет нагреться.

– Но ведь ты и сам понимаешь, что невозможно знать все, слышать все, видеть все, Джанулория! Мы не можем сделать больше своих возможностей! Кто мог знать, что на Камарлене происходит что-то неладное, если никто не посылал сигналов, не просил помощи, ни намек, ни полнамека на беду! Почему никто из Исследовательского Центра не подал сигнал? Даже бы если их убили всех на месте, главный модуль все равно должен был сообщить об этом на Деллафию или хотя бы на какой-нибудь бортовой модуль любого корабля!

– Предатели в Исследовательском Центре? – нахмурился Джанулория.

– У меня была такая мысль, но я знаю весь персонал лично. Многих я сам рекомендовал Онсину Ригелю⁶. Я был уверен в них, как в себе.

– У нас еще есть шанс все исправить, если мы найдем этих непрошенных незнакомцев.

Марион принялся мерять шагами комнату – признак нервного напряжения.

– Клянусь, я перерою весь Камарлен, но им от меня не уйти! – он резко остановился. – Ведь, если им нужны камни, они столкнутся с камарленцами, а для них камни – это святое, и они будут защищать их. Великий космос, нужно, во что бы то ни стало предотвратить кровавые стычки! Утром летим к ихлакам, мне нужно переговорить с ними.

– Боюсь, они озвереют, узнав, что кто-то пытается посягнуть на камни.

Марион снова ходил взад-вперед.

– Проклятье, какая жалость, что нет связи с Деллафией! Если бы нас было больше, было бы гораздо легче. Джанулория, а если это вовсе не пираты? Что, если мы ошибаемся?

Тот серьезно посмотрел на трайда.

– Разве это имеет значение? Наша задача от этого не меняется. Мы все равно должны узнать все, что здесь произошло.

– Да, ты прав, – согласился тот. – Мы втроем должны узнать все. И с нами империта, это тоже нужно учитывать.

⁶ Онсин Ригель – Глава ПаРаСКоН Деллафии. Онсин – высшее офицерское звание в ПаРаСКоН.

– Я не понимаю, как Император отпустил ее на Камарлен без присмотра, без телохранителей и стражей, – недоуменно произнес т, ахьянец.

– Понятия не имею, – отозвался трайд, впервые сказав неправду. – Во всяком случае, империта с нами и мы обязаны всячески защищать и оберегать ее.

На самом же деле он прекрасно знал причину, по которой империта так неожиданно решила отправиться на Камарлен. Знал, потому что сам Император ввел его в курс дела за день до вылета «Эндора».

«Трайд, – говорил Фидель, когда они шли по тенистой аллее Вечернего Сада. – Видимо, я плохой Император, раз не могу совладать с собственной дочерью. Еще ни один наследник не говорил нет, а она сказала, и с тех пор нет мне покоя. Как она посмела, дерзкая самоуверенная девчонка!

– Не вините себя, Император, – отвечал Марион. – Быть отцом всегда непросто, а быть Правителем и отцом – вдвойне тяжело. Может я не прав, но я думаю, что империта просто еще очень юна и не осознает в полной мере всей ответственности, что должна лечь на ее плечи. Дайте ей немного времени, и она сама поймет, что нужна Деллафии. Простите, Император, что пытаюсь давать вам советы, будучи всего лишь офицером, просто я сам когда-то был мальчишкой, и мне хотелось играть и веселиться, а отец заставлял меня заниматься, чтобы я смог поступить на курсы «Звездного бойца». И я сбежал из дома и ненавидел отца, но со временем я понял, что эти курсы могут пригодиться мне в жизни. А впоследствии я пошел на службу в ПаРаСКоН, о чем ничуть не сожалею. Империта тоже поймет это, может чуть позже, но обязательно поймет, я уверен.

– Да, трайд, мне хочется верить вашим словам, и, клянусь Деллафией, я в них верю! – вскричал Император. – Завтра Филадельфия поднимется на борт «Эндора», что летит на Камарлен. Не перечьте ей и не пытайтесь остановить, трайд, ибо это бесполезно. Но, ради космоса, берегите ее! Мне нужна живая и здоровая наследница! С той минуты, как «Эндор» покинет пределы Деллафии, империта будет под вашим началом и под вашим присмотром. Вашим, трайд, и вашего экипажа. И, если хоть волос упадет с ее головы, вы и ваш экипаж поплатитесь своими жизнями.

– Да будет так!

– Ни империта, ни ваши люди не должны знать об этом разговоре, трайд.

– Разумеется, Император.

– Спасибо, трайд. Да пошлет мне Великий космос побольше таких друзей, как вы!»

Энод-арон раскрыл было рот, чтобы сказать что-то, как вдруг из комнаты империты раздался пронзительный вопль. Двумя молниями офицеры метнулись в коридор, выхватывая бластеры. С другого конца мчался Тасури.

Дели забилась в угол кровати, кусая дрожащие кончики пальцев. Ее глаза напоминали блюдца, наполненные до краев смертельного ужаса. Едва завидя офицеров, она кинулась к ним, крича:

– Оно в моей комнате! Я видела его! Оно хотело съесть меня! О, Деллафия, оно здесь!

– Куда оно делось? – сурово спросил Марион, быстро оглядывая взглядом комнату.

– Я открыла глаза, а оно – раз! – и под кровать! Я же говорила, что меня съедят! Мы все умрем в этом проклятом Центре!

Не слушая ее плаксивые причитания, Марион осторожно приблизился к кровати, нажал кнопку, и та бесшумно начала исчезать в стене. Офицеры наставили бластеры, целясь в неизвестное еще чудовище, но их ожидала приятная неожиданность. В самом дальнем углу, вжавшись в стенку, сидело милейшее существо и испуганно тарасило на них глазками-бусинками. Под смех облегчения, вырвавшийся у офицеров, Марион подхватил тварюшку, которая начала возмущенно и яростно брыкать всеми шестью лапками и издавать смешные чихающие звуки, пытаясь вырваться.

– Это оно хотело вас съесть, империта? – самым серьезным тоном поинтересовался трайд. Дели растерянно хлопала ресницами, глядя на беспомощное маленькое существо в его руках.

– Не знаю... Я проснулась и увидела какую-то злобную безобразную тварь, которая нагло сидела на моей кровати и скалила зубы! Я чуть не умерла от страха! А это очень даже симпатичная зверюшка.

– Так как в вашей комнате больше никого нет, кроме этого перепуганного кархарота, а я думаю, что вы видели именно его, то бояться вам нечего. Должно быть, он и сам едва не умер сперепуга.

– Так вы знаете, кто это? – удивилась та. – Вы уверены, что он безвреден?

– Абсолютно, – заверил трайд. – Это местный зверек – кархарот. Скорее всего, он сбежал из лаборатории и теперь хочет выбраться наружу.

– Так давайте его выпустим! Его, наверное, совсем замучили здесь. Дайте его мне, трайд, а то вы держите его, словно тряпку!

– Мы выпустим его завтра, империта, – строго осадил ее тот. – До утра он побудет у меня. А сейчас всем отдыхать!

– Я не буду больше в этой комнате! – заявила Дели.

– Что еще? – довольно-таки резко спросил Марион.

– Мне не нравится этот Центр. Здесь страшно, неудобно и вообще это нехорошее место.

– Мы улетаем завтра, империта, так что будьте добры, потерпите немножко.

– Не хочу терпеть нисколько! Я хочу улететь прямо сейчас!

Трайд гневно спрятал бластер и неприязненно посмотрел на девушку.

– Вам не кажется, империта, – начал он, чеканя каждое слово, – что нужно считаться и с мнениями и желаниями других? Мы устали и нам всем нужен отдых. Мы улетаем завтра утром, это всем ясно? – Последний вопрос он адресовал всем присутствующим, но, не отрывая глаз от девушки, и было件нятно, что обращается он именно к ней.

– А вам не кажется, трайд, что вы могли бы сказать это более учтиво? – с вызовом спросила Дели. – Не забывайте, что перед вами не кто-нибудь, а империта деллафийская.

– Я это прекрасно осознаю, империта, – несколько насмешливо произнес тот, – но, как офицер и трайд, имею право требовать подчинения. Итак, приказываю всем отдыхать! – громко подвел итог Марион, оканчивая разговор, и, не обращая внимания на возмущенное лицо девушки. С этим офицеры и вышли, быстро пожелав ей доброй ночи.

– Все же вам не следовало так резко разговаривать с империтой, – сказал Джанулория, прощаясь с трайдом.

– Энод-арон, разве я похож на воспитателя, чтобы утирать носы капризным, избалованным девчонкам? – устало удивился тот. – Я офицер, а не нянька.

Утро встретило их ослепительным горячим солнцем, которое нещадно и победно освещало пустынную местность, слепя глаза. Катер был готов к взлету.

– Хорошо-то как! – мечтательно промурлыкал Джанулория, чему-то улыбаясь. – Вот к чему я так долго стремился – покой и тишина.

– Только что таит в себе эта тишина и этот покой? – озабоченно протянул Марион, вглядываясь вдаль.

– Что бы они ни таили, не будем думать о плохом, – ответил т, ахьянец.

– Ну что ж, в путь! – Марион сел в катер, остальные последовали его примеру.

И снова внизу проносились удивительные пейзажи, сменяя друг друга, как рисунки калейдоскопа. Офицеры негромко переговаривались между собой.

– Там ли еще Юл-Кан? – хмурясь, спрашивал Марион.

– Только конец света может согнать его с обжитого места, – проговорил Джанулория. – Юл-Кана не так-то просто напугать, разве только Большой Водой.

– Кто знает, что здесь случилось, энод-арон? – вмешался имберианец. – И, честно говоря, что-то на сердце у меня тревожно.

Марион мрачно и обеспокоенно вглядывался в местность.

– Странно, – пробормотал он. – Мы пролетели уже достаточное расстояние, а я так и не увидел ни одной хижины. В прошлый раз здесь было не менее двух луйхаров⁷.

– Я тоже это заметил, согласился Джанулория. – На Большую Воду не похоже: нет канав, оврагов, упавших деревьев.

Дальше летели молча, лишь три пары настороженных офицерских глаз зорко всматривались в пронсящие деревья, реки, луга. Наконец тишину разорвал возглас энод-арона:

– Луйхар!

Марион слегка прищурился, напрягая зрение и пытаясь разглядеть то, что так легко увидел т, ахьянец.

– Верно, луйхар, – облегченно вздохнул он, когда и его взгляд различил далекие крохотные хижины аборигенов.

Катер приземлился недалеко от поселения, похожий на чужеродную комету рядом с небольшими легкими хижинами. Не успели они коснуться земли, а уже собралась толпа камарленцев, которые, задрав вверх головы, неотрывно наблюдали за кораблем и, кажется, ничуть его не боялись. А из катера на них во все глаза смотрела Дели, как ребенок, впервые увидевший непонятную игрушку.

– Идемте, империта, – мягко позвал ее Джанулория.

Их было много. Они удивительно походили друг на друга, хотя, наверное, и для них все деллафийцы на одно лицо. На них смотрели возбужденно – радостные огромные глаза без капли страха и недоверия. Так могут смотреть только очень доверчивые, чистые, искренние существа, или дети. На макушках безволосых голов подрагивал на стебельке еще один третий глаз – круглый, любопытный, беспокойно вертящийся из стороны в сторону, словно живая независимо от хозяина. И все вместе эти дополнительные глаза напоминали стрелы молодой травы, что только-только показались над землей.

Огромные складчатые души, которые либо сворачивались, походя на нераскрывшиеся бутоны цветка, либо раскрывались во всю ширь и становились похожими на ракушки, которые в изобилии лежат на берегах морей Имберии, поражали больше всего.

– Миндур ша цирхарр охно трорк! – Громко произнес трайд, останавливаясь.

Из большой толпы выбрался высокий абориген мощного телосложения с открытым спокойным взглядом темных глаз. На его широкой груди, обтянутой гладкой темно-коричневой кожей, висел кулон на толстой цепочке, изображающий сплетение непонятных символов. На широком кожаном поясе – добротные ножны, из которых виднелась рукоятка меча, за плечами – арбалет и колчан со стрелами. Его голос прозвучал внушительно и раскатисто:

– Кнот ррах ма одони! Ша гор ррах ту зонк-во!

– Хи луйхар ювони чулар, – улыбнулся Марион и добавил на контарта⁸: – Надеюсь, ты еще не забыл мои уроки, Сира-Мадок?

– Как видишь, не забыл, рахим Эрадорх, – добродушно отвечал тот тоже на контарта, сильно выделяя согласные, что немного резало слух.

– Позволишь ли ты, уважаемый Сира-Мадок, ступить нам на твои земли и найти ночлег в твоём гостеприимном доме? – Спросил Марион, соблюдая правило «странника» по древ-

⁷ Луйхар – племя, поселение (камарл.)

⁸ Контарта – древнейший язык, пришедший с Т, ахьяна. Распространен по всему внутреннему космосу, как всеобщий, благодаря офицерам КС и аронам Т, ахьяна.

нему обычаю камарленцев, хотя и знал прекрасно, что им не откажут, войди они хоть даже без спроса.

– Мой дом – ваш дом, – почтительно отозвался Сира-Мадок и взмахнул трехпалой рукой в направлении луйхара.

– Благодарим, – и офицеры непринужденно зашагали за камарленцем.

Со всех сторон на них были устремлены открытые и радостные глаза. Они устроились у хижины Сира-Мадока.

Заботливая хозяйка – статная, по-своему красивая, увешанная украшениями, – хлопотала возле гостей, бросая на Дели любопытные робкие взгляды.

– Вы прилетели в нужное время, и я этому очень рад. – Сказал Сира-Мадок и Марион понял, что тому есть, что сказать им, но решил немного отложить с расспросами, поинтересовался:

– А где же малютка Мира-Лор?

Из груди камарленца вырвался вздох.

– Он вместе с сильными моего луйхара отправился в луйхар До-Граха два солнца назад, и я никак не могу дождаться их.

– Что-то случилось в луйхаре До-Граха? – насторожился Марион.

– Страшные времена настали, – глухо пророкотал Сира-Мадок, и пальцы его крепко сжали рукоять меча. – И, если ты не против, я все расскажу после трапезы. Духи слышали наши молитвы, и вы прилетели. Это меня успокаивает.

Между тем на большой поляне между хижинами вовсю шло приготовление к трапезе. А через несколько минут они уже сидели кругом на горячей земле вместе со всем луйхаром. Было много рыбы или чего-то очень похожего на рыбу, пресные лепешки, овощи, фрукты с непередаваемым вкусом, похлебки, мясо, медоподобные сладости и напиток, очень крепкий, но невероятно ароматный.

Разговоры шли на отвлеченные темы: о жизни луйхара, о детях, о животных, но ни слова не было упомянуто о тревогах, что так мучили Сира-Мадока. Хотя офицеры прекрасно видели в лицах и глазах камарленцев какой-то затаенный страх, даже ужас. Марион сидел, как на иголках, почти ничего не ел и мало говорил, а по лицу его ходили мрачные тучи недобрых предчувствий.

Наконец, трапеза подошла к концу. Офицеры и Сира-Мадок сразу же куда-то удалились.

– Так что случилось? – накинудся Марион.

– Позволь все рассказать по порядку, рахим Эрадорх. – Они уселись под большим, раскидистым деревом с огненно-красной листвой, что росло немного в стороне от поселения. – Ничто не предвещало беды, все шло своим чередом. Но однажды до нас дошел слух, что на луйхар Маро-То напали. Потом напали на луйхар Эл-Йона. Погибло множество ихлаков⁹. И многие луйхары ушли в более безопасные места или объединились между собой. И вот как-то на восходе к нам прискакал ихлак из луйхара До-Граха – израненный, еле живой и сказал, что на них напали, и уже немного осталось живых ихлаков славного луйхара и просил помощи. И мой сын Мира-Лор собрал сильных и тотчас же помчался на подмогу. А мне сказал: «Береги наш луйхар и, если случится беда – защищай его до последнего вздоха. Обо мне не волнуйся, я нужен там, а ты здесь». А, когда солнце перевалило далеко за полдень, на нас напали, неожиданно, внезапно. Это были сами духи тьмы – безобразные, кровожадные, ужасные. Даже женщины взяли оружие и бились наравне с сильными, и мы сломили их, а сами не пострадали. Может потому что нас было больше их, а может потому, что не растерялись мы и не поддались страху. Но с тех пор мы в постоянном ожидании беды. Мы не решаемся идти на охоту и оставлять луйхар. Я жалею, что отпустил Мира-Лора и думаю, что напрасно жду его, ведь я видел,

⁹ Ихлаки – коренные жители Камарлена (камарл.)

что за демоны напали на нас и на До-Граха. Впервые в жизни я боюсь – не за себя, а за сына и ихлаков. Но вы прилетели, значит, все будет хорошо.

Офицеры слушали его очень внимательно, ловя каждое слово. Тасури нервно покачивал кончиком длинного хвоста. Джанулория сидел, прикрыв глаза, и со стороны казалось, что он заснул – так неподвижна и спокойна была его худошавая фигура. Марион мрачнел, как грозовая туча, глядя прямо перед собой в одну точку, а дослушав до конца, вскочил на ноги, невольно сжав пальцами бластер, словно собирался кого-то немедленно расстрелять, спросил у Сира-Мадока:

– Ты можешь показать мне этих тварей, что напали на вас?

Тот покачал головой:

– Нет, рахим Эрадорх, мы немедленно сожгли их. Сейчас даже косточки не найдется.

– А ты видел их раньше?

– До вчерашнего дня – никогда. Я думаю, это действительно злые духи во плоти: рыжие, клыкастые, рогатые, красноглазые, вонючие.

При этих словах Джанулория открыл глаза и посмотрел на трайда. Они обменялись странным, тревожным взглядом.

– Сира -Мадок, – повернулся к ихлаку т, ахьянец, – ты не знаешь, где сейчас луйхар Юл-Кана? На старом ли месте или он ушел в безопасные места?

Ихлак как-то горько взглянул своими глазами на энод-арона, что тот сразу понял, что случилось что-то непоправимое.

– Страшные времена настали, – повторил Сира-Мадок. – Нет больше луйхара Юл-Кана, да и самого Юл-Кана больше нет, не миновала и его беда, рахим Дентр.

Марион так и подскочил к нему, глаза его лихорадочно блеснули, он почти крикнул, на мгновение даже забыв, что перед ним добрый друг.

– Ты что болтаешь, Сира-Мадок?! – Но почувствовав на плече легкую руку Джанулюрии, немного остыл: – Прости, просто я не верю.

– Я и сам не верю, рахим Эрадорх, – произнес ихлак, – но ведь вы знаете, что обманывать вас мне нет нужды. Насколько я знаю, и на его луйхар напали те существа. Они не смогли отбиться, ведь их было очень мало. Пали все, даже сам Юл-Кан. Самое древнее, уважаемое и малочисленное племя исчезло, погибло.

– Почему же никто не пришел им на помощь? – Кричал Марион. – Почему Юл-Кан не ушел в другое место? Почему он не попросил помощи?

– Вы несправедливы к Сира-Мадоку, трайд, – упрекнул его Тасури. – Сира-Мадок не может помочь всем, он и так послал сына на верную смерть. Что вы еще хотите? Вы же знаете характер Юл-Кана, он бы никогда не попросил помощи, даже перед лицом смерти. Прошлого не вернешь.

Марион с трудом взял себя в руки, произнес:

– Я прошу прощения, Сира-Мадок. Это была тяжелая весть.

– Это для всех тяжелая весть, – отозвался тот.

Когда офицеры ушли, не сказав ни слова, Дели не знала, куда себя девать. Идти за ними она считала ниже своего достоинства, ведь ее никто не удосужился пригласить, а завязывать знакомство с аборигенами было боязно. К тому же на нее постоянно пялились украдкой их любопытные глаза, а это раздражало. Поэтому она уныло бродила меж хижин, словно призрак, потом ее внимание привлекли какие-то существа, что паслись недалеко от поселения.

Это были странные создания, короткое, почти круглое тело которых было покрыто жесткими, как панцирь, пластинами. Тонкие суставчатые ноги с мощными когтями сгибались весьма непривычно и своеобразно, но, судя по всему, эти ноги не знали усталости и были сильными и крепкими. На длинной шее сидела круглая смешная головка с огромными фасеточными глазищами, такими черными и непроницаемыми, что казалось, будто это два осколка

мрака, которые видят все, а в них увидеть что-либо невозможно. Челюсти представляли собой острые, как бритва, жвалы, которыми существа ловко срезали высокую траву, словно ножницами.

Дели не решалась подойти ближе, не зная, на что способны эти длинноногие твари, но те, завидя ее, не выказали ни малейшего беспокойства и, глянув на чужачку осколками мрака, продолжили мирно жевать траву.

Поглазев на непонятных существ, Дели направилась к реке, что протекала совсем близко от луйхара. Спустившись с крутого песчаного берега, девушка подошла к самой воде. Река была полноводной, с серой невыразительной гладью и тихим течением. Голые берега, лишённые какой-либо растительности, кроме травы, обильно освещались ярким солнцем, и его блики плясали ослепительными чертиками на мягких перекатах, завораживали и очаровывали, походили на упавшие звезды, уносимые куда-то вдаль, в неизвестность, продолжая победно блистать.

Вода была очень теплой и Дели, присев на корточки, набирала ее в пригоршню и смотрела, как она струйками стекает меж пальцев, словно смеясь и играя. Почему-то вспомнилась Имберия с ее бездонными, зелеными, прозрачными морями и подводными городами. Наверно констату Тасури эта мутная серая река кажется отвратительной после морей его родной Имберии. А на Деллафии вода голубая. А для камарленцев должно быть эта их река кажется самой прекрасной в мире...

И еще много непонятных мыслей кружилось в голове империты, пока она смотрела на тихий бег безымянной реки. Но неожиданно ее внимание привлекло какое-то движение. В нескольких фюнах от нее, у самой воды, настороженно и враждебно глядя на нее большущими желтыми глазами, стоял зверь. Его иссиня-черная шерсть блестела и лоснилась на солнце, словно смазанная жиром, а бока тяжело вздымались и опадали, будто зверь пробежал небольшое расстояние. В зловеще приоткрытой пасти торчали острые клыки, ясно говорящие, что их обладатель явно нетравоядный. Низко опустив голову с фонарями глаз, он словно принюхивался к незнакомому запаху. Во всем его облике чувствовалось враждебное выжидание и готовность броситься на жертву в любой момент.

Дели, словно остолбенела под взглядом этих неподвижных немигающих злобных глаз, и стояла, как вкопанная. Зверь тоже не шевелился. Наконец он сделал несколько решительных шагов в ее сторону. Дели отшатнулась. Еще шаг зверя, и тут оцепенение спало, и девушка с воплем бросилась прочь, чувствуя, что ее вот-вот схватит зубастая пасть и разорвет в клочки. Уже почти взобралась на песчаный берег, как неожиданно под ногой поехал рыхлый пласт земли, и она с отчаянным визгом кубарем слетела в воду.

– Помогите! – в ужасе заорала Дели, глотая противную теплую воду, вдруг почувствовав, что ее ноги обвили чьи-то щупальца. – Тону! Спасите! А-А! Убивают!

На берегу показались офицеры и несколько аборигенов. Тасури с разбега нырнул, почти не подняв брызг, в два взмаха подплыл к барахтавшейся девушке и уже хотел плыть обратно, как она истошно закричала:

– Ноги! Мои ноги! Кто-то держит мои ноги! Там чудовище! О, космос, я умираю!

– Сейчас разберемся. – Констат ловко выудил из-за пояса кинжал и, зажав его в зубах, грациозно скрылся под водой.

– Не отрежьте мне ноги! – Вдогонку крикнула Дели, не замечая, как на берегу пытается сдерживать улыбку Марион, а Джанулория откровенно хохочет.

Показалась голова Тасури.

– Все в порядке – водоросли, империта, – он показал ей клоч лохматых красных растений, зажатых в руке.

– Скорее, на берег! – Взмолилась Дели. – Мне сейчас будет плохо! Мне кажется, у меня внутри плещется вся эта река.

Ей помогли взобраться на берег, дали отдышаться.

– Вы целы, империта? – спросил Марион, глядя на насквозь промокшую девушку, похожую сейчас на маленького птенчика.

Та кивнула головой.

– Как же вы оказались в реке? Или вы хотели искупаться? – Чуть насмешливо поинтересовался трайд.

Дели вскинула голову, услышав насмешку.

– Можете верить, трайд, можете – нет, но меня хотел сожрать дикий зверь с огромными желтыми глазами и черной шкурой. Он гнался за мной, но я оступилась и оказалась в воде.

– Случайно не этого зверя вы имеете в виду, империта? – Трайд посмотрел в сторону, где сидел, как ни в чем не бывало, тот самый желтоглазый злоеший хищник с самым невинным видом и шурился на солнце.

Дели ахнула и невольно отшатнулась.

– О-он... Это он гнался за мной!

– Ну, что ж, познакомьтесь. Этот зверь называется лонг, а зовут его Калирон. И принадлежит он Сира-Мадоку. Не бойтесь, он не дикий, но чужаков не любит и опасается.

– Почему же вы раньше не сказали мне, что у аборигенов есть эти звери? – обвиняюще спросила Дели. – Сказали бы раньше, и я не тряслась бы от страха, не барахталась в этой вонючей реке, не рисковала бы жизнью, в конце концов! Вы обязаны отвечать за меня, как офицеры!

– Во-первых, мне было некогда рассказывать вам в подробностях о жизни ихлаков; во-вторых, не смейте называть реку Хора вонючей; и в-третьих, вы должны были предупредить меня, куда направляетесь.

– Так как вы ушли вместе с Сира-Мадоком, ничего мне не сказав, я не знала, где вас искать. И вообще вы не имеете никакого права оставлять меня одну среди чужих мне существ!

Глаза трайда слегка смягчились.

– Прошу прощения, но у нас был чрезвычайно важный разговор.

– Как легко сказать «прошу прощения, империта», а из-за вашей безалаберности я чуть не умерла.

Марион внимательно посмотрел не девушку, в его глазах колыхнулась волна раздражения. Он повернулся к Джанулории, тихо попросил:

– Энод-арон, вы не могли бы оставить нас с империтой наедине?

– Не лучше ли закончить этот разговор, трайд? – спросил беззвучно тот. Но Марион покачал головой, и т, ахьянец, вздохнув, произнес на камарленском несколько слов, после чего аборигены и двое офицеров удалились.

Марион снова повернулся к девушке.

– Вы изволили назвать меня безалаберным, империта? – почти спокойно спросил он.

– Да, вам следовало бы посерьезней относиться к тому, что с вами империта Деллафии, – заносчиво выпалила Дели.

– Как вы себе это представляете? – Задал он простой вопрос. – Видите ли, я еще ни разу не был удостоен чести даже лицезреть вас, поэтому, как вы можете понять, я затрудняюсь в обращении с вами.

– Что? – изумилась та. – Я попала в руки не только безалаберных офицеров, но и совершенно несоответствующих?

– Не соответствующих чему? – искренне любопытствовал трайд.

– Моим требованиям!

– Вашим требованиям? – удивленно присвистнул офицер. – Неужели появилось и такое приложение к Своду правил и обязанностей офицеров КС? Почему же я не слышал о нем?

– Не смейте насмехаться, трайд! – вспыхнула Дели. – Я требую, чтобы вы обеспечили мою полную безопасность на Камарлене! Вы, констат и энод-арон!

«Ах ты, маленькая диктаторша! – с горечью подумал Марион. – Я буду не я, если не собою с тебя эту спесь!»

– Разве не сегодня констат спас вам жизнь, когда вы тонули, империта? Разве не мы примчались в вашу комнату в Исследовательском Центре, едва заслышав ваш крик? Кто, наконец, спас вас из бездыханного «Эндора», разве не мы? Что же вам еще нужно? Чтобы мы и денно и ночью сидели возле вас?

– Вы раздуваете свои поступки до геройских, трайд...

Но тот не дал ей договорить. Усталость, напряжение, раздражение, нервозность и потрясения всего дня, наконец, вырвались наружу.

– Я начинаю думать, империта, – произнес офицер глухо, сиюсь сдержаться. – Что вы прилетели на Камарлен лишь для того, чтобы всячески мешать нам работать. Я не звал вас лететь сюда, но раз вы здесь, сделайте одолжение, ведите себя благоразумно, не усложняйте нашу работу, и тогда мы сможем добросовестно защищать вас от всех возможных опасностей.

– Это даром для вас не пройдет, трайд! – задохнувшись от такой наглости, вполголоса произнесла Дели и убежала прочь.

Марион вернулся в катер. После жары снаружи здесь было прохладно. Он упал в кресло. Ему нужно было хоть немного побыть одному и обо всем подумать. Мысли сразу закружились вокруг Юл-Кана.

Юл-Кан... Огромный ихлак, рядом с которым Марион чувствовал себя подростком. Они подружились много лет назад, когда трайд и думать не думал о службе в КС, а Юл-Кан был еще малорослым сыном вождя Нэл-Адона. И на протяжении всех этих лет Марион не переставал удивляться широте души полудикого друга, его детской доверчивости, открытости, любознательности и незаурядному уму. Юл-Кан был первым настоящим другом Мариона.

Был случай, когда Юл-Кан спас трайда, вырвав его из когтей озверевшего от голода хищника, кинувшись на него с голыми руками. А потом произнес простую и гениальную фразу:

– Теперь я в ответе за того, кого спас.

Он был верен дружбе, как ему был верен его лонг – Эвино. Порой он засыпал Мариона ворохом разнообразных вопросов, начиная с «почему трава растет» и, заканчивая «а как устроен мир». Иногда он мог прийти среди ночи и сказать:

– Я все не могу заснуть, все думаю, что ты мне сказал. Ведь не может быть, чтобы это Ихлакит¹⁰ вращался вокруг солнца, а не наоборот. Ведь солнце каждый день восходит, и вечером заходит, значит, это солнце вращается вокруг Ихлакита. К тому же, если бы Ихлакит вращался вокруг солнца, то у меня бы перед глазами все крутилось бы. И я бы чувствовал, что верчусь вместе с Ихлакитом. А я ведь не чувствую.

И приходилось Мариону спросонок объяснять ихлаку, что почем. И порой эти объяснения заканчивались бурным спором, который, бывало, растягивался до утра, и даже выходило так, что Юл-Кан начинал поправлять Мариона.

И было в нем столько непосредственности, глубины, силы и необъяснимого очарования, что одна только мысль о том, что его может коснуться длань смерти, казалась дикой.

Мариону вспомнилось, как однажды они сидели на берегу реки Эрадорх и Юл-Кан ска- зал:

– Может быть, настанет день, и я увижу своими глазами твой дом – Деллафию, золотые деревья, голубые реки, дворцы. Увижу звезды близко-близко, как ты их видишь. Обещай, что я все это увижу.

¹⁰ Ихлакит – так называют Камарлен ихлаки.

И Марион обещал.

А теперь Юл-Кана нет, и он так и не увидел ни звезд, ни лесов, ни рек Деллафии, в которые он влюбился по рассказам трайда...

Марион вздохнул и постарался думать о чем-нибудь другом. Постепенно его мысли прояснились, вернувшись в привычное русло. Он начал обдумывать план дальнейших действий, анализировать каждое слово, произнесенное Сира-Мадокком, строить догадки и предположения, стараясь из ничтожных крупиц полученной информации извлечь, как можно больше. Это было невероятно трудно, и трайд, выдвигая одно предположение, осматривая со всех сторон, отбрасывая его, и снова выдвигая другое, разбирая по косточкам, незаметно для себя заснул.

Проснулся, как обычно, рывком, как бывает, когда чувствуешь опасность даже во сне. Но вместо опасности увидел Джанулорию, что сидел в соседнем кресле и задумчиво смотрел куда-то в обзорный экран.

– А я вас везде искал, трайд.

– Что-то случилось? – по солнцу Марион определил, что спал где-то с час.

– Пока все спокойно. Сира-Мадок хотел отправиться в луйхар До-Граха. Он совсем, бедняга, отчаялся.

Трайд молчал.

– Чувствуете себя виноватым? – спросил энод-арон, внимательно поглядев на него.

– Ты угадал, Джанулория. Тяжело мне как-то, паршиво, и не только из-за Сира-Мадока и Мира-Лора, но и из-за Юл-Кана, погибших ихлаков. Словно это я их убил. Джанулория, а если мы сейчас полетим в луйхар До-Граха? – Марион с надеждой смотрел на т, ахьянца, а в голосе его прозвучали странные нотки, словно он просил у энод-арона разрешения.

– У одной птички родились птенчики, – немного помолчав, заговорил Джанулория. – Она очень любила своих птенцов, приносила им лучшую пищу, холила их, лелеяла и всячески защищала от напастей. Но однажды на соседнее гнездо напала огромная хищная птица. Родители отчаянно отбивались, защищая свое потомство, а враг наседали все сильнее. Тогда они бросили клич о помощи, и птичка услышала этот клич и ринулась на подмогу. Втроем они одолели хищника, и он сбежал. А когда птичка вернулась в свое гнездо, то увидела, что оно разорено, птенчиков нет, осталось лишь несколько перышек...

Трайд задумался.

– Думаешь, будет так? – Спросил он. – Думаешь, лучше быть здесь, с Сира-Мадокком, чем лишиться и его, и До-Граха?

– Да, трайд. К тому же сейчас мы мало чем поможем До-Граху: там наверно уже все решилось.

По лицу собеседника пробежала мрачная туча. Он вздохнул мучительно и задумчиво, повторил:

– Все решилось... Да, там уже все решилось. Мы прилетели слишком поздно.

– Всегда есть место надежде, трайд, – негромко и успокаивающе проговорил т, ахьянец. – Надежда – вещь упрямая, она теплится даже тогда, когда все другие чувства в полном отчаянии. Не забывайте об этом.

– Я не забываю, друг мой, ведь именно это странное свойство – надеяться – спасало меня не раз. – Слабо улыбнулся трайд. – И я ему верю.

– Вот и хорошо, – одобрил его слова Джанулория, но, взглянув на собеседника, сказал уже серьезным, чуть напряженным голосом, вернувшись к мучавшей их проблеме: – Послушайте, трайд, я тут размышлял обо всем случившемся и вдруг подумал, а могут ли напавшие на Исследовательский Центр и на луйхары ихлаков быть одними и теми же существами? Собственно, я и искал вас для того, чтобы обсудить это с вами, – добавил он.

– Нет, – решительно отверг это предположение Марион, немного помолчав. – Уверен, что нет. Я уже думал об этом и пришел к выводу, что – нет. На Исследовательский Центр напали

разумные существа, а, судя по рассказу Сира-Мадока, напавшие на них, были больше похожи на диких зверей, чем на разумных. А разве неразумные существа могут летать от планеты к планете? Значит, мы имеем дело с разумными существами и зверьми, которые каким-то образом связаны между собой.

– Неужели пираты пустились в еще более изощренные хитрости ради наживы? – вздохнул энод-арон.

– Я не вижу другого выхода, кроме, как облететь все горы, где есть драгоценные камни, в поисках пиратов. Хотя шансы ничтожны, надо попытаться.

Дели ходила мрачнее тучи. Ее настроение безнадежно испортил трайд. Она была готова лопнуть от злости, от негодования, от обиды. Ей до зуда хотелось подойти к нему и плюнуть прямо в лицо у всех на глазах, но его нигде не было видно. «Струсил и прячется, – злорадно подумала девушка. – Джанулория и Тасури тоже с ним заодно. Все они из одного теста!» Она так и ни с кем не завязала знакомство, и одиночество теперь угнетало ее, даже начала жалеть, что вообще прилетела сюда, на этот богом забытый Камарлен.

Тут ее внимание привлекли несколько аборигенов, которые вдруг распустив свои уши – ракушки во всю ширь, застыли в напряженных позах, словно к чему-то прислушиваясь. Потом они громко заорали что-то непонятное и со всех ног помчались куда-то. На их крики собралась толпа взволнованных ихлаков. Дели, заинтересованная этим всеобщим возбуждением, побежала к толпе, где уже были все офицеры.

– Что случилось, констат? – крикнула она. – Почему такой шум?

– Едет Мира-Лор, сын Сира-Мадока!

Через некоторое время она увидела вдали нескольких всадников, которые медленно приближались. Толпа ринулась им навстречу, и Дели, увлеченная ей, оказалась почти в первых рядах.

Двенадцать рослых аборигенов слезали с длинноногих существ с огромными фасеточными глазами. Вперед выступил крепкий камарленец и нетвердой походкой шагнул к Сира-Мадоку.

– Ундо харах вхат! Шрах цфухх! – произнес он громко. – Илго саргот мандорх.

После этих слов их обступили со всех сторон, и посыпался град вопросов. Сира-Мадок, стоя возле сына, что-то говорил ему, после чего крепко обнял.

– А с нами ты не хочешь поздороваться, малютка Мира-Лор? – Спросил, улыбаясь, трайд, глядя на камарленца.

– Рахим Эрадорх! – Выдохнул «малютка», возвышаясь над Марионом на полголовы. – Рахим Дентр! Рахим Имбис! Какое счастье, что вы здесь! А я все боялся, как там мой отец. Теперь вижу, что он был в надежных руках.

– Колчан твой пуст и меч обломан, я вижу, что врагам твоим было плохо.

Взгляд Мира-Лора потух.

– Не только им, но и нам. Ты видишь это? – он указал на длинные свежие раны, покрывавшие его тело. – Это – пустяки. Многие отправились к Воротам Вечности.

– Разговоры – потом, – деловито вмешался Джанулория. – Вы что не видите, что они падают от усталости.

Постепенно все разбрелись, но еще долго над луйхаром раздавались взволнованные, радостные и грустные голоса.

У хижины Сира-Мадока собрались сам вождь, его сын, подлеченный Джанулорией, Марион, Тасури и Дели. Т, ахьянец залечивал раны вернувшихся ихлаков, помогая местному лекарю.

– Мы подросли как раз вовремя, – рассказывал Мира-Лор. – Твари наседали всюду, а До-Грах все слабел. Бились даже женщины. Это было страшно: всюду убитые, раненные, а твари на ходу разрывали трупы, даже тех, кто еще шевелился. – Тут лицо ихлака исказила гримаса отвращения и ужаса, но он продолжал: – А тварей было много, и дрались они, как обезумевшие, а нас все меньше и меньше. Половину луйхара До-Граха вырезали, я потерял восьмерых. Мы бились долго, кажется целую вечность, когда, наконец, пала последняя тварь. До-Грах был тяжело ранен, но он жив. Мы сожгли все трупы врагов, но из-за полученных ранений задержались. Вождь До-Грах сказал: «Мой луйхар обязан жизнью вам. Скажи своему отцу Сира-Мадок, что я завидую ему, ведь у него есть такой сын, как ты, Мира-Лор, а мне духи не дали сына. Ты достоин своего отца». Вот и все, что я могу рассказать, – закончил Мира-Лор.

Сира-Мадок молча любовался сыном, погрузившись в свои думы.

– Ты сделал все правильно, Мира-Лор, – произнес он. – И я горжусь тобой.

Сын признательно улыбнулся отцу.

– Ты можешь описать этих тварей, Мира-Лор? – спросил Марион.

– Они и сейчас стоят у меня перед глазами, как живые: огромные, с рыжей шерстью, рогатые, клыкастые, когтистые, четырехглазые. И глаза красные, кровожадные, очень сильные, быстрые и страшные, как смерть. Я никогда таких не видел.

Дели видела, как сильно побледнел трайд, но через секунду он уже справился с собой и продолжил расспрашивать ихлака.

Империта во время их разговора не раз ловила на себе долгие взгляды Мира-Лора. В его глазах читалось и удивление, и недоумение, и немой вопрос, и восхищение.

Наконец Мира-Лор не удержался и негромко спросил у Мариона:

– Дорркус инлаг зор най-чо шалкай вонк эскэт?¹¹

Трайд расхохотался и ответил так же негромко:

– Эхон-го тархор сог-но ицхак свол ррах ма, Мира-Лор. Парор усорвах идохшо. Пайо.¹²

Все, кроме Дели, поняли их диалог, и от этого ей было не по себе, словно сплетничали о ней за ее спиной.

«Наверняка трайд сболтнул ему какую-нибудь гадость про меня, что еще от него ожидать», – раздраженно подумала она.

Солнце стремительно катилось к горизонту, постепенно удлинялись тени, трава окрашивалась в темно-бардовый оттенок, заплясали первые язычки костров, бесшумными тенями возвращались с охоты лонги. Появился и Джанулория, довольный и непривычно шумный.

– Я всегда говорил, что ихлаки – необычайно крепкий народ, – заявил он, усаживаясь рядом с Дели. – Хоть десять дырок сделай в них, а они и слова не скажут. У одного рана глубиной в десять калаганов¹³, а он с ней проскакал на харубе много рондов¹⁴ и теперь сидит – хоть бы охнул один раз, нет, – молчит. Ну, Мира-Лор, рассказывай о своих сражениях и подвигах. Как, уже рассказал? Вот молодежь, никакого почтения к старику Дентру, – шутя, упрекнул он. – Ну да ладно, я-то знаю, что ты был храбр и бесстрашен, а это главное.

– Уже темнеет, – Марион смотрел на беззаботный танец костра, что разожгла хозяйка, пока они разговаривали. – Пора расходиться, Мира-Лору нужен отдых.

Прощавшись с ихлаками, офицеры направились к своим хижинам, заботливо приготовленным для них гостеприимными аборигенами.

¹¹ Кто эта девушка с глазами цвета лепестков шалкай?

¹² Это грозная воительница, Мира-Лор. Она прилетела вместе с нами, чтобы защитить ваш дом. Осторожней, не влюбись в нее.

¹³ Калаган – 1 сантиметр (деллаф.)

¹⁴ Ронд – 1,6 километра (деллаф.)

Марион поудобнее устроился на мягком ложе из высушенных трав и только закрыл глаза, как моментально провалился в сон. Ему показалось, что он спит всего лишь несколько минут, а уже новая опасность будит его, настойчиво стучась в усталое сознание. Вскочив, прислушался к звонкой тишине, что висела, словно зримо. Такое безмолвие бывает перед бурей, и трайд это знал. Тусклый свет луны обрисовывал смутный силуэт входа, за которым перемигивались звезды. Все было безмятежно и спокойно, как и должно быть в столь поздний час. Но ощущение близкой опасности не покидало, и Марион бесшумно выскользнул из хижины, держа лазер наготове.

Луйхар спал, и можно было даже услышать равномерное и могучее дыхание усталых ихлаков, что стелилось меж темных контуров хижин, словно дыхание самой земли.

Офицер осторожно прошмыгнул в хижину Джанулории. Тот проснулся сразу, словно и не спал.

– Это я, Марион, – прошептал трайд.

– Что случилось? – также шепотом спросил т, ахьянец.

– Я чувствую угрозу.

– Значит, что-то будет, – не сомневаясь, согласился энод-арон, привыкший доверять чутью трайда. – Нужно предупредить Тасури.

Они тихо выскользнули из хижины, как вдруг безмолвие пронзило приглушенное, злобное рычание невидимого в темноте лонга.

– Не нравится мне это, – внезапно раздался тихий голос позади.

– Черт! Тасури, я мог тебя пристрелить! – облегченно выдохнул Марион при виде своего друга. – Какого рожна ты подкрадываешься сзади?

– Хотел проверить вашу реакцию, – хмыкнул тот.

– Тс-с! – Марион приложил палец к губам, призывая к тишине, насторожился. – Слышите?

– Лонги рычат.

– Нет, не то. Кто-то надвигается.

Офицеры напряглись, всматриваясь в темноту.

Вдруг в неверном свете луны мелькнула какая-то тень и тут же скрылась. За ней появилась еще одна и тоже исчезла.

Приглушенное рычание лонгов переросло в угрожающий рык. Сверкнул огонь факела, второй, третий – луйхар услышал сигнал опасности и был начеку.

– К оружию! – громогласно крикнул Марион, когда три мрачные тени, озаренные пляшущим светом факелов, вдруг бросились к ним, покинув свои тайные убежища.

– Великий космос! Не может быть! – прошептал Марион, отшатнувшись назад, словно получил удар. Лицо его побледнело, как мел, в глазах мелькнул ужас. – Этого не может быть! – Он безотрывно смотрел на тварей, будто замороженный.

– Огонь! – Заорал Тасури, и яркие, устрашающие вспышки пронзили ночь, смешавшись с рыком лонгов и жутким воем наступающих чудовищ.

– Трайд, стреляйте же! – Крикнул Джанулория, зажигая на ладони огненный шар. – Стреляйте, они приближаются! Трайд!

Марион видел, как прямо на него неслось рыжее чудище, сверкая безобразными красными глазами. За ним мчался серый лонг. В прыжке он впился зубами в ногу волосатой твари, но та отмахнулась от него легко, словно от комара, ударив когтистой лапой. Этот отчаянный предсмертный визг храброго лонга, словно вырвал его из оцепенения. Подняв бластер, офицер выстрелил. Раскрыв жуткую пасть, чудовище рухнуло у его ног, обдавая зловонием и ужасом, а на смену ему шли все новые и новые.

Луйхар запыхал жестоким сражением. Сверкали мечи, свистели стрелы, орали десятки глоток, пылали хижины.

«Империта! – вдруг мелькнула страшная мысль. – Где империта?». Марион огляделся безумным взглядом, надеясь увидеть девушку, но среди пляшущих, беснующихся тел невозможно было ничего разглядеть. Он бросился к ее хижине, как вдруг откуда-то сверху, сбоку, снизу на него накнулись лапы. Они царапали когтями, потянулись кровожадные пасти, обдавая горячим дыханием, повалили на землю, капая вонючей слюной. Марион почувствовал, как в плоть впились острые безжалостные клыки, разрывая кожу, мышцы, обжигая невыносимой болью.

Вспыхнул луч данкара, похожий на яркую ленту молнии, пролетел огненный шар и, ударившись о землю, рассыпался фонтаном искр, способных прожечь насквозь. В небо взметнулись дикие крики и несколько тварей, объятые пламенем, кинулись прочь, оглашая окрестности воплями боли и ужаса. Зубы, держащие трайда, ослабли и чудовище, содрогнувшись, упало на офицера.

– Живы, трайд? – быстро спросил Тасури, оттолкнув тело мертвой твари.

– Да, – Марион с трудом поднялся, слегка покачнувшись, но устоял.

– Вы ранены! – воскликнул имберианец, увидя кровь.

– Ерунда, – бросил Марион. – Надо найти империту.

И отмахнувшись от констата и его слов о серьезности и опасности трайдового ранения, Марион ринулся на поиски империты. Позади двое офицеров яростно отбивались от беснующихся чудищ, кое-где горела трава и в воздухе разносился ее удушливый запах, смешанный с вонью горелой плоти.

Дели проснулась от невероятного шума. Кто-то оглушительно орал, топот множества ног содрогал землю, звенел металл, визжали дети, ночь непривычно озарялась каким-то странным пляшущим светом.

«Неужели эти аборигены никогда не спят? – раздраженно подумала она, сгоняя остатки сна. – Никакого уважения к гостям».

Дели высунулась из хижины и обомлела от страха. На поляне ослепительно пылали большие костры, выбрасывая в темное небо яркие искры, озаряя ночь багровыми зловещими отблесками. И в этих отблесках шел бой. Блестящие коричневые тела аборигенов переплетались с телами каких-то лохматых жутких существ. Взлетали длинные мечи, окрашенные в красный цвет от света костров, падали и снова взлетали. С тихим свистом проносились арбалетные стрелы, горящие головни прочерчивали в звенящем воздухе огненные дуги.

И над боем стоял несмолкающий ор: с яростным кличем «хар!» аборигены размахивали мечами, кто-то выл от боли, где-то раздавались предсмертные хрипы, рычали лохматые существа, сбивая с ног, обрушивая на головы когтистые лапы, вонзаясь зубами в живую плоть.

Бились даже женщины луйхара. Сияя украшениями, с боевыми мечами и арбалетами в сильных руках, они походили на грозных, но прекрасных воительниц из давно забытых легенд.

Лонги отчаянно защищали своих хозяев, верные своей природе – служить до последнего вздоха. Бесстрашно бросаясь на врагов с оскаленной пастью, порой напарываясь на острые кинжалы когтей, несущие неминуемую смерть, они не разжимали челюстей, даже получив смертельный удар.

Падали мертвые аборигены и их женщины, лонги, враги, а бой все продолжался, как кошмарный сон.

Дели в ужасе отпрянула назад, постаралась забиться в самый дальний угол, стать как можно меньше и незаметнее. Ее била дрожь. А снаружи, казалось, сама ночь сошла с ума.

«А если меня убьют? – проносились невозможно отчетливые мысли. – Если меня увидят, учуют, обнаружат? Я пропала, пропала! Никто меня не защитит, не спасет!» – На глазах даже навернули слезы неопишемого страха.

Вдруг ее хижина странно дрогнула и начала рушиться, и прямо к ногам девушки свалился кто-то огромный, страшный, зловонный. Дели заорала, почти лишаясь чувств, и, не помня себя от обуявшего ужаса, выскочила вон. Ее тут же схватили чьи-то липкие руки, и уже не в силах пережить свое нечеловеческое потрясение, она лишь тихо всхлипнула, ощущая, как ее ноги подкашиваются, и сердце вот-вот порвется. В ухо выдохнули на контарта:

– Не бойтесь, рахими Шалкай, – Это был Мира-Лор, сын вождя Сира-Мадока, с ног до головы залитый кровью – своей или чужой было непонятно.

Он поволок империту куда-то, а вокруг кружился таней боя: кто-то рубил кого-то, кто-то грыз и рвал кого-то, кто-то горел факелом. Вот трайд Марион, окруженный со всех сторон чудовищами, отбивается бластером, переходя в рукопашную схватку. Мира-Лор, прикрывая девушку, размахивает мечом и что-то оглушительно кричит.

– Это сон, – бормотала Дели, как сквозь туман, осознавая происходящее. – Это просто кошмарный длинный сон и скоро он закончится, когда я проснусь. Это сон...

Марион стрелял, стрелял, стрелял без конца, а тварей, казалось, не становилось меньше. Они наседали со всех сторон так, что порой приходилось отбиваться руками. А усталость, что вдруг навалилась, словно толстое одеяло, сковывала все движения, лишала привычной ловкости и быстроты, и лишь огромным усилием воли продолжал отражать нападения. О боли он не думал, да она и забылась в этой мясорубке. Но с каждым разом все труднее и труднее было поднимать руку с бластером, глаза то и дело застилала пелена. Он искал империту в этой безумной неразберихе, пытался прорваться дальше, но твари все лезли, как бесконечная лавина клыков и когтей.

Где-то недалеко ярко вспыхивал огненный дождь Джанулории.

– Жив! – облегченно вздохнул Марион и вдруг увидел империту, что стояла посреди боя, бледная, как смерть, с огромными глазами, в которых плескались ужас и слезы. Она была такая маленькая и беззащитная, как хрупкий цветок среди бушующего урагана.

Невероятным, почти фантастическим усилием офицер рванулся вперед, кромсая чудовищ, преодолевая усталость, слабость и ноющую боль.

– Империта! – крикнул он, заглушая всеобщий вой.

Она услышала его и, забыв все обиды, злость, метнулась к нему, как к спасительному маяку среди шторма:

– Трайд, спасите меня!

Густая кровавая пелена застлала его глаза. Он остановился, пытаясь совладать со слабостью, и вдруг сбоку, как холодные ножи, в него вонзились лезвия когтей. Марион вздрогнул – не от боли, от неожиданности, – пошатнулся и рухнул на изрытую землю, придавив своим телом империту, которая лишилась чувств от удара или от ужаса при виде смерти трайда.

Дели пришла в себя через несколько часов. Ночь подходила к концу, и рассеянный сумрак бродил над землей, как заблудившийся призрак, медленно таял, исчезал, приглушая далекий свет звезд. В уши ударила непривычная звенящая тишина.

Ее взгляд встретился с напряженным взглядом темных глаз. Это был Мира-Лор, что сидел возле девушки и ждал ее пробуждения с тревогой и волнением.

Империта вскочила, вдруг вспомнив все, что произошло.

Бой кончился. Теперь на поляне, где совсем недавно шла битва не на жизнь, а на смерть, горел огромный костер, сжигающий тела мертвых врагов.

Аборигены, оставшиеся в живых и способные самостоятельно передвигаться, помогали раненым, которых разместили на земле возле уцелевших хижин. Никто не стонал, не охал, не кричал, не скорбел о погибших, все были суровыми, непреклонными, тихими.

Это тяжелое зрелище смерти, печали, стойкого отчаяния произвело на девушку неизгладимое впечатление, глубоко врезавшееся в память. Было столько обреченности и страдания

в этих опущенных плечах, потухших глазах аборигенов, что, словно бесшумные тени переходили от одного раненного к другому, что невольно щемило сердце.

Дели тихо переходила между рядами лежащих камарленцев, пока не наткнулась на Джанулорию, который колдовал над неподвижным аборигеном.

– А где констат и трайд? – спросила она, необычайно радуясь т, ахьянцу. Тот вскинул на нее глаза – безнадежные, усталые – чуть заметно улыбнулся, сказал:

– Счастлив вас видеть, империта. Констат в порядке, немного поцарапан, но в порядке. А трайд... Он жив... пока. Ранение слишком тяжелое...

– А где он? – робко спросила девушка.

– В хижине Сира-Мадока, с ним лекарь Су-Лан.

– Но вы же можете его вылечить, энод-арон?

– Увы, нет, империта, – грустно покачал головой тот. – Я бессилён помочь трайду.

Дели еще раз взглянула на неподвижные тела аборигенов, что минувшей ночью сражались, как демоны, и медленно зашагала прочь. Она села у какой-то хижины подальше от глаз. В горле что-то защемило, и Дели неожиданно заплакала. Не этого она ожидала от Камарлена! Ей чудилась волшебная сказка со злыми и добрыми героями, где добрые герои обязательно побеждают злых, но при этом сами никогда не умирают. Чудились невероятные приключения, от которых захватывает дух. Она была так счастлива, когда летела сюда, в неведомый мир, а вместо этого перед ней вдруг развернулся кошмар, где убивали по-настоящему и добрые герои, несмотря на то, что они добрые, почему-то умирали жестоко и несправедливо. В ее сказках Марион стал бы героем Деллафии, а теперь он лежит при смерти или вообще умер. И никто, даже всемогущий Джанулория не может ему помочь. От этих мыслей она разревелась пуще прежнего и не услышала, как к ней подошел Мира-Лор.

– Вода? – Удивленно посмотрел он на ее залитое слезами лицо. – Почему у тебя вода на глазах, Шалкай?

– Это не вода, – выдавила империта, – я плачу... Больше никогда в жизни не полечу ни на одну планету! Хоть убейте, а не полечу!

Ихлак осторожно прикоснулся к ее щеке, лизнул палец.

– Не вода, – еще больше изумился он.

– Ты разве никогда не плачешь?

– Не плачешь, – смешно повторил незнакомое слово.

Через силу улыбнувшись, взглянула на луйхара: Джанулория колдовал над ранеными, ярко пылал костер, бродили, как потерянные, камарленцы.

Дели посмотрела на Мира-Лора. Он молчал и смотрел на пламя костра, и было в его взгляде что-то необъяснимо трагичное, какая-то безысходная тоска и отчаяние.

Занималась заря, прогоняя сумрак, страх, печаль, вселяя новые силы и надежду.

От Джанутории она узнала, что их катер разворотили чудовища и что взлететь на нем уже невозможно. Узнала, что в бою погиб вождь Сира-Мадок и многие ихлаки, и для всех это стало страшным ударом, особенно для Мира-Лора, который отныне считается новым вождем луйхара. Узнала, что трайд Марион продержался первые полночи и полдня, а, значит, по мнению лекаря, должен выкарабкаться. Узнала, что Тасури уже на ногах и готов выдержать еще один такой бой.

На все расспросы империты т, ахьянец лишь делал мрачную физиономию и неопределенно отвечал:

– Не знаю, империта, – больше же из него ничего нельзя было вытянуть.

Потом Дели и Джанулория отправились к лекарю.

В просторной хижине было сумрачно и сильно пахло чем-то незнакомым. Здесь смешивались приятные запахи и отвратительные, что и создавало атмосферу лечебницы. В хижине был довольно-таки щедушный ихлак – лекарь Су-Лан, – перед которым разместились раз-

нообразные закупоренные горшочки, связки каких-то трав, плоски, наполненные вонючими отварами, снадобьями и мазями. В дальнем углу набросаны груды шкур наподобие кроватей, на одной из которых лежал Марион и, казалось, крепко спал. На щеках проступил легкий румянец, а грудь его мерно вздымалась. Тасури мрачно сидел на своей кровати, вытянув хвост. Его длинное зеленое тело было густо смазано какой-то коричневой жижей, издающей мерзкий запах. При виде их, пасть имберианца растянулась, обозначая улыбку.

– Простите, мы вам не помешали? – вежливо осведомился Джанулория у лекаря.

– Вы хотите узнать о здоровье рахима Эрадорха и Имбиса, рахим Дентр? – Су-Лан не поднял головы от своих многочисленных зелий, но его третий глаз тут же уставился на вошедших.

– Да. Как себя чувствует рахим Эрадорх?

– Он жив, но очень слаб, – наконец лекарь оторвался от своего занятия и теперь на них смотрели темные глубокие глаза. – Вы можете поговорить с рахимом Имбисом, но не тревожьте рахима Эрадорха, – с этими словами Су-Лан вышел.

– Хорошо, что вы пришли, – заговорил Тасури. – Здесь можно сгнить от скуки.

– Зато два даальса назад было не до скуки, – серьезно ответил энод-арон, склонившись над трайдом. – Как он? Я вижу, Су-Лан приложил немалые усилия.

– Ночью бредил и метался, я думал, что не выживет, но Су-Лан дал ему какой-то порошок, смазал чем-то раны, пустил дым с мерзейшим запахом, и вскоре трайд успокоился и заснул. Вот спит до сих пор. Я тут допустил мысль, не перестарался ли лекарь с порошком?

– Су-Лан знает свое дело, – твердо заверил т, ахьянец. – Ну а ты как, Тасури?

– Я абсолютно здоров, но этот лекарь не разрешает мне ни встать, ни выйти. А я никак не могу ему втолковать, что я здоров.

– Лекарь прав, иначе вы своим неповторимым запахом распугаете весь луйхар, – засмеялась Дели, и было странно слышать этот звонкий смех на фоне всеобщего уныния.

– А вы подумайте, как я здесь дышу, империта, – горестно вздохнул констат.

Дели посмотрела на трайда. Он был очень бледный, но лицо его было спокойно.

– Думаете, он поправится?

– Благодаря стараниям Су-Лана, надеюсь, да, – ответил энод-арон. – Трайд – крепкий орешек и выживал и не в таких передрыгах. Офицеры привычны к ранам.

– Констат, но хоть вы скажите, кто были те страшилища, что напали на аборигенов? – Попросила Дели. – От энод-арона ничего не добьешься.

– Откровенно говоря, я и сам не знаю, империта.

– Вы просто сговорились ничего мне не говорить, – надулась девушка.

– Разве вам мало того, что вы видели, империта? – Вдруг раздался голос трайда. – Это отвратительные, кровожадные, хитрые твари с очень острыми зубами и когтями, с которыми лучше не иметь дела.

Дружно вздрогнув, Дели, Джанулория и Тасури недоуменно уставились на него.

– Ну что вы смотрите на меня так, словно увидели привидение? – После минутного замешательства недовольно спросил он. – Я не говорящий покойник, а вполне живой офицер.

– А мы думали, вы спите, – удивленно отозвалась Дели.

Марион усмехнулся:

– Я уже давно не сплю, все жду, когда вы начнете говорить про меня всяческие гадости, но вы все больше болтаете чепуху, словно ничего не случилось.

– Что вы называете чепухой? – Возмутилась девушка. – Между прочим, мы говорили о вас.

– Да, вы говорили обо мне, – согласился тот. – Умрет – не умрет, живой – мертвый. Согласитесь, что не очень-то приятно слушать это о себе.

– Сказали бы, что вы живой и не собираетесь умирать, мы бы и не стали говорить вовсе о вас, – обиделась Дели.

– Как бы я сказал, если спал?

– Но вы же не спали!

– Я спал, как мертвый, после порошков Су-Лана. Это даже Тасури подтвердит.

– Ну, знаете ли! – Вспыхнула девушка. – Врать не к лицу офицеру.

– Я вру? Да что же я вам наврал, империта?

– Хватит, хватит! – вмешался Джанулория. – Вы, право, как дети.

– Это трайд все придирается, – буркнула Дели.

Т, ахьянец укоризненно посмотрел на нее.

– А ведь это трайд спас вам жизнь, – сказал он весомо.

Девушка покраснела, а Марион недовольно, с упреком повернулся к энод-арону, произнес, немного смущаясь:

– Не я, а Мира-Лор.

– Хорошо, пусть будет Мира-Лор, – согласился тот, хотя знал, что Марион, лишившись чувств, своим телом прикрыл империту и, благодаря этому, ее не заметили чудовища. – Как вы, трайд? – заботливо осведомился он, меняя тему.

– Великолепно! Этот мир гораздо лучше того, где я побывал одной ногой. Убеждался в этом не раз и, видимо, поэтому меня нелегко туда затащить.

– Су-Лан просто волшебник, – не обращая внимания на его шутливый тон, сказал Джанулория. – Он может, я думаю, оживить даже камень, не говоря уж о живой плоти.

– Надеюсь, от его лечения у меня не вырастет третий глаз или огромные уши, – ввернул Марион. – Тасури, посмотри, у тебя не появился бугорок на макушке?

Т, ахьянец, в отличие от Мариона, был невероятно серьезен и сосредоточен.

– Трайд, – заговорил он, – мы хотели поговорить с вами о деле, но я вижу – вы не расположены сегодня к серьезным разговорам.

– Я весь внимание, Джанулория, – заинтересовался Марион. – В какую важную тайну вы хотите меня посвятить?

– Вчера, обходя раненных, – начал т, ахьянец, – меня подозвал один ихлак. Он оказался одним из двенадцати, что вернулись с Мира-Лором из луйхара До-Граха. Этот ихлак поведал мне, что, будучи еще в луйхаре До-Граха, он случайно услышал чужой разговор, который он сначала не принял всерьез, потом разговор этот забылся в смуте последних дней, и только вчера он пересказал мне его, решив поделиться своими сомнениями. И я услышал вот что. Пролетел слух, что в горах Ялтхари творится что-то непонятное и странное, что якобы там видели звездных людей. Что они там делали – никому неизвестно, но никто, конечно, не подозревает в этом плохого, да и слух этот подобен порыву ветра – вот он есть, и вот его уже нет.

Глаза Мариона приобрели прежнюю непроницаемость и жесткость. Лицо стало суровым.

– Нет, Джанулория, думаю, этот слух все же правда, – мрачно и уверенно произнес он. – Их привели сюда камни. Ихлаки не станут выдумывать: им это ни к чему. Нам нужно идти к горам Ялтхари, пока не поздно.

– Постойте! – вмешалась Дели. – Вы объясните мне, что вообще происходит? Зачем нам идти к горам? И о каких камнях вы толкуете?

Трайд тяжело взглянул на нее:

– Все очень серьезно, империта, и мы обязательно вам все объясним, но чуть позже.

Он снова повернулся к своим друзьям, заговорил, словно тут же забыл о существовании девушки. Дели хотела было возмутиться, почувствовав себя оскорбленной, но взяла себя в руки, пожалев раненного.

– Больше нельзя терять времени, его и так потерянно слишком много. Мы были правы: эти неизвестные связаны с марганами. Теперь они, избавившись от излишнего внимания

камарленцев и Исследовательского Центра, спокойно грабят пещеры. Проклятые раны! – В сердцах воскликнул он, пытаясь встать, но тут же снова бессильно упал, морщась от боли.

– Нам все равно не добраться до гор Ялтхари без катера, – произнес Тасури. – Кругом эти твари.

– Мы пойдем пешком, – твердо заявил Марион, – или на харубах, если Мира-Лор даст, тогда у нас еще будет шанс уцелеть и добраться до гор.

– Безумие, – покачал головой Джанулория, – чистое безумие и самоубийство.

Трайд сверкнул глазами в его сторону, спросил почти резко:

– Ты можешь предложить что-то другое, Джанулория? Может,ждемся кораблей Союза? Может, отрастим крылья и полетим? А, может, вообще ничего делать не будем?

– Ничего этого я не говорил, трайд, – спокойно возразил энод-арон. – Бездействие хуже всего, но разве будет польза, если мы все умрем в дороге?

– Значит, надо постараться не умереть.

– Вы не сможете идти, трайд, – сказал Тасури. – Ваши раны еще слишком свежи и опасны, чтобы пускаться в такой трудный путь.

Марион невесело усмехнулся:

– Ты предлагаешь бросить меня здесь, как ненужный груз и зализывать свои раны, мой дорогой констат?

– И что вы взъелись на все и вся, трайд? – пробормотал имберианец. – Выдумываете невесть что.

– А вы перестаньте говорить глупости, – немного смягчился тот и вдруг громко крикнул: – Су-Лан!

Лекарь возник бесшумно, словно тень. Его глубокие глаза остановились на трайде.

– Вы проснулись, рахим Эрадорх? Отлично! – Он потянулся было к своим горшкам и травам, но офицер жестом остановил его, сказал:

– Су-Лан, сегодня ты должен поставить меня на ноги. Режь, кромсай, зашивай, разбирай на части, пои зельями, одурманивай порошками и дымом, делай, что хочешь, но, чтобы сегодня я прыгал, как харуб. Сможешь?

И без того огромные глаза лекаря расширились в недоумении.

– Вы в своем уме, рахим Эрадорх? – вскричал он. – Ваше тело продырявлено, словно лист – червем. То, что вы остались живы – это уже чудо! Я и так сделал больше своих возможностей, и тут вы требуете, чтобы я заставил ходить мертвеца! Да вам еще лежать и лежать много восходов солнца, прежде, чем вы заскачете харубом!

– Прошу тебя, Су-Лан, ради Ихлакита! – взмолился Марион, крепко сжав руку камарленца. – Мне очень, очень нужно встать на ноги, как можно быстрее! Я все перенесу, что бы ты ни делал, я все сделаю, как ты скажешь! Прошу тебя, если ты хоть каплю любишь меня – выполни мою просьбу, или я умру во второй раз!

Ихлак вздохнул.

– Хорошо, рахим Эрадорх, ради мира на Ихлаките и любви к вам, я постараюсь выполнить вашу просьбу. Только запомните, такое быстрое лечение может плохо сказаться на вашем здоровье, и я ни за что не ручаюсь. Я не желаю причинить вам вред, но вы так просите, значит вам надо.

– Спасибо, Су-Лан, – на бледном лице трайда появилась слабая улыбка.

– Ну, что ж, приступим, – засуетился ихлак. – Прошу всех выйти, кроме рахими Эрадорха.

Тасури быстро взглянул на лекаря.

– Мне тоже выйти? – с надеждой спросил он.

Су-Лан долго смотрел на имберианца, словно решая сложную задачу, наконец, кивнул:

– Да, вы тоже, рахим Имбис.

Тасури, как ветром сдуло. Через минуту он уже плескался в реке, с наслаждением ныряя и смывая пахучую мазь с тела.

Потом ихлаки предавали огню тела погибших. Джанулория стоял рядом с Мира-Лором, понутив голову, о чем-то глубоко задумавшись. Вся его согбенная фигура выражала великую искреннюю печаль и скорбь, как-то постарела, съежилась.

Мира-Лор не мог оторвать взгляда от костра, где медленно таяли останки его отца, навсегда покинувшего этот мир и его, Мира-Лора. Во взгляде его больших глаз смешались и недоумение, и боль, и отчаяние, и вина. Те же чувства застыли и в глазах остальных ихлаков.

Вскоре все было кончено, погасли погребальные костры и прах развеялся ветром.

Джанулория остался у небольших кучек пепла, взгляд его кошачьих глаз был устремлен куда-то вдаль.

– Странная штука – жизнь, не правда ли, империта? – спросил он, почувствовав присутствие девушки. – Сегодня она пышет силой и здоровьем, а завтра может обернуться горсткой пепла. Извечная загадка жизни и смерти. Никогда не знаешь, что ждет за новым крутым поворотом, да и куда приведет этот поворот – тоже не знаешь. Получается, что мы идем по жизни, как слепые с завязанными глазами, и только скидываем повязку, думая, что обманули жизнь, но тут оказывается, что наши глаза незрячие, и мы снова бредем наощупь по крутым поворотам.

– Вы и в самом деле так думаете? – спросила Дели.

– Если бы я так не думал, я бы об этом не говорил.

– А т, ахьянцы все такие пессимисты?

Джанулория, услышав улыбку в ее голосе, взглянул на девушку. Голубые глаза империты и в самом деле смеялись.

«Вот она беспечная пора юности, – с легкой завистью подумал он, – которую лишь слегка касаются все бури этой жизни, не омрачая ее, не ломая, не въедаясь в память, не приостанавливая ее неудержимого воздушного бега».

– Пессимисты? – переспросил вслух. – О, нет! Т, ахьянцы спокойны и уравновешенны, но далеко не пессимистичны. Просто эти погребальные костры навеяли на меня грустные мысли. Печальное зрелище. Здесь еще нескоро вырастет молодая трава.

– Энод-арон, расскажите же об этих существах, – неожиданно попросила Дели, – ведь вы с трайдом знаете о них! Трайд даже назвал их марганями.

– Ну, что ж, если вы так настаиваете, – сдался офицер. – Когда-то Исследовательский Центр на Т, ахьяне обнаружил планету, населенную живыми существами. Деллафия отправила туда офицеров КС и аронов. Планета оказалась населена тварями и, хоть вид их и был ужасающ, офицеры и ароны пытались установить контакт. Тогда они еще не знали, что эти твари – прирожденные убийцы и любители свежего мяса. Этих тварей называли марганями, а планету – Нхасом. Тогда спасся только один офицер – трайд Марион, в ту пору еще не бывший трайдом. Планета с тех пор изолирована, допуск на нее закрыт.

– Неужели это правда? – Ужаснулась Дели.

– К сожалению, да. И теперь, каким-то образом марганы оказались на Камарлене и угрожают всему живому. И снова трайд Марион сталкивается с этими чудовищами. Все же я был прав, говоря, что никогда не знаешь, что ждет за новым поворотом.

Через несколько часов Дели встретила трайда Мариона. Он был невероятно бледен, измучен, но твердо держался на ногах.

– Невероятно! Су-Лан все же поставил вас на ноги! – потрясенно выдохнула девушка, восхищаясь то ли искусством лекаря, то ли крепостью офицера.

– Мне нужно поговорить с вами, империта, – негромко, но серьезно остановил он ее.

– Я вас слушаю, трайд.

Офицер немного помолчал, потом начал говорить:

– Сегодня мы отправляемся к горам Ялтхари. Мира-Лор дал нам харубов. Это очень опасное путешествие, возможно, даже смертельное, поэтому вы, империта, остаётесь в луйхаре...

– Что? – Так и подскочила та, не веря своим ушам. – Остаюсь в луйхаре? Кто это решил?

– Мы.

– Это просто неслыханно! – воскликнула Дели. – Вы решаете, и никто даже не удосуживается спросить меня, согласна ли я, словно это меня не касается! Хорошенькое дело!

– Я уже сказал, что это очень опасное длительное путешествие, которое выдержит не всякий мужчина, не говоря уже о хрупкой юной девушке. Наверняка нам не раз встретятся эти чудовища, что напали на луйхар, и, тогда исход этих встреч не решится предсказать никто.

– Это не дает вам право бросать меня в этом луйхаре среди аборигенов на произвол судьбы!

– Мы не бросаем вас, империта, – негромко настаивал Марион, – а, напротив, стараемся обезопасить вас. Здесь вы будете под защитой ихлаков. Один Мира-Лор стоит десяти офицеров, и он готов жизнь отдать за вас. За ним вы будете, как за каменной стеной. Рано или поздно прилетят корабли Союза, и вы улетите домой, когда, как с нами вы не найдете ничего, кроме ужасной смерти в лапах кровожадных тварей.

– Я не боюсь марганов! – запальчиво крикнула девушка. – Защищать меня должны вы, а не аборигены!

Трайд чуть слышно вздохнул:

– Империта, должно быть вы меня не совсем поняли. Дело не в том, кто будет защищать вас – мы или ихлаки, а в том, чтобы снизить риск вашей смерти до минимума. Три дня назад на нас напали марганы, и вы видели своими глазами, на что они способны. Я думаю, вам не хотелось бы встретиться с ними снова? Горы Ялтхари далеко, а нам нужно спешить. Думаете, нам хочется идти туда, в лапы неизвестности, рискуя жизнью? Если бы не долг офицера, я бы с радостью остался здесь. Поэтому не упрямыствуйте, империта.

– Я все прекрасно понимаю, трайд, но я не останусь здесь!

– Вы останетесь. Это приказ.

– Вы не имеете права приказывать мне!

– Вы находитесь под моим началом, и я отвечаю за вас, поэтому, будьте добры, подчиняться моим приказам, – Марион понемногу сердился, но голоса не повышал.

– С каких это пор я нахожусь под вашим началом? – Изумилась Дели.

– С тех самых, когда вы ступили на борт «Эндора».

– «Эндора» больше нет!

– Это не меняет ничего. Вы, по – прежнему, под моим началом, империта.

– Наглая ложь! – Дели зло посмотрела на офицера. – Я – империта, и никто не имеет права приказывать мне!

– Никто не имеет права обвинять во лжи офицера, – нахмурился Марион. – Если я сказал, что могу требовать от вас подчинения, значит – могу, и никто не может упрекнуть меня во лжи. Я сказал, вы остаётесь в луйхаре, значит, вы остаётесь, и без возражений.

– Вы просто хотите поскорее избавиться от меня! – в отчаяния выпалила Дели.

– Это сказали вы, империта.

– Да, это сказала я, потому что так оно и есть! Вы возненавидели меня еще тогда, когда я только ступила на «Эндор»! Я для вас – обуза, ненужный груз, который прилетел на Камарлен лишь для того, чтобы мешать вам во всем, как вы сами сказали однажды!

Марион разозлился.

– Перестаньте строить из себя капризную девчонку! Здесь не Деллафия и не Дворец, где вы можете без слов добиться всего, что хотите! Здесь нет Императора, который бы мог повли-

ять на вас, но здесь есть я, еще живой и способный принимать верные решения! Вы останетесь здесь, если вам дорога ваша жизнь и Деллафия! И я советую вам выбросить из головы ваши детские мечты о приключениях, ни к чему хорошему они не приведут, – лицо трайда стало еще бледнее, хотя это казалось невозможным, гневные глаза блестели, как в лихорадке.

В первое мгновение Дели даже онемела от неожиданности и растерянно хлопала ресницами, но потом кровь забурилась у нее в венах от злости и она, в упор взглянув на офицера, гордо вскинула голову и упрямо заявила:

– Можете говорить, что вам вздумается и кричать, сколько влезет, но так и знайте, вам меня не переубедить. Я еду с вами и, если я решила так, то своих решений я не меняю!

Казалось, что трайд сейчас бросится на нее в порыве бешенства, но он неожиданно тихо рассмеялся, чем немало удивил Дели. Потом сказал:

– Своим упрямством вы сживете меня со свету, что, впрочем, обрадует вас больше, чем огорчит. Но я тоже очень упрям и несколько сильнее вас, поэтому вам лучше послушать меня.

– Ах так! – взвилась девушка. – Вы собираетесь применить силу? Только попробуйте хоть пальцем коснуться меня и, клянусь Деллафией, я не посмотрю, что вы ранены!

– Я думаю, дело не дойдет до таких крайних мер, империта. Ни один офицер не позволит себе поднять руку на слабого, не говоря уж о дочери Императора.

– Тем более это вам обошлось бы очень дорого, трайд. А я думаю, вы не хотите расстаться со своей головой.

Они стояли друг против друга, полные гнева, их глаза метали молнии, и в них отражалась непоколебимая решимость, и никто не собирался отступить. Казалось, еще немного – и между ними загорятся искры или даже пожар.

– Хорошо подумайте, империта, прежде, чем принимать скоропалительные решения, о которых потом можно горько пожалеть. Не упрямство ли говорит в вас сейчас? Действительно ли вы желаете подвергнуть свою жизнь нештучным испытаниям, пойдя с нами? Я еще раз прошу вас подумать, империта.

– Я не останусь здесь, – словно заведенная повторила Дели.

Марион замолчал, о чем-то серьезно задумавшись. Минут через пять, он посмотрел на империту и сказал, тяжело роняя каждое слово:

– Хорошо, вы поедете с нами, но учтите, что ехать мы будем быстро, практически без остановок. Это очень тяжело и изнурительно. «Если нападут марганы, я не знаю, что вы будете делать, но будем надеяться, что все обойдется», – сказав это, Марион как-то обреченно вздохнул, словно только сейчас осознал, какую непосильную ношу ответственности взвалил на плечи добровольно. – Нячиться будет некогда. Согласны?

– Да! Да! – просияла Дели, словно соглашалась не на смертельное путешествие в неизвестность, а на приятную прогулку.

Марион только покачал головой и направился к офицерам, что занимались сборами.

Узнав, что империта едет с ними, Тасури и Джанулория пришли почти в ужас.

– Всю ответственность за нее беру на себя, – хмуро отвечал Марион на все расспросы, и офицеры, недоумевая и тихо бранясь, волей-неволей смирились, хотя и продолжали бросать на трайда подозрительные взгляды, беспокоясь, не сошел ли он с ума от лечения Су-Лана.

Дели была слишком возбуждена, чтобы взяться за какое-нибудь дело, поэтому она нервно расхаживала по луйхару. В ней боролись злость на трайда, вызванная его резкими словами, и радость от предвкушения предстоящего опасного похода.

Но как он узнал, что ее заветная мечта – это приключения? Ведь никто во всей Вселенной не знает об этом. Дели с детства лелеяла и берегла свою мечту, пряча от посторонних глаз и ушей, но пуше всего от отца, потому что, если бы он узнал, о чем думает и чего хочет его дочь, он бы подверг ее распылу. Дочь Императора, будущая Императрица, на плечи которой вскоре ляжет груз ответственности за Союз Четырех, мечтает о приключениях, как

какой-нибудь космический пират! И поэтому юная империта часто тайно сбегала из Дворца, чтобы где-нибудь в укромном месте среди молчаливых деревьев или на берегу реки поиграть в захватывающие игры про пиратов и злобных инопланетян. Помечтать о других планетах, о жестоких битвах, из которых она всегда выходила героем; о бескрайнем космосе, в который она влюбилась с первого взгляда. Огромное пространство полное звезд, где не было времени и препятствий, где блуждал взгляд в черной массе тьмы, пересеченной светом далеких и близких солнц, наполненной загадками и пугающей таинственностью. Космос был ничем и всем одновременно. Бескрайний пустынный мир, где чувствуешь себя ничтожной пылинкой, носимой течением бездонного океана хаоса и идеального порядка. Так одиноко может быть только в космосе среди сотен пустых умерших, едва зарождающихся планет, одиноко до слез, до боли, но он завораживал и притягивал, как магнит. Это было ни с чем несравнимое чувство слияния с Вселенной, словно мощный поток энергии вливался в каждую клеточку тела, заставляя дышать в ритме безвременья и беспредельного окружения бесчисленных галактик. Проносились созвездия, туманности, кометы и звезды, звезды, звезды, как непрерывный танец светляков. Невероятное ощущение – ликование, смешанное со щемящим чувством грусти – поражало, захлестывало и разбивало, потому что созерцание космоса, его восприятие, отнимает почти все эмоциональные силы.

И вот ей удалось вырваться из клетки Дворца, от бесконечных приказов и требований отца, от бесчисленных учителей, наставников, репетиторов, которые целыми днями напролет зудели ей в уши разные занудства. О, Деллафия, как она хотела порвать с этой скучной, пресной жизнью! Она моментально загорелась мечтой о Камарлене. Ей казалось, что с этого момента в ее жизни начнутся настоящие захватывающие приключения. И вот ее мечты становились явью! Она была готова даже простить трайда. Предстоящие трудности, о которых он говорил, казались ей далекими, туманными и нереальными, о них она даже не забивала себе голову. Вдруг пришла мысль о том, что ей необходимо оружие. Андор – энергохлыст, который Дели взяла с собой на Камарлен, и которым еще ни разу не воспользовалась, по ее мнению, был оружием, скорее больше подходящим для забавы, чем для серьезного сражения.

Подумав, пошла к Мира-Лору, которого нашла в обществе нескольких ихлаков.

– Мира-Лор, – Дели сразу же приступила к делу, – у тебя не найдется для меня подходящего меча?

– Я слышал ты тоже уходишь со звездными людьми, рахими Шалкай? – задал он встречный вопрос, грустно глядя на нее большими глазами. – Ты смелая и отважная, ведь вам предстоит трудный путь.

– Я знаю, что нас ждет много опасностей и, надеюсь, все будет хорошо.

– Тебе нужен меч, рахими? – переспросил ихлак удивленно. – Разве звездные люди сражаются мечами?

– Иногда, – замялась Дели. – Меч – это ведь металл, а металл надежный.

Мира-Лор задумчиво посмотрел на империту, словно подбирая мысленно нужный меч, сказал:

– Подожди немного, – и ушел в свою хижину.

Вскоре он появился, держа в руках кожаный пояс с ножнами, протянул девушке. Дели осторожно вынула маленький меч с длинным, остро заточенным лезвием, который оказался легким и удобным. Взмахнула им в воздухе, примеряясь, и счастливо засмеялась: мечты воплощались в реальность! Раньше мечом ей служила тонкая палка, которой она разила невидимых врагов, а теперь в ее руках самый настоящий меч!

– Где ты взял его? – Спросила она, любуясь зеркальной поверхностью лезвия.

– Это мой меч. Он принадлежал мне, когда я был еще ребенком.

Дели еще некоторое время смотрела на меч, потом спрятала в ножны и протянула со словами:

– Он твой, так пусть он и останется твоим. Я не возьму его.

– Мне он уже ни к чему, Шалкай. У меня есть другой, – ихлак коснулся пальцами ножен на поясе. – Я отдаю его тебе. Бери! – властно произнес он.

– Спасибо! – Дели отстегнула свой пояс, украшенный драгоценными камнями, протянула ихлаку: – А это тебе, Мира-Лор, на память.

Пока тот восхищенно рассматривал подарок, империта облачилась в новый пояс, затянув его потуже, пристегнула ножны, андор и удовлетворенно улыбнулась. Видел бы ее сейчас Император!

Четверо харубов были уже оседланы, нагружены провизией и готовы к путешествию. Офицеры ждали только ее. Провожать их собрались все ихлаки – и стар, и млад. Трайд скользнул взглядом по необычному вооружению империты, но ничего не сказал.

– Я не умею ездить на этих харубах, – покосившись на черные глазищи существ, прошептала Дели и вдруг испугалась, что из-за этого пустяка ее оставят в луйхаре, но Марион бросил:

– Просто держитесь крепче за уздечку и не дергайтесь, харуб сам понесет вас. Потом привыкнете, – после чего обратился к вождю.

– Благодарим за приют, Мира-Лор, достойный сын храброго Сира-Мадока, новый вождь луйхара! – он говорил негромко, но стояла такая тишина, что отчетливо слышалось каждое слово. – Хоть и постигло Ихлакит великое горе, унесшее к Воротам Вечности множество доблестных воинов, вы не ожесточились, не озлобились, стойко выдержав все удары. И велика ваша щедрость и доброта. Это радует мое сердце. Пусть же не коснется больше зло ни вашего луйхара, ни других, и да воцарится мир, спокойствие и благоденствие на вашей благодатной земле. Если же позволят ваши добрые духи, мы однажды снова встретимся.

Вышел Мира-Лор, он был расстроен и взволнован, заговорил:

– Вы бились с нами бок о бок, вы не оставили нас в трудную минуту, вы спасли не одну жизнь от верной гибели. Чем мы можем отплатить вам за все то добро, что вы принесли нам, кроме великой любви и преданности, но это слишком малая цена. Мы бы без оглядки пошли за вами хоть до звезд, но вы говорите нам «нет», а сами уходите, словно гонитесь за кем-то и в глазах ваших вижу ожидание смерти. И от этого мне еще горше. Увидим ли мы вас или это последняя наша встреча на земле? Позвольте нам пойти с вами! – горячо воскликнул он, кидаясь к трайду.

Дели, на глазах которой стояли слезы от этих слов, выдавила:

– Хорошо сказал, даже дыхание перехватило.

У Мариона самого предательски защемило сердце, но он твердо произнес:

– Мой добрый малютка Мира-Лор, я уже говорил – нет, говорю и теперь – нет. Вы должны быть здесь, на своей земле, и не хочу я привести вас к гибели. А мы идем, потому что зовет нас долг, и мы не можем иначе. Будь мудрым вождем, Мира-Лор, каким был твой отец.

Тот лишь кивнул в ответ, не в силах больше вынести прощания, посмотрел на империту и вымолвил:

– У тебя глаза, как цветы шалкай, рахими. Увидеть бы их еще хоть раз!

Офицеры уже оседлали своих скакунов. Дели, смахнув слезу, пробормотала «спасибо» и последовала их примеру. Тут ихлаки разом зашумели, закричали, прощаясь со звездными людьми, но они услышали сильный голос Мира-Лора:

– Ундо харах алат хандамар царуф!

– Заргом куш-и сфо лантор пшурр! – ответил трайд и, хлопнув ладонью харуба, сорвался с места. Офицеры последовали за ним.

Дели напряженно вцепилась в уздечку, боясь вывалиться, но ее опасения и страхи оказались напрасными. Харуб летел, едва касаясь ногами земли, его поступь была ровной и плавной, словно животное не бежало, а плыло, рассекая грудью горячий воздух. Он чувствовал малей-

шее движение седока, моментально понимая, чего от него хотят. Вскоре девушка успокоилась и ослабила хватку, давая своему скакуну больше свободы. Теперь она почти не отставала от офицеров, стараясь держаться между Джанулорией и Тасури. Ей казалось, что они не скачут, а летят, так стремительно проносились земля под ногами харубов. Слезы ее мгновенно высохли от ветра, ударившего в лицо, осталась лишь легкая грусть от прощания с луйхаром и ихлаками, к которым она уже успела привязаться, особенно к Мира-Лору с его милой откровенностью и искренностью. Но теперь они были далеко позади, а впереди их ждали приключения и ее захлестнуло щекочущее чувство ожидания неизвестного, захватывающего, почти фантастического и необычайно интересного.

Марион был весь во власти своих дум, но не забывал зорко следить за местностью. Он думал об ожидающем их долгом пути. Боялся не успеть застать неизвестных в горах Ялтхари, ведь прошло так много времени или их там не было вообще и все это пустые вымыслы ихлаков, хотя, как говорится, нет дыма без огня. Боялся за империту, что сейчас беспечно улыбается, словно совершает прогулку в парке. Боялся, что она не сможет вынести того бешеного ритма, который он собирался задать. Боялся, что погубит дочь Императора, и боялся не гнева Правителя Деллафии и последующей смертной казни, а своей совести, что сожрет заживо, если империта умрет по его вине. Впервые он так много боялся и теперь начал жалеть, что согласился взять девушку.

О марганах трайд старался не думать: слишком свежо еще было воспоминание. Но неотвязная мысль, что в случае нападения он, со своими наскоро залеченными ранами, не сможет не только защитить империту, но и себя самого, не давала покоя и сверлила мозг. А, может, стоило взять с собой ихлаков Мира-Лора? Было бы больше шансов добраться до цели. Нет, они не имели никакого права рисковать чужими жизнями, тем более жизнями друзей.

Союз взял ответственность за Камарлен, значит, свою задачу должны выполнять сами, не втягивая ихлаков.

Но как много погибло ни в чем неповинных аборигенов! Снова вспомнились Юл-Кан и Сира-Мадок- старые верные друзья...

Вокруг, насколько хватало глаз, простиралось огромное безбрежное пространство, заросшее невысокой травой. Далеко на востоке можно было увидеть лес, дрожащий в горячем воздухе. На западе – горы, казавшиеся отсюда игрушечными. Жаркое солнце неумолимо катилось к закату, нещадно поливая лучами разгоряченных всадников, касалось каждой травинки, словно смеялось и играло, как шаловливый ребенок.

Марион с тревогой думал о ночлеге: ни деревца, ни оврага, ни ямки – лишь гладкая, как скатерть, равнина, а ночевать без укрытия, среди огромной пустоты под названием Ларгат могло быть небезопасно. Тут ему вспомнилось, что где-то на северо-западе равнины есть древняя каменная россыпь, виденная им однажды несколько лет назад. Нужно было успеть добраться до нее до наступления темноты и он, хлестнув харуба, взял чуть на запад. Остальные последовали за ним. Марион тягался с солнцем – кто быстрее? Они мчались во весь опор так, что ветер свистел в ушах, а светило, дразнясь и хохоча, падало на горизонт. Вот его лучи уже коснулись земли, похожие на ослепительные стрелы, а россыпи все не видно. Уже и краешек его скрылся с глаз, а они все скачут. И, когда остался лишь крохотный кусочек, их взгляду вдруг предстала внушительная темная глыба, на фоне светлого неба казавшаяся черной и злобщей. Это была древняя россыпь Ирронт. Вокруг каменного великана разбросаны множество больших и маленьких камней, груды обломков и осколков.

Привязав харубов, офицеры, с помощью волшебства Джанулории, принялись разжигать неприметный для чужих глаз бездымный костер, вынимать из седельных сумок провизию. Дели весело бухнулась на горячую землю. В руке она держала несколько высоких стеблей с пышными соцветиями. Голубые глаза радостно сияли, аккуратный ротик беспечно улыбался, а долгая дорога, похоже, совсем не утомила ее.

– А где трайд? – спросила она, оглядывая офицеров.

– Он исчез, как исчезают тени, когда садится солнце. – Нараспев произнес Джанулория, хлопоча возле магического костерка. – Но солнце всходит и тени снова тут как тут.

Он так забавно напевал, шуря хитрые глаза, что Дели не удержалась и расхохоталась.

– Спойте еще, энод-арон! – хлопая в ладоши, горячо просила империта. – Ну, спойте, пожалуйста!

– Я не могу вам отказать, – склонив голову, говорил тот, и, картинно вытянув руку, пропел: – Давным-давно, среди пустых планет, пустых, как сердце темной ночи, бродил один, бродил там тот, чье имя нам – запрет...

– Кто там бродил, Джанулория? – спросил неожиданно вышедший из-за камней Марион. В руке он держал свою куртку, завязанную в узелок.

– Я же говорю, бродил там тот, чье имя нам – запрет, – в тон ему ответил энод-арон.

Трайд опустил на землю, скрестив ноги, начал развязывать куртку.

– Ну, раз запрет, так тому и быть! Песни песнями, а кушать хочется всегда, – с этими словами он развернул узелок, внутри которого оказались округлые темно-коричневые плоды, покрытые короткими щетинками, а также крупные ягоды пронзительно-желтого цвета и несколько пучков мясистой красноватой травы.

– Что это? – Дели с интересом рассматривала добычу трайда.

– Это еда, – просто ответил тот. – Сейчас мы бросим эти плоды в огонь, и вы оближете пальчики, – с этими словами он действительно бросил их в костер.

– Я вижу, вы совсем не устали, империта, – сказал Марион, шевеля плоды палочкой.

– Совсем нисколько, – весело отозвалась та.

– Завтра будет труднее.

– Ну и что? – засмеялась Дели.

– Пожалуйста, тише, империта. И выбросьте эти цветы.

– Почему еще?

– Может заболеть голова, резь в глазах, головокружение, галлюцинации, потеря ориентации, в особо тяжелых случаях может наступить полный паралич или отравление. Камарленцы делают из них яд для арбалетных стрел.

Дели изумленно посмотрела на цветы, пробормотала:

– А на вид такие красивые и безобидные. Хотела подарить их энод-арону за пение, – и с сожалением швырнула их подальше.

Трайд выкатил почерневшие плоды из огня, взял один и, ловко очистив от кожуры, надкусил. Другой попробовала Дели.

– Вкусно! – изумилась девушка. – Никогда не пробовала ничего подобного!

Скромно поужинав, начали устраиваться на ночлег. Офицеры долго еще вполголоса разговаривали. Дели долго крутилась, никак не могла пристроиться на жесткой земле и, в конце концов, пожаловалась:

– Земля, как кость, и эти дурацкие камни колются, как иголки.

– К сожалению, мы не захватили с собой перину, империта, – насмешливо отозвался трайд.

– Очень остроумно! – огрызнулась девушка. – Вам, конечно, привычно спать на камнях с вашей задубевшей кожей, а я не могу, когда в спину упираются всякие выступы, и по телу бегают противные букашки.

Офицеры дружно засмеялись, наперекор своим же словам не шуметь, и Дели окончательно обиделась.

– Империта, – снова заговорил трайд, – если вы уж не можете спать, то, может, вы первая подежурите у костра? Если что случится, сразу же будите нас или громко кричите. Я знаю, вы это умеете делать очень хорошо.

Дели приподнялась, посмотрела на офицера подозрительно. Его лицо в свете пламени горело алым цветом, сказала:

– У вас, трайд, очень длинный гадливый язык.

– Разве? Почему же он гадливый?

– Потому что с него соскакивают одни гадости.

– Отродясь не говорил гадости. Вы что-то путаете, империта.

– Это вы путаете, с кем говорите – или с империтой или со своими офицерами. Но, по моему, вы не видите особой разницы.

– Я стараюсь относиться ко всем одинаково – будь то империта или простой курсант, и не собираюсь унижать одного и целовать ноги другому.

– А со мной вы ведете себя так, что мне хочется убить вас.

Глаза Мариона блеснули.

– Уж не вашим ли мечом, империта?

– При чем здесь мой меч? – угрожающе поинтересовалась Дели, моментально вспыхнув.

– Я ничего не имею против него, – довольно миролюбиво и чуть насмешливо заявил тот. – Только мне любопытно, неужели мы строили космические корабли и изобретали сложнейшее оружие, чтобы, в конце концов, вооружиться мечом.

Девушка положила руку на рукоять, словно собираясь обнажить лезвие, и, посмотрев в упор на офицера, сказала:

– Наши предки тоже воевали мечами и топорами, в этом нет ничего плохого. Иногда полезно вспомнить прошлое. Помните, что стало с галактикой Лейзе? Вот именно! Доигрались своим же супероружием и сожгли сами себя. А меч – это надежно.

– Не дурите, империта, меч вам ни к чему. Вы же не умеете им пользоваться, только себя покалечите.

– Вот еще! Мне его подарил Мира-Лор, значит, он теперь мой. А научиться драться мечом может любой дурак. Велика премудрость – махать острой железкой!

Марион неодобрительно посмотрел на нее:

– Научиться владеть мечом так же трудно, как и любым другим, гораздо более тонким и сложным оружием. Например, энергохлыстом, – он взглянул на серебристую рукоятку хлыста на ее поясе. – Надеюсь, вы умеете обращаться с ним?

– Вы шутите? – Обиделась уязвленная девушка. – Мне не было и четырнадцати лет, когда я прошла курсы боевой подготовки при КС Деллафии.

– Ну, тогда вы должны знать, как облупленный не только энергохлыст, но и любое другое оружие, – хохотнул Марион. – Курсы при КС – серьезная штука!

Дели подозрительно взглянула на него:

– Вы что, не верите, что я прошла эти курсы, трайд?

– Что вы, империта! – Округлил глаза тот. – Конечно, я вам верю! Еще бы! В дни моей юности, я и мечтать не смел о подобных курсах. Говорят, что сдать выпускные экзамены с первого раза не смог даже сам Онсин КС Деллафии Ригель! Я уже не говорю о других! Что же касается меня, то я едва набрал пропускные баллы и считался самым отсталым бойцом. Я до сих пор удивляюсь, как мне удалось вообще стать офицером. Удача!

– Вы думаете, что меня протолкнул отец на эти курсы? – Грозно сверкнула глазами Дели. – Думаете, что сама империта Филадельфия не в состоянии даже найти у лазера пусковую кнопку, а энергохлыст у меня на поясе только для вида?

– Ничего такого я не говорил, империта. Я, бедный трайд Марион, верю каждому вашему слову и придушу любого, кто в них усомнится.

– Тогда начните с себя, трайд. Вы все время насмехаетесь надо мной и моими словами, перечите мне во всем, грубите и выказываете всяческое неуважение. Вы обливаете меня грязью, никогда со мной не считаетесь, обращаетесь со мной, как с пустым местом, все время

провоцируете ссоры. Вы не даете мне и шагу ступить самостоятельно, все время командуете мной и вообще... вообще, вы ненавидите меня!

– Судя по вашим словам, я какой-то жуткий монстр, лишенный всех человеческих чувств, – с веселым огоньком в глазах произнес Марион. – Не переживайте так сильно, империта, на службе я таким образом обращаюсь со всеми. Это профессиональное.

– Я вам не все, трайд! Я – империта, а не служака, которыми вы привыкли командовать.

Марион сказал жестко:

– Раз уж вы пошли с нами, то вам придется терпеть мое общество и мое командование, хотите вы этого или нет. Я прямолинейный человек, поэтому говорю, что думаю. Я понимаю, что вы привыкли к роскоши, комфорту, заботе и вниманию, а вас окружают лишь грубые бесчувственные офицеры, и неудобства на каждом шагу. Но вы должны были осознавать, что Камарлен – далеко не Деллафия, а офицеры – не ласковые няньки. Мы проявляем заботу лишь тогда, когда, очертя голову, бросаемся к вам на помощь и подставляем свои тела под удары, но в ответ требуем уважения и подчинения.

– Вы надеялись этой красивой речью загладить свою вину?

– Я не вижу за собой никакой вины, империта.

– А вы наглец, трайд! – Удивилась та.

– Как вам угодно.

– Может, вы прекратите свои пререкания? – вмешался Джанулория. – Вы так кричите, что я ничего не слышу, а нам нужно соблюдать осторожность.

– Первым буду дежурить я, – Марион поближе подсел к костру. – Все равно не смогу заснуть. После меня – Тасури.

– Может, лучше мы с Джанулорией вдвоем подежурим, а вы отдыхайте, – предложил констат.

– Не желаю ничего слушать! Перестаньте делать из меня инвалида! – настроение Мариона было испорчено разговором с империтой. – Я разбуду тебя, Тасури. Спокойной ночи.

Поворчав, офицеры улеглись. Дели тоже затихла, свернувшись калачиком, но уснуть не могла.

Ночь была тихая, беззвучная и лунная. Камни отбрасывали иссиня-черные длинные тени, похожие на молчаливые фигуры, что неподвижно затаились в засаде. Плясали отблески костра, и огоньки искр то и дело взмывали в темное небо с бесшумным треском. Фигура трайда, залитая красным заревом, казалась одинокой и маленькой. Он сидел неподвижно, наблюдая за языками огня, и создавалось впечатление, что вся ночь вдруг замерла, застыла, как кадр пленки, и только один костер не поддавался чарам мрака и продолжал странный чарующий танец, который усыплял, усыплял...

– Империта!

Она с трудом открыла глаза: над ней нависла лохматая грива энод-арона.

– Что еще? – Сонно спросила Дели, не понимая, зачем ее будят в такую рань.

– Пора в путь!

– Уже? – кое-как проснувшись, широко зевнула. – Что за спешка? Еще даже солнца нет.

– Если хотите, можете оставаться здесь, – раздался голос трайда.

Империта зло посмотрела в его сторону.

– Вы, как всегда, очень любезны.

Тот не ответил. Вид его был уставшим, а глаза – покрасневшими от бессонной ночи.

Наскоро позавтракав, пустились в дорогу. Марион с ходу пустил своего харуба в бешеный галоп так, что остальные еле поспевали за ним. Ветер бил в лицо с такой силой, что можно было задохнуться, а от бесконечного мелькания травы, рябило в глазах.

В таком темпе они неслись полдня. Уже давно сияло солнце где-то над головой, словно раскаленный шар, а от бесконечной тряски ныло все тело, и не было видно конца этому пути. Огромная равнина Ларгат осталась давно позади, теперь начали встречаться одинокие деревья и низкорослые кустарники. Местность из ровного стола превратилась в морщинистое одеяло, покрылась глубокими и мелкими впадинами, то уходила вниз, то поднималась вверх, затрудняя движение. Несколько раз попадались небольшие быстрые ручьи, петляющие по оврагам в пушистых объятьях разлапистых кустов.

Дели невероятно устала, ее измучило палящее солнце, тряска, напряжение мышц, от света болели глаза, хотелось есть и пить. Понемногу она начала отставать, ей овладела апатия и безразличие. Джанулория что-то крикнул Мариону, и офицеры, круто развернувшись, подъехали к девушке.

– Что случилось? – Раздраженно спросил трайд.

– Я не могу больше, – всхлипнула Дели. – Сколько можно трястись по этим колдобинам? У меня уже все болит, я вся обгорела на солнце, я хочу есть и пить, хочу отдохнуть, в конце концов! Пока мы не сделаем привал, я не сдвинусь с места!

Мариону захотелось влить ей звонкую пощечину или хорошенько оттащить за уши, но он сдержался.

– Мы не прошли и половины пути, а вы уже распустили нюни, империта? По-моему, я предупреждал вас, что будет трудно, поэтому прекратите ныть и продолжайте следовать за нами!

– Но я так устала, что свалюсь на землю прямо из седла!

– Привал будет с наступлением темноты, поэтому выбирайте: или продолжаете путь или мы едем без вас!

– Вы не посмеете бросить меня здесь, трайд!

– Может, устроим привал на несколько минут? – негромко спросил Джанулория. – Империта, действительно, устала.

– Я знаю, – ответил тот. – Просто хочу преподать ей урок. Поехали!

Харубы офицеров рванули с места.

Дели растеряно смотрела им вслед несколько минут, а потом на нее накатила волна ужаса. Они бросили ее! Она осталась одна среди чуждой, неизвестной планеты и никого нет рядом! Не помня себя от страха, забыв и голод, и усталость, и жару, со всех сил хлестнула харуба и помчалась в погоню за офицерами. Они были уже далеко впереди, но империта, нещадно погоняя своего скакуна, все же настигла их.

«Даже не обернутся, – думала она. – А, если бы я осталась там, они бы так и бросили меня одну».

Всю остальную дорогу Дели упорно молчала, смертельно оскорбившись, хотя почти падала от жуткой усталости и голода, но, сжав зубы, упрямо решила продержаться до конца дня назло всем. А офицеры неслись, как заведенные, словно им ни жара, ни пустой желудок, ни целый день в седле нипочем.

«Одержимые», – как сквозь сон подумала девушка, проклиная солнце, которое так медленно ползло по небу.

Наконец, они остановились на берегу ручья, что бежал на дне небольшого оврага. Здесь было уже сумрачно, хотя небо еще светлело закатом. Офицеры снова развели костерок, напоили уставших харубов, разложили скромный ужин. Почти не говорили. Дели ела мало, хотя всю дорогу только и мечтала о еде. Теперь же голод перегорел. Напившись воды, она свернулась калачиком в укромном местечке под кустом, где трава была помягче и моментально уснула.

– Бедняжка, совсем измучилась, – печально произнес Джанулория, глядя на крепко спящую девушку.

– Зато мой урок не прошел даром, – отозвался Марион. – Еще дня два такого темпа, и она привыкнет.

Часто Джанулория говорил трайду, что он чересчур требователен к другим, порой даже жесток, но тот лишь отвечал:

– Служба заставляет.

Сейчас же т, ахьянец не стал ничего говорить. Утомительный день в седле не располагает к беседам. Он подбросил хвороста в костер и принялся чутко вслушиваться в ночь. Сегодня его дежурство было первым.

Марион блаженно растянулся на земле, чувствуя, как приятно заныли расслабленные мышцы, как медленно остывает его разгоряченное тело, как постепенно ослабевает пульсирующая боль в незаживших ранах, мучившая весь день. Голова, чугунная после вчерашней бессонной ночи и изнурительного дня бесконечной тряски, просто раскалывалась, и офицер с облегчением осознал, что неудержимо хочет спать.

Сон был короткий, недостаточный для полного восстановления сил. Его разбудил Тасури и, видя, что Марион с трудом возвращается к действительности, быстро сказал:

– Спите, трайд, я подежурю за вас. До утра рукой подать.

Предложение было очень заманчивым, ведь так хотелось поспать еще хоть чуток, но Марион упрямо тряхнул головой, сгоняя остатки сна, сказал:

– Ерунда! Констат Тасури, ваше дежурство окончено. Приказываю отдыхать.

– Приказ понял! – Имберианец улегся, обняв себя хвостом, и через минуту уже спал.

Время тянулось невозможно медленно, а ему хотелось поскорее вскочить в седло и мчаться к горам Ялтхари во весь дух, без остановок, чтобы покрыть все расстояние за один день. Тихо моргали звезды, глядя на сонную землю, удивляясь, как можно спать по ночам. Неумолчно говорил ручей, поблескивая водой в свете Халара. Вздрагивали листья кустарника от незримого прикосновения ветерка. Мерно дышали во сне харубы, словно дышала ночь. Казалось, что сама госпожа Вселенское Спокойствие спустилась на этот клочок Камарлена, чтобы усыпить бдительность офицера этим безмятежным сиянием звезд, шелестом листьев, журчанием ручья, пронзительной тишиной. И трайд начал думать, а не сном ли было сражение с марганями, исчезновение персонала Исследовательского Центра, смерть Юл-Кана и Сира-Мадока, не сон ли вся эта погоня за призрачными пиратами? Ведь сейчас такая умиротворенная, девственная ночь, что трудно поверить в то, что в этой ночи могут твориться злые дела.

Но вот хрустнула ветка, и госпожа Вселенское Спокойствие упорхнула, как вспугнутая птичка. Марион вскочил, выхватив бластер, весь превратившись в слух и зрение. Тишина. Он бесшумно шагнул к кустам, но в густой листве никто не прятался, никто не бросился на него. Все же Марион обследовал все кусты, даже вскарабкался на край оврага, но так никого и не обнаружил. Немного успокоившись, снова сел у костра, но бластер не убрал. Теперь ночь, минуту назад казавшаяся безмятежной и ласковой, сейчас была наполнена угрозы, зловещего молчания и туманными монстрами, глядящими жадными глазами из темноты.

Во сне заворочалась империта, что-то пробормотала на деллафийском и снова затихла. Марион снял куртку, свернул ее и, тихо подойдя к девушке, осторожно подложил ей под голову. Дели не проснулась. Она спала, подтянув коленки к самому подбородку, подложив ладони под щеку. Посмотрев на нее, Марион подумал: дитя! – и вернулся к костру.

Ночь таяла. Выцветали звезды, небо светлело. Рождался новый день.

Выехали, как и вчера, до восхода солнца. Сначала двигались вдоль ручья, потом, как только стены оврага стали более пологими, выбрались на открытую местность, поросшую редкими стройными деревьями. Через несколько рондов земля вдруг резко пошла под уклон, и их глазам предстало великолепное зрелище. Далеко, почти у самого горизонта, раскинулся величественный лес. Его густую красную листву было видно даже отсюда. А внизу раскинулась живописная долина, по которой вилась широкая лента реки. Грудь Мариона сдавило, словно

тисками. Как ему знакомы эти места! И удивительный лес Фохх, что пламенеет вдали, и река Эрадорх, что катит по долине свои быстрые воды, на берегу которой стоял луйхар Юл-Кана. Где теперь покоятся останки того славного луйхара?

– Смотрите! – прервал его печальные мысли возглас глазастого Джанулории, что указывал куда-то далеко в сторону. – Это луйхар!

Услышав это слово, трайд вздрогнул: не луйхар ли это Юл-Кана? И он ветром полетел к поселению.

Уцелело только несколько хижин, остальные валялись разломанными грудями. Нежная трава истоптана и изрыта множеством ног. На кострищах – давно остывший пепел. Офицеры с отрешенными лицами бродили по остаткам луйхара. Все, что здесь произошло, было ясно, как день. Что теперь случилось с уцелевшими ихлаками? Куда они подались, потеряв свой кров, своих соплеменников? Живы ли сейчас? Никто не сказал ни слова, все эти вопросы читались в глазах. Уходили из луйхара с тяжелым сердцем.

Перед ними неслась обширная быстротечная река Эрадорх. Встал вопрос, как переправиться на другой берег. Брод, по словам Мариона, находился далеко на запад, поэтому решили воспользоваться лодками, что стояли вверх дном на пологом берегу недалеко от разрушенного луйхара. Офицеры быстро стащили лодки в воду, привязали к каждой харубов и, запрыгнув, принялись грести широкими веслами. Течение сразу же подхватило их и начало сносить. Дели была в одной лодке с Тасури. Он, как рожденный в водной стихии, правил уверенно и спокойно. Империта, вцепившись в высокие борта, со страхом смотрела на суровую реку, которая, казалось, нарочно крутит их, желая опрокинуть в свой торопливый поток. Позади них болтались перепуганные харубы, издавая приглушенные низкие звуки.

Трайд тоже неплохо справлялся с течением, сильными взмахами весла толкая лодку к берегу. Но Джанулории приходилось хуже: его легкий вес и неумение управлять лодкой сослужили им плохую службу. Неожиданный и стремительный водоворот сильно покачнул их лодочку и, не удержавшись, т, ахьянец полетел в воду, отчаянно взмахнув руками, будто желая взлететь. Его тут же подхватило течением и понесло прочь. Дели пронзительно вскрикнула. В это время Марион, недолго думая, бросил весло и нырнул. Девушка снова вскрикнула. Тасури с удвоенной силой заработал веслом, и вскоре их лодка ткнулась в противоположный берег.

– Империта, отвяжите харубов! – крикнул он, бросаясь в объятья реки, и через несколько минут скрылся из вида вслед за Джанулорией и трайдом.

– А как же я? – отчаянно завопила ему вслед Дели, запоздало осознав, что остается совершенно одна, но то ли имберианец не услышал ее, то ли позабыл о безопасности империты и о возможном нападении марганов, то ли жизнь товарищей была ему дороже, или еще почему, но девушка все же осталась одна.

Из нахлынувшего оцепенения ее вывели утробные жалобные «похныкивания» харубов, все еще мокнувших в воде. Кое-как отвязав несчастных животных, Дели в волнении побежала вдоль берега, всматриваясь во все глаза в коварный поток, но ни офицеров, ни их лодок не было видно.

Вот тут-то настоящий страх и вполз в душу огромным осьминогом. Совершенно не понимая, что делать, девушка парализовано остановилась, с опаской, если не сказать с ужасом озираясь по сторонам. Вокруг все было безмолвно. Кое-как поборов панику, она осторожно пошла к лодке. Харубы обсохли и теперь деловито пожевывали сочную траву. Целый час империта провела в томительном, невыносимом ожидании и одиночестве, с колотящимся сердцем шараясь от малейшего шороха. В голове трепыхались всякие мрачные, страшные мысли, от которых никак не удавалось избавиться. Наконец, когда запасы терпения и храбрости уже готовы были лопнуть (после этого, Дели намеревалась запрыгнуть на одного из харубов и с громким отчаянным воплем помчаться, куда глаза глядят, а там будь, что будет, лишь бы не сидеть на одном месте, изнывая от ужаса и противных дум), ей послышался торопливый топот ног.

«Марганы!» – мелькнула первая мысль. Сразу выступила холодная испарина, и рука нащупала рукоятку меча.

«Спрятаться!» – проблеснула вторая мысль, но прятаться было негде. Разве что под лодку залезть?

«На харуба и как можно скорее!» – это следующая лихорадочная мысль. Едва не упав от поспешности, Дели кинулась к «скакунам». Взобраться на харуба она не успела, потому что вдруг до нее донеслось громкое:

– Империта, постойте! – к ней, гоня харуба изо всех сил, несясь трайд Марион. Вскоре он уже стоял перед опешившей, но чрезвычайно обрадованной девушкой, у которой гора с плеч свалилась, и сердце перестало-таки судорожно биться, едва она услышала его окрик.

– Все в порядке? – сурово спросил он, быстро оглядев местность зорким настороженным взглядом. – С вами все в порядке? – его глаза уставились на нее.

– Да, – кивнула та и добавила: – Я услышала топот и подумала, что это марганы... и решила, что будет лучше драться верхом на харубе, чем пешком.

– Конечно, – по лицу Мариона было невозможно понять, догадался ли он об истинных причинах, заставивших ее, как пуля, вскочить на харуба, но, похоже, трайд принял ее невинную ложь или сделал вид, что принял.

– А где констат и энод-арон? – спросила Дели, нахмурившись. – Неужели?..

– Нет, – успокоил ее офицер. – Сейчас они подъедут... Вот и они.

Действительно, показался харуб, на котором восседали Джанулория и Тасури. Подъехав, они спешили, причем вид у констата был удрученным, видимо, получил от трайда хорошую выволочку за то, что оставил империту одну.

– Не поверите, империта, но мы были у черта на куличках! – воскликнул энод-арон. – Если бы Тасури не спас харубов, мы бы тащились сюда до вечера! А, если бы трайд не спас меня, то я бы был сейчас еще дальше – на пути к Воротам Вечности, как говорят ихлаки, – весело добавил он, благодарно взглянув на Мариона.

Но трайд, видимо, не собирался тратить время на пустые разговоры, потому что сказал кратко:

– Ну что ж, раз мы все живы – в путь!

Дорога до леса была неблизкой, и они еще долго тряслись в седлах, прежде чем их взгляду предстало все величие и таинственность леса. Большие стройные деревья полыхали красно-бардовыми кронами с оранжевыми и вишневыми переливами, словно гигантский костер. Яркое солнце освещало каждый листок, отчего сходство с огромным огнем становилось еще сильнее.

– Деллафия! – выдохнула Дели, глядя на лес. – Это самое прекрасное, что я когда-либо видела!

– Когда я впервые увидел этот лес, то тоже испытал нечто подобное, – понимающе улыбнулся Джанулория. – Ихлаки называют его лесом Фохх, что в переводе с камарленского означает «огонь». Огненный лес, точно подмечено.

Вскоре они вошли во владения лиственного огня. Внушительные стволы деревьев, густые острова кустарника, земля, обсыпанная пестрыми листьями и поросшая короткой травой, клочки неба, что виднелись сквозь купол листвы. Причудливые размытые тени делали этот удивительный лес похожим на таинственный сказочный мир, полный призраков и ведьм. Но они все ехали и ехали, а никаких колдунов и духов так и не было видно, только то и дело из-за упавшего дерева или из-за куста вдруг выныривал какой-нибудь большой в бурях пятнах старый камень и, казалось, провожал их настороженным взглядом. А наверху раскинулось красное пламя леса – бесконечное, необъятное море пылающей листвы. Сухой ветер слегка касался ее, и деревья волновались, как беспокойный костер, выбрасывая в небо яркие языки пышных макушек. Лес пел о чем-то своем, временами задумчиво и печально, временами ликующе и торжественно, и Дели, словно была частью этого великолепного Огненного леса, вто-

рила общему ритму, то тихонько плача, то радостно взирая на далекий купол, под которым каждая веточка, каждый листок сиял рубином, яхонтом, янтарем на лучах солнца.

Густой купол из листвы защищал от палящих лучей, отдыхали утомленные от света глаза, и ехать было гораздо легче. Позади осталось множество рондов леса, и Дели только удивлялась выносливости харубов, с виду слабых и хрупких.

Вдруг Мариону показалось, что где-то сбоку среди деревьев мелькнула какая-то подозрительная светлая тень. Он резко остановился, выхватывая бластер и вглядываясь в кусты.

– В чем дело, трайд? – тихо спросил Тасури.

– Там кто-то есть, – офицер заставил своего харуба бесшумно приблизиться к кустам. Оттуда раздалось угрожающее враждебное рычание. Марион, прыгнув на землю, смело шагнул и чуть не вскрикнул от удивления. В нескольких шагах от него стоял лонг! Невероятно худой, пепельная шерсть свалилась и висела клочьями, но на загривке стояла дыбом, желтые безумные глаза, широко оскаленная пасть и прижатые к голове большие уши, – все говорило, что лонг готов к бою, хоть и едва держится на ногах от голода и усталости.

Но эта белая отметина на лбу! Неужели?..

– Эвиرو? – вопросительно – неуверенно позвал Марион. – Ша ррах ма, Эвиرو?

Лонг поднял уши, глаза его стали чуть спокойнее, осмысленнее, внимательно посмотрел на офицера и вдруг слегка дрогнул кончик его хвоста, шерсть улеглась, и он шагнул к нему.

– Эвиرو! – Марион теперь был уверен, кто перед ним. Коснулся головы лонга, потрепал. – Бедняга, совсем ты одичала, озверела, оголодала, что готова разорвать любого, принимая за врага. Что же ты делаешь здесь, девочка, в лесу? Как же ты пережила своего хозяина?

– Да это же Эвиرو – лонг Юл-Кана! – присвистнул Тасури. – Вот так встреча!

Лонг смотрел на них умными, какими-то почти говорящими глазами, спокойно переминаясь с лапы на лапу и все посматривая куда-то вглубь леса. Потом подошел к трайду и, прикусив зубами его штанину, потянул.

– Что ты хочешь, Эвиرو? – не понимая, спросил тот, а лонг продолжал тыкаться носом ему в ноги и тихо скулить.

– Наверное, он хочет есть, – предположила Дели, глядя на его впалые бока.

Тут Эвиро отбежала на несколько шагов и нетерпеливо посмотрела на них, потом в лес, снова на них.

– Она зовет нас куда-то, – решительно заявил Марион, вскакивая на харуба. – Что ж, веди нас, подруга!

Лонг радостно рыкнул, словно говоря: ну, наконец-то вы меня поняли! – и припустил вперед одному ему известной дорогой.

Дели думала, что это глупо – следовать за неразумным животным, которое, возможно, сошло с ума от голода, и теперь ведет их неизвестно куда и зачем, а может прямо навстречу гибели, но не стала высказывать свои мысли вслух.

А Эвиро все бежала и бежала. Наконец, она остановилась, оглянулась на всадников и вдруг исчезла, словно сквозь землю провалилась.

– Что за дьявол? – процедил Марион.

Но лонг не исчез, как призрак, а просто нырнул на дно небольшой лощины, поросшей кривыми чахлыми деревьями, с крутыми песчаными склонами. Все вчетвером они спустились вниз. Эвиро была здесь, лежала у какой-то темной груды и смотрела на приближающихся офицеров.

Кровь отхлынула от лица трайда, когда он увидел, что за груда лежит на земле. Это был ихлак. Его сильное разметававшееся тело с налипшей грязью, засыпанное опавшими листьями, было неподвижно. Запавшие глаза закрыты. Коричневую грудь пересекала глубокая рваная рана, доходящая до живота. Рядом с ним – длинный тусклый от засохшей крови меч. Видимо, ихлак не выпускал его из рук до последней минуты.

– Так вот зачем ты привела нас сюда, Эви́ро, – сдавленным голосом произнес Марион. – Ты до конца служишь своему хозяину.

Лонг ткнулся мордой в бессильную руку ихлака, заскулил, словно плача, лизнул. И вдруг эта рука пошевелилась, потом раздался тяжкий вздох, и закрытые веки затрепетали.

– Живой! – воскликнул трайд. – Юл-Кан, слышишь меня, дружище?

Глаза ихлака смотрели устало и мутно, безгубый рот открылся:

– Это и в самом деле звездные люди или я сплю? – хрипло прошептал он на контарта.

– Это я, Эрадорх! Узнал? – с волнением спросил Марион.

– Хотя я чуть жив, но тебя узнаю из тысячи, – тихо рассмеялся тот, к удивлению офицеров. – Раз вы здесь, значит, все не так плохо.

Неожиданно из-под руки Юл-Кана высунулась белоснежная любопытная мордашка маленького лонга. Он удивленно глянул блестящими глазками на чужаков, что разбудили его и, смешно зевнув, вскарабкался на широкую грудь ихлака.

– Уберите его от меня! – взмолился Юл-Кан. – Вот уже сколько солнц он разгуливает по мне, как букашка по земле.

– Да у тебя здесь целый зверинец! – Смеясь, воскликнул Джанулория, осматривая рану.

Вскоре, благодаря стараниям энод-арона, Юл-Кан уже мог встать на ноги, но был очень слаб. Жадно поглощая пищу, он поведал о своих злоключениях.

Когда марганы напали на луйхар, его ранили и, потеряв много крови, он лишился сознания. Чудо, что его не разорвали в клочья, как многих его соплеменников. Очнувшись, обнаружил, что в луйхаре не осталось никого, лишь его Эви́ро и несколько других лонгов. Предал огню тела погибших. Отлежавшись полдня, Юл-Кан решил пойти в пещеры Долгого Хребта, надеясь с помощью камней залечить свои раны и заодно помолиться, посоветоваться с духами. Кое-как переправившись через реку, еле живой он полз к лесу Фохх. За ним неотступно следовала верная Эви́ро, прихватившая своего единственно уцелевшего детеныша. Теряя сознание, с передышками, умирая от голода и жажды, в конце концов, добрался до леса. И снова шел, шел, шел, никак не желая умирать. Пару раз Эви́ро приносила ему свою добычу, и он съедал мясо сырым и снова шел, пока, наконец, не свалился в эту лощину. Подняться больше не было сил. Так он лежал, упорно не желая сдаваться, а Эви́ро приносила мясо – ему и детенышу, охраняла от хищников, возвращала к действительности тихим поскуливанием. А однажды ночью он услышал марганов. И снова его спасла преданная Эви́ро, бесстрашно бросившись навстречу врагам. Куда она увела их – это так и осталось загадкой, только вернулась она с бешеными глазами, торчащей дыбом шерстью, но, к счастью, невредимая.

– Эти чудовища, наверняка, где-то рядом, – убежденно сказал Марион, выслушав Юл-Кана.

– Расскажи мне, кто или что это, – попросил ихлак. – Чувствую, что надвигается что-то страшное, а, может, уже пришло.

– Значит, кто-то пытается украсть камни? – громыхнул Юл-Кан, услышав рассказ офицеров. – Коварные шарклы!¹⁵ Им не уйти от гнева Ихлакита! Я иду с вами! – заявил он, пылая ненавистью. – Хочу взглянуть в глаза тех, кто осмелился поднять свою грязную руку на священные алиманы!¹⁶ и кто нарушил древний покой ихлаков и принес смерть и страх!

Марион с улыбкой посмотрел на огромного ихлака, сказал:

– Ради этого стоило восстать из мертвых. Я рад, что ты жив!

– Сами звезды послали вас ко мне. И хоть сердце мое полно скорби, я счастлив вас видеть, друзья мои! – искренне проговорил Юл-Кан.

¹⁵ Шаркл – злой дух (камарл.)

¹⁶ Алиманы – священные камни ихлаков. Существуют только в камарленских горах (камарл.)

Пока они беседовали, Дели кормила лонгов. Эви́ро была готова съесть все, что угодно: долгие голодные дни пробудили в ней поистине зверский аппетит, но все же она отдавала большую часть своему прожорливому детенышу, который крутился возле матери. Он был такой забавный, что девушка не могла сдержать смеха, наблюдая за ним.

Юл-Кан посмотрел на империту долгим внимательным взглядом.

– Я никогда не видел раньше женщин вашего племени, – неожиданно сказал он. – Кто это?

– Рахими Шалкай, – представил ее Марион, вспомнив слова Мира-Лора. – Она – дочь вождя моего племени.

– Дочь вождя? – изумился тот. – И она прилетела с вами, чтобы сражаться за Ихлакит?

– Можно и так сказать.

Ихлак снова покосился на империту, – теперь с уважением, – заметил меч в ножнах и одобрительно причмокнул языком.

Незаметно стемнело. Пылал костер. Офицеры и ихлак сидели кружком. Эви́ро пристроилась рядом с хозяином, блаженно шурясь на долгожданный огонь. Дели играла с маленьким лонгом, которому уже дала имя – Истан, что на деллафийском означало «солнечный свет». Его белоснежная шерстка светлым пятном выделялась в сумерках, словно сияла, а желтые глазки были живыми и ужасно озорными.

Марион чувствовал, что раны начали ныть сильнее, возможно, после «купания» в Эрадорхе, но он старался не думать о боли: впереди еще было слишком много дел.

Они уже собирались лечь спать, но ихлак продолжал сидеть у костра, расправив уши, и к чему-то прислушивался. Трайд напряженно смотрел на него, зная, что тот может услышать даже хруст ветки за полронда.

– Кто-то приближается с востока, – сказал Юл-Кан уверенно. – Очень быстро, не таясь.

Марион очень боялся услышать эти слова, но именно их произнес ихлак, и офицер вздрогнул, выдохнул:

– Это они, – и крикнул: – Подъем, офицеры! Опасность!

Через секунду все были готовы к бою, кроме Дели, которая до смерти перепугалась от одного лишь крика трайда.

– Мы не можем принять сражение сейчас, – произнес Марион. – Юл-Кан еще полностью не оправился от старых ран, чтобы добавлять новые. Я тоже не уверен в своих силах, а Тасури и Джанулория вряд ли смогут справиться с оравой чудовищ без вреда для себя и, защищая девушку. Пока не поздно, нужно покинуть это место, и как можно скорее. Надеюсь, мы успеем добраться до гряды Ортах до рассвета. А там посветлу можно попробовать отбиться от марганов. Оставаясь же здесь, у нас нет шансов.

Порешив так, быстро оседлали харубов. Дели, сунув за пазуху Истана, теперь тряслась в одном седле с Джанулорией, уступив своего харуба Юл-Кану. Она боялась, что великан – ихлак раздавит животное своей тяжестью, но оказалось, что харуб легко несет такую глыбу.

Ночь выдалась лунная, но все равно глаза натыкались на мрак, из которого, как безмолвные тени, вдруг выступали деревья – неожиданно и внезапно, будто нарочно стараясь встать на пути. Казалось, что они вот-вот столкнутся с очередным коварным стволом или упадут в какую-нибудь глубокую бездонную яму, но, похоже, харубы видели в темноте не хуже, чем днем и легко огибали все препятствия.

Кругом лес, лес, лес без конца и края. Куда они так спешат в этой тьме? Дели уже давно потеряла всякое направление. Что слева, что справа, что впереди или позади – лишь сплошные колонны деревьев, окутанные почти осязаемым покрывалом мглы, и только диск луны, да светлячки звезд говорили, что, кроме этого океана леса существует еще и небо, недостижимое даже для самых длинных ветвей.

Кажется, прошла целая вечность. Голова ее гудела от скачки, поэтому Дели не сразу услышала позади глухой приглушенный шум. Но Джанулория слышал его очень хорошо. Он изо всех сил хлестнул своего харуба, и без того мчавшегося, как ветер, и тот метнулся молнией на пределе своих сил. Так же летели и остальные, выжимая из бедных животных всю возможную скорость.

Мрак не успевал расступиться перед такой сумасшедшей скачкой, и они разбивали его, как выпущенные из лука стрелы, разрезали его грудью, как ножом, задыхаясь в потоках воздуха. Сама ночь уступала им дорогу, раздвигая деревья, ярче зажигая луну и звезды.

Огненный лес кончился неожиданно, и разгоряченные харубы выскочили на открытое пространство, словно космический корабль, оторвавшись от оков планеты, вырывается в объятья вселенной. Далеко-далеко впереди смутно чернели очертания чего-то большого и бесформенного. Это высилась гряда Ортах. Призрачный свет Халара играл на лицах всадников, превращая их в восковые маски, рисуя на них какое-то зловещее хищное выражение.

Юл-Кан сейчас, как никогда, походил на великолепного вождя, ведущего свое племя навстречу безумным подвигам, – так величаво и уверенно он несся впереди их маленького отряда, пригнувшись к самой шее скакуна.

Они оторвались от преследователей, их топот остался где-то позади в лесу, но бешеная скачка продолжалась, и земля под ногами испуганно убегала прочь и удивленно смотрела им вслед потревоженной травой.

И вот, наконец, перед ними гряда Ортах. Эти бесконечные нагромождения огромных камней, похожие в темноте на гигантское спящее существо, производили неизгладимо-мощное впечатление, приводили в трепет своей громадностью и несокрушимостью.

– Что делать с харубами? – спросил Тасури. – Тащить их наверх?

– Придется. Они нам еще пригодятся, – устало отозвался трайд.

Подъем был нетрудным. Дели забиралась почти бегом – благо, Халар светил ярко. Истан лежал спокойно и совсем не мешал. Юл-Кан, Тасури и Марион вели под уздцы харубов. Это было непростое дело: их ноги были не приспособлены к лазанью по камням, приходилось тянуть их, заставляя идти дальше.

Марион совсем выдохся. Нестерпимо болели раны, в голове тяжело пульсировала кровь, на лбу выступила испарина, а упирающийся харуб приводил его в бешенство. Он благодарил ночь за то, что она скрывает его ужасное состояние от посторонних глаз. Несколько раз офицер оглядывался назад на темную равнину, убегающую вдаль от подножия гряды, всматриваясь, но внизу все было тихо и спокойно.

Они остановились в укромном месте, защищенном со всех сторон большими выступами камней, торчащими, словно зубы.

– Думаете, они отстали? – негромко спросил Джанулория.

– Я ничего не слышу, – ихлак изо всех сил вслушивался в тишину.

– Они учуяли нас, значит идут по нашему следу, – как-то равнодушно отозвался Марион. Он сидел, прислонившись спиной к камню, закрыв глаза, боясь пошевелиться.

– Вам плохо? – т, ахьянец давно подозревал, что трайду нездоровится, но сейчас лицо его особенно побледнело.

– Я просто устал, ничего страшного, – слукавил тот, не желая признаваться в своей слабости.

Никто не ложился спать, лишь одна Дели тихо посапывала, прижавшись щекой к маленькому лонгу.

Дальнейшие события развернулись кошмарной каруселью.

Вдруг яростно угрожающе зарычала Эвино, уставившись в дрожащую ночь. Подскочили задремавшие Юл-Кан с Марионом. Потом, словно куски ожившей тьмы, появились марганы. Разом ударили вспышки бластеров и данкаров. Марганы исчезли. Марион крикнул:

– Уходим! – и они понеслись по камням.

Но нхасские чудовища начали окружать их слева, справа, сзади, прячась меж глыбами от смертоносных лучей.

– Встаньте все вместе! – гаркнул Джанулория, вдруг останавливаясь. Он вытянул свои тонкие руки и через секунду из его ладоней вырвались струи огня, которые, ударившись о землю в фионе от них, взметнулись вверх огромной волной сияющего пламени. Эта сокрушительная волна все ширилась, расплзалась, пока не сомкнулась кольцом.

Дели так и ахнула. Огонь погас, растаял, потух так же внезапно, как и появился.

– Будем надеяться, что они сгорели все до единого, – бросил энод-арон.

До конца ночи никто не нападал, и они благополучно достигли вершины гряды. И только здесь Дели увидела и осознала всю красоту Камарлена. В свете занимающейся зари ее взгляду открылись бескрайние просторы красноватых равнин, пересеченные полосками рек, убегающих куда-то в незримые дали. Таинственные массивы девственных лесов, не знающих стука топора. Длинная гряда Ортах, на вершине которой они стояли, тянулась далеко на запад, извиваясь, подобно каменной змее. Но она казалась игрушечной по сравнению с колоссом, что раскинулся на севере от Ортаха. То были горы Ялтхари – огромные, почти необъятные, взмывающие высоко в небо остроконечными недоступными пиками. Горы, похожие на фантастическую величественную крепость – одно из хранилищ священных для ихлаков алиманов.

И над всем этим великолепием властвовало безмятежно-спокойное рассветное небо и, словно говорило: «Все временно и непостоянно, лишь я – вечно».

Все смотрели на горы – то, к чему они так спешили, ощущая невольный восторг от их грозного неприступного вида. Им предстояло спуститься с гряды и пересечь немалую пустошь, где, как мрачные неведомые статуи, возвышались кривые каменные великаны.

Теперь, потеряв харубов, этот путь обещал занять целый день и то, если все будет спокойно.

Спуск был долгий, вдобавок ко всему Дели умудрилась подвернуть ногу и теперь замучила всех своими жалобами и нытьем.

– Я не могу идти, – со слезами на глазах всхлипывала она, сидя на камне. – Хоть режьте, а я не спущусь отсюда. Может у меня вообще перелом?

Тут Юл-Кан со всей силы дернул ногу девушки так, что она зашлась диким криком, впоремешку с рыданиями.

– Теперь он мне точно ногу сломал! – выла Дели, обхватив лодыжку. – Кто его просил? У меня же ноги не деревянные, а живые, а он со всей дури! Чуть с корнем не оторвал! – и она снова разрыдалась.

– Хватит сырость разводить, империта! – жестко рубанул трайд, злясь из-за очередной задержки. – До гор рукой подать, а вы вздумали вдруг сделать отдых!

– Я же не нарочно!

– Тогда терпите, нам некогда возиться.

– А вас никто не просит возиться! Бегите к своим ненаглядным горам, я вас не держу! Вам хоть умри, а вы будете требовать идти! По-вашему, я должна прыгать за вами на одной ноге или идти на руках?

– Да будьте же вы хоть немного сильнее своих слабостей! – в бешенстве выкрикнул офицер.

От обиды девушка снова заплакала.

– Вы – бесчувственный чурбан, трайд! – сверкая слезами, выпалила она. – Я весь путь ни о чем вас не просила, ничего не требовала, неслась за вами, как сумасшедшая, падая от усталости и голода, а вы все недовольны!

– Мне некогда пререкаться с вами, империта, – мрачно ответил тот, – и некогда утирать вам слезы, но вот насчет бесчувственного чурбана у нас будет отдельный разговор.

Все же он попросил Юл-Кана помочь девушке спуститься. Тот молча, словно пушинку, подхватил ее на руки, и они продолжили спуск.

Снова началась изнуряющая жара, облепившая их толстой паутиной. Вскоре перед ними лежала пустошь. Соблюдая крайнюю осторожность, они почти бесшумно продвигались от одного великана к другому.

Дели, почувствовав себя немного лучше, слезла с сильных рук ихлака и теперь хромала позади отряда.

– Кричит зага, – неожиданно сказал Юл-Кан и нахмурился: на переносице появилась суровая морщинка.

– Ты уверен? – не останавливаясь, спросил трайд.

– Идет Большая Вода, – уверенно кивнул тот.

«Что за череда невезений, словно какое-то проклятие! – в отчаянии подумал Марион. – Одни марганы чего стоят, теперь еще и Большая Вода! Может, успеем добраться до пещер?»

Он взглянул на небо, но оно было безоблачно и, по-прежнему, полно покоя.

Но чаша несчастий еще не переполнилась. Их ожидало очередное испытание. Снова появились марганы, как страшный бесконечный сон. И снова Джанулория спас их.

К концу дня на горизонте появились первые признаки надвигающейся грозы. С запада напозлали бесформенные громады фиолетово-черных туч. Как чья-то жадная злобная рука, они медленно разбухали, росли, тянулись все дальше и дальше, пожирая своими телами беззащитное небо. Грозные, безмолвные, устрашающие, неминуемые и безжалостные, несущие за собой мрачный полог тени, словно гигантские крылья. Один лишь взгляд на них наводил уныние, тоску и какой-то безотчетный, почти животный страх.

Стараясь не смотреть на небо, они упорно двигались к своей цели. До подножия добрались, когда уже все небо затянуло мглой. На землю, словно опустилась ночь – беззвездная, тихая, полная непонятной угрозы, подернутая глухой дымкой, плотная, как толстое одеяло, под которым трудно дышать, и это угнетало.

А перед ними, словно смеясь и бросая вызов низким мрачным тучам, гордо возвышались горы Ялтхари, окутанные призрачным туманом. Их вершины растворялись в необозримой вышине среди фиолетово-черного мрака.

Острые хищные скалы многочисленными ножами щерились на непрощенных гостей. А в нескольких фионах от подножия глубоким провалом зияла пещера.

– Скорее туда! – крикнул Юл-Кан и начал карабкаться вверх, ловко цепляясь за камни. Рядом прыгал лонг, держа в зубах своего детеныша. Джанулория помогал империте, которая с трудом взбиралась.

Марион, сжав зубы, упрямо повторяя: «Еще немного, еще совсем чуть-чуть», заставлял себя подниматься, хотя боль пульсировала все настойчивее и настойчивее.

И тут, словно решив в последний раз испытать их на прочность, на них обрушился ливень. Громадный поток, под стать тучам, ревущей волной хлынул с неба, – сметающий, безумный, в котором можно было захлебнуться. И сразу же бурлящие, исходящие пеной воды метнулись с вершин гор вниз, в пустошь, а оттуда – в равнины, вымывая землю, валя деревья, затопливая поля и луга.

Юл-Кан, успевший добраться до спасительной пещеры, что-то кричал, но шум ливня заглушал его слова.

Дели, задыхаясь, приникла к камням, оглушенная, парализованная страхом, такая маленькая и беззащитная в этой безумствующей стихии, не в силах шевельнуться и хотела лишь одного – удержаться в неистовых потоках.

– Империта, дайте мне руку! – Донесся до нее далекий голос Джанулории.

– Я не могу! – крикнула она, захлебываясь бившей в лицо водой.

– Хватайтесь! – офицер тянул ей руку, и девушка, переборов страх, схватила ее, начала с трудом карабкаться. Но вода оказалась сильнее. Новый бешеный поток вырвал ее руку из ладони Энод-арона и понес вниз, не давая шанса на спасение.

Марион, державшийся из последних сил, видел, как унесло империту и, ни секунды не думая, разжал пальцы. Это моментально сработало, выработанный годами службы в КС, и уже ввевшийся в плоть и кровь, инстинкт спасения. К тому же он взял ответственность за девушку на себя, и теперь был в ответе за ее жизнь.

Дели задыхалась. Ее больно протащило по острым камням, но это были пустяки по сравнению с тем ужасом, который она испытывала, отчаянно барахтаясь в бурлящем потоке, несущем ее неизвестно куда в этом мрачном царстве сумрака и хаоса ливня. Казалось, что весь мир превратился в сплошной бесконечный океан – пенящийся, крутящийся, сумасшедший. А наверху все те же тяжелые фиолетово-черные невозможные тучи, словно извещающие о конце этого мира. А может это и был конец Камарлена – бесславный и ужасный.

Сколько ее швыряло, как щепку в шторм? Час? День? Или тысячу лет?

Вконец обессиленная, империта вцепилась в худосочное деревце, котороегнулось и пригибалось под силой ливня, чудом держась за землю. Вода продолжала хлестать мощным ревущим занавесом и, казалось, это будет длиться вечно. Дели плакала – горько и безнадежно, и ее слезы тут же смывались безжалостным потоком, лишая возможности даже порыдать от души.

Пришла ночь. Сгустившийся крошечный мрак, вдвойне крошечный из-за плотного покрова туч, закрывших и луну, и звезды, давил на глаза почти физически. Это было невыносимо – стоять неизвестно где, посреди безумства воды, в абсолютной темноте, все равно, что с завязанными глазами, в полном одиночестве, оглушенной беспрестанным шумом, с ноющими ссадинами и пустым желудком, на чужой планете, находящейся черт знает в какой дали от дома, умирая от ужаса. Вдобавок ко всему вспомнились марганы, и империта, почти теряя сознание, желала, если уж и умереть, то побыстрее, чтобы не мучить так зверски свое чуть живое сердечко. Это был предел страха, от которого либо умирают, либо, поборов его, становятся сильнее. Девушка была уже близка к первому, даже обнажила меч, но тут что-то переменялось. Также буйствовал ливень, та же тьма колола глаза, и ссадины ныли сильнее, но сердце ее начало биться ровнее и спокойнее. Вдруг разгорелась уверенность, что этот дождь не вечен, что тучи уйдут, снова засияет солнце и все будет хорошо. И стало отчего-то легче. Дели даже тихо засмеялась и подумала: «Без боя я не сдамся!». Она победила страх.

Ночь была бесконечно долгой, но она все же уходила. И вместе с ней прекратился и ливень, так же внезапно, как и начался. Крошечная мгла сменилась серым сумраком. Вода обьяла землю сплошным мутным покрывалом, но кое-где на возвышенностях проглядывала раскисшая почва. Несколько деревьев печально согнулись под тяжестью своих насквозь мокрых листьев. Горы Ялтхари, к несказанной радости Дели, находились недалеко. Не теряя времени, она пустилась в путь. Лодыжка распухла и болела, но девушка, пересилив боль, хромала дальше, сжимая в руке меч. Идти было трудно. Вода порой доходила выше колен, а по раскисшей земле скользили ноги. Несколько раз попадались трупы каких-то небольших зверушек, не переживших Большую Воду, а однажды встретился мертвый марган, но империта поспешила обойти его, надеясь, что и все остальные чудища кончили так же.

Нога безобразно болела, и она вынуждена была остановиться.

– Сама виновата, – корила Дели себя вслух, снова хромая к горам. – Кто тебя просил лететь сюда? А раз заварила такую кашу, то теперь расхлебывай ее и не ной.

Кое-как доковыляв до подножия, блаженно села на большой камень, вытянув ноющие ноги, думая, где ей искать офицеров. Лазать по горам с больной лодыжкой было невозможно, но и ходить по воде – тоже не просто, но Дели выбрала последнее. Но уже после нескольких фионов мучительного пути, она бессильно опустилась на землю.

«Такими темпами я буду ползать здесь миллион лет!» – злясь на себя, думала она, осознавая всю свою беспомощность. Но врожденное упрямство взяло вверх над немощью, и империта снова поднялась. Теперь меч служил ей опорой. Вскоре до ее слуха донесся то ли слабый стон, то ли приглушенный вздох, похожий на тихое дуновение ветра. Но ветра не было. Дели остановилась, как вкопанная, напрягая слух и озираясь вокруг, но тишина ничем больше не нарушалась. Девушка двинулась в сторону, откуда, как ей показалось, шел звук. Любопытство, смешанное с тревогой, переполняли ее, заставляли двигаться быстрее. Империту ждали немалое удивление и радость. На небольшом пригорке, мокром и склизком, она увидела трайда Мариона.

– Трайд! – позвала она, всматриваясь в его бледное, как мел лицо. – Очнитесь!

Тот с трудом приподнял веки, обнажая затуманенные глаза, чуть дрогнули губы.

– Не слабый дождь, не правда ли, империта? – тихо пошутил он.

– Да, дождик был, что надо, – легко согласилась та, радуясь обществу хоть и несносного трайда. – Вы целы? Вид у вас не лучший для офицера, честно говоря.

– Немного потрепало, покрутило, но все закончилось вполне терпимо, – Марион, собравшись с силами, медленно поднялся, но не сдержал стоны, прикусил до боли губу. Дели быстро взглянула на него, спросила:

– Вы уверены, что сможете идти?

Тот лишь молча кивнул в ответ.

– Давайте, я помогу вам, а то мне сдается, что вы вот-вот упадете, – империта протянула ему руку.

– Да вы сами еле идете, – отказался офицер, посмотрев на ее ногу.

– Ну, как хотите, – И Дели заковыляла вперед.

Добравшись до гор, Марион в изнеможении прислонился к камням. Идти больше не было сил. Сердце бешено колотилось, готовое выскочить из груди, кровь гудела в висках горячим водопадом, и острая боль заполняла все его существо.

– Мне нужно отдохнуть, империта, – проклиная свою слабость, прошептал он, – совсем немного.

Но привал затянулся надолго: трайд впал в забытие. Лицо его горело: начался жар. Выступили пятна крови, что очень напугало девушку. Она не знала, что делать и сидела рядом, беспокойно поглядывая на офицера. Наконец, сообразив, оторвала от лохмотьев своей одежды длинные полосы, намочила одну в воде, положила на горячий лоб Мариона. Потом осторожно расстегнула его мокрую куртку, увидела сочащиеся кровью, открывшиеся раны на боку, и, как могла, туго перевязала их. Несколько часов она провела в томительном ожидании, глядя на тоскливо-пасмурное небо, мечтая о солнышке и сытной еде, но тучи не собирались уходить, а пустой желудок пел свою заунывную голодную песню. Незаметно девушка заснула, измученная долгим бездействием. Из объятий сна ее вырвал подозрительный плеск. Моментально проснувшись, она дико заорала: в нескольких шагах от них, хищно пригнувшись, стояли четверо марганов, кровожадно приоткрыв зубастые пасти.

«Это конец, – мелькнула ужасная мысль. – Я одна, совсем одна, и трайд не поможет. Нас разорвут на мелкие кусочки!».

Но безумное решение пришло внезапно, как озарение, и рука ее нащупала рукоять андора. Вспыхнула зеленая молния энергохлыста – яркая, словно разрезающая гнетущий сумрак своим нереальным светом.

Марион очнулся от сильного чувства тревоги и опасности. Открыв глаза, не поверил в то, что видит, даже несколько раз моргнул, думая, что это ему мерещится. Четверо марганов бросались на империту с неистовой яростью по-настоящему голодных существ, а сама девушка стояла в этом смертоносном кольце, непривычно величественная и прекрасная, с разметавшейся волной длинных волос. Андор в ее маленькой руке извивался, как змея, взмывая ввысь

ослепительным лучом, чертя в грозовом небе изумрудные дуги, обрушивался на рычащих тварей, впиваясь в ненавистную плоть, обвивая смертельными кольцами, и быстрой молнией летел в небо, чтобы снова захлестнуть врагов своей неудержимой яростью.

Осталось двое марганов. Они боялись яркой змеи, что кусалась и жгла так страшно, но голод не давал им отступать, заставляя насаждать на жертву с удвоенной злобой.

Марион потянулся к бластеру, чуть приподнялся, прицеливаясь, и выстрелил – марган упал замертво. Четвертый рухнул, сраженный хлыстом андора.

Дели не верила, что в одиночку расправилась с чудовищами и теперь, с широко раскрытыми глазами смотрела на их бездыханные тела.

– Судя по всему, теперь вы спасаете мне жизнь, империта.

Она обернулась: офицер ободряюще улыбался ей.

– Я чуть не умерла от страха, – призналась Дели, унимая дрожь в руках.

– Вы были великолепны.

Краска залила ее лицо, но она и в самом деле ощущала себя настоящей героиней и была счастлива.

Трайд посерьезнел.

– Нужно поскорее убраться отсюда до наступления ночи. Я чувствую себя уже лучше, – он взглянул на повязки на теле, добавил: – Должно быть, благодаря вашей заботе. Видите, с моего языка могут соскакивать не только гадости.

– Вы такой добренький просто потому, что больны, – махнула рукой девушка. – А, как только выздоровеете, так снова начнете обливаться моими гадостями.

– Что ж, посмотрим, – усмехнулся Марион.

И снова они лезли в горы, как маленькие настойчивые пауки, которых, сколько ни сбрасывай, а они все равно будут карабкаться на понравившийся предмет. А Ялтхари смеялись над ними со своей высоты, как великан над лилипутами, щекочущими его крошечными пальчиками.

Часто останавливаясь, чтобы перевести дух и утомить растревоженную боль, ползли, как черепахи, помогая друг другу.

– Пещера! – радостно воскликнула Дели, указывая куда-то в сторону. И в самом деле, недалеко чернело большое око гор, окруженное острыми пиками камней.

– Слава космосу! – выдохнула империта, когда они, наконец, ввалились в широкий проем.

Отойдя подальше от входа, с наслаждением привалились к прохладным шероховатым стенам. Долго молчали, слишком усталые для разговоров. Рассеянный тусклый свет, идущий снаружи, слабо обозначал своды пещеры, ведущие куда-то вглубь гор, но там царил мрак, и глазу было нечего рассматривать.

– Вы уверены, что в этой пещере нет марганов, трайд? – беспокойно вглядываясь в темноту, спросила девушка.

– Я ни в чем не уверен, империта, – отозвался тот. – Может, есть, а, может, нет. Но, во всяком случае, здесь лучше, чем снаружи. – Марион бросил немного рассеянный от усталости взгляд в мрачное нутро их убежища, словно в надежде что-то или кого-то разглядеть, всматривался несколько секунд, потом перевел взор на свою руку, охваченную браслетом данкара. Из груди его вырвался вздох, полный досады и глубокого разочарования. – Разбит, черт бы его побрал, – сокрушенно пробормотал он.

– Что? – отозвалась девушка, знобко поеживаясь от окружающей их тишины и неизвестности.

– Мой данкар вышел из строя, – повторил офицер. – Должно быть, не выдержал натиска Большой Воды или приложился к какому-нибудь камню, пока я барахтался в потоке. И случилось это, как всегда, очень не вовремя.

– Может, можно его починить? – с надеждой спросила Дели. – Это ведь боевой данкар, а не какая-то тренировочная пустышка, которая ломается от одного прикосновения.

– Даже боевые данкары не вечны, империта, – заметил Марион, но, все же, сняв браслет с запястья, принялся сосредоточенно колдовать над ним в надежде «починить», как выразилась его спутница.

Стремительно темнело, и вместе с темнотой подступал и сгущался страх. И уже, когда Дели с трудом различала бледное лицо трайда, хотя он сидел всего в паре шагов от нее, и темнота вокруг становилась почти осязаемой, рисуя в ее воображении подкрадывающихся марганов и еще более жутких монстров, вдруг зажегся неяркий желтоватый свет, разогнавший мрак и вместе с ним – страх.

– Вы его починили! – радостно воскликнула Дели, едва не захлопав в ладоши. – Я же говорила, что боевые данкары так просто не ломаются!

Марион вновь надел браслет на руку.

– Удалось восстановить лишь световую функцию, да и то всего на треть. А что касается остального, включая связь и оружие, то придется нам как-то обходиться без него: на скорую руку и без необходимого оборудования восстановить данкар в полном объеме невозможно.

– Но ведь у вас есть бластер, а у меня – андор, значит не все так плохо, – не стала унывать девушка. – И к тому же у нас есть свет, а друзей, я думаю, мы обязательно найдем.

Офицер одобрительно посмотрел на нее, причем взгляд его был таким, словно он узнал в империте нечто новое, скрытое раньше, но не стал ничего говорить вслух.

Следующие несколько минут сидели молча, оглядывая настороженными глазами пещеру в свете данкара и, думая каждый о своем. Дели думала о нестерпимо ноющей ноге, что не давала покоя. Нет, она не ныла, она ужасно, просто кошмарно болела после долгой, трудной ходьбы по камням. Посмотреть же на покалеченную конечность было боязно. Наконец, решившись, завернула штанину некогда брюк. Нога распухла почти в два раза и напоминала теперь вовсе не ногу юной девушки, а скорее какой-то уродливый толстый хобот неизвестного животного противного розовато-красного цвета.

– Сильно болит? – спросил Марион.

– Да, очень, – не стала она скрывать и корчить железную волю. – Наверное, не скоро пройдет?

– Позвольте взглянуть? – трайд подсел поближе, внимательно осмотрел ее лодыжку, сказал: – Вывих. Все бы ничего, но вы слишком долго ходили на больной ноге. Тут теперь нужна регенерационная камера. Но попробую облегчить боль, – с этими словами он вдруг взял ее ногу, положил себе на колено и принялся осторожно массировать.

Дели вздрогнула от прикосновения его рук и уже хотела остановить, ведь это было сверхнаглостью, сверхдерзостью – лапать ее, империту! Узнай об этом на Деллафии, и трайду было бы не миновать распыления. Но его ладони оказались на удивление нежными, ласковыми и бережными, что девушка, к своему страшному стыду, призналась себе, что это ей нравится. А чуткие пальцы продолжали растирать, поглаживать, снимая острую боль, успокаивая ее, словно трайд был заправским лекарем.

Вдруг Марион отнял руки и поднял на нее глаза – темные, почти черные в неярком свете – и в этих глазах сейчас не было ни обычного холода, ни жесткости, ни раздражения, в них появилось нечто другое: усталость, напряжение, страх, боль и что-то еще – трогательное и беззащитное. Дели увидела бледное, осунувшееся, измученное, но все равно такое красивое лицо трайда, но это был другой трайд – полный непонятной печали, чувствительный и очень уязвимый.

– Простите, империта, – сказал он, опуская глаза. – Похоже, распыление я уже заслужил. Дели убрала ногу с его колена, произнесла:

– Я никому не скажу об этом, обещаю. Ведь вы же поступали без злого умысла. И спасибо, боль, действительно, утихла.

Тот взглянул на нее, но ничего не сказал.

– Трайд, скажите, что означают ваши имена, которыми ихлаки называют вас? – спросила она после длительного молчания.

Офицер сидел, закрыв глаза, и, казалось, спал, но он ответил, не открывая глаз:

– Их дали нам давно в луйхаре Юл-Кана, и они крепко прилипли к нам. Имбис – это Тасури – означает по-камарленски «покой, тишина». Дентр – это Джанулория – «сила», а Эрадорх – это я, – значит, «стихия». Не знаю, почему они назвали нас именно так. Наверное, ихлаки видят нас такими. У них другой взгляд на вещи, более простой и естественный.

– А что означает «шалкай»?

Марион тихо улыбнулся.

– Шалкай – это очень редкий цветок Камарлена. Я видел его лишь однажды очень давно. Он невероятно красивый, хотя почти незаметен в траве, – такой он маленький. Его лепестки цвета ваших глаз. Ихлаки думают, что шалкай приносит удачу, если увидишь его.

– И у вас была удача, когда вы увидели его? – заинтересовалась Дели.

– Была.

– Какая же, если не секрет?

– В этот день Юл-Кан спас мне жизнь.

– Не может быть! Расскажите, пожалуйста!

– Не сейчас, империта, в другой раз.

– Другого раза может и не представится.

– То есть? – удивился Марион.

– А то и есть, что, возможно, сегодня нас уже сожрут марганы, а вы говорите, в другой раз.

По лицу трайда пробежала тень тяжелых воспоминаний. Ясно, словно это было вчера, перед глазами мелькнул Нхасс, полчища марганов, кровавая резня, смерть, боль, граничащая с сумасшествием, и бесконечный, как сама Вселенная, слепой, нечеловеческий ужас. Тот ужас и та боль до сих пор жили где-то в уголке его сердца, словно засевший навечно осколок.

– Неужели в вашу прелестную головку приходят такие мрачные мысли? – спросил он, прогоняя наваждение.

– Да, приходят. А я поражаюсь вашему спокойствию, даже равнодушию. Нас преследуют несчастье за несчастьем, мы едва не утонули в этом проклятом ливне, нас окружают злобные твари, мечтающие нас сожрать, а вы горите лишь одним желанием – найти кого-то в этих горах, а все остальное вас, словно, не волнует!

– По-вашему, я должен кататься по земле с горестными воплями «мы все погибнем» и рвать на себе волосы? Сожалею, но на это у меня нет ни сил, ни желания.

– Кататься по земле и рвать волосы вовсе незачем, трайд. Нужно действовать!

– Разве мы не действуем?

– Нет, мы ничего не делаем! Мы только носимся по всему Камарлену, убегая, догоняем, а результата – ноль! Перед нами горы Ялтхари, но как мы найдем в этих громадинах кого-то? Как? Ведь невозможно облазить их и за сто лет! А, если здесь вообще никого нет, тогда что? – наступала Дели.

Трайд думал о том же. Как они найдут пиратов в этих необъятных горах, если даже потеряли друг друга? И живы ли остальные? Продержатся ли они хотя бы до завтрашнего дня? Скоро ли будет подмога или им так и придется самим противостоять неведомому врагу, даже, не зная ни его численности, ни его планов, не зная даже точно здесь ли он?

– Я не знаю, империта, что тогда, – вздохнул Марион, чувствуя на своих плечах непосильный груз.

– Как так? – изумилась девушка. – У вас даже нет никаких планов? Вы поступили просто подло, втянув доверяющих вам людей в это безнадежное предприятие! Вы не имели на это никакого права!

– Джанулория и Тасури такие же офицеры, как и я. Они прекрасно осознавали, на что идут. Мы выполняем нашу работу, – устало отвечал тот на выпады империты.

– Я говорю не о них, а о бедном ихлаке и о себе!

– Юл-Кана ничто не остановит, если дело касается камней, а вы... Разве не вы упростили меня взять вас в это безнадежное предприятие?

– Да, но вы не говорили, что оно настолько безнадежное!

– Насколько же оно безнадежное, по вашему мнению?

– Да уж, пожалуй, безнадежней не бывает. Как ни крути, а живыми выбраться отсюда нам не грозит. Либо умрем от голода, либо в лапах марганов, либо, блуждая бесконечно в горах.

– А, если бы вы знали, что вас ожидает, неужели вы бы остались в луйхаре Мира-Лора? Думаю, нет. Не так ли, империта?

– Все равно это подло, – упрямо повторила Дели, обидевшись. – Вы – трайд, и у вас должен быть хоть какой-нибудь план! Вы в ответе за всех нас!

Она даже не подозревала, как сильно была офицера своими словами. Марион прикрыл глаза, молча проглотив все пощечины.

Служба в КС была далеко нелегким делом: полная стрессов, неожиданностей, большей частью неприятных, требующих немедленного разрешения и нешуточных опасностей. Офицеры работали на износ: высаживаясь на какой-нибудь неизвестной планете, всякий раз подвергались близкому дыханию смерти. А еще контроль космоса, дальняя и ближняя разведка, нередкие стычки с пиратами и мародерами, предотвращение планетных катастроф и ликвидация их последствий, спасение живых существ и многое другое, – все это ложилось на их плечи и требовало максимальной собранности и отдачи физических и моральных сил. Они настолько привыкли к такому жесткому ритму работы, в котором не оставалось места на себя, настолько свыкались с мыслью в любой момент быть готовым к принятию опасности и смерти, что это становилось нормой. Но, тем не менее, работа в КС была для Мариона смыслом жизни, он был одержим ею. И, несмотря на почти бесчисленные ранения, многие из которых заставляли его висеть на волоске от смерти, на все трудности, он продолжал лезть в самое пекло, не щадя себя. Почему? Потому что он был трайдом, и это обязывало его быть смелее, бесстрашнее, быстрее, безумнее и мудрее других. От него ждали многого, на него надеялись и верили в его неуязвимость, гениальность, и он не мог не оправдать этих надежд, не имел права. Но сколько раз Марион слышал эти слова: «Вы – трайд, вы в ответе за них!» И вот теперь и империта обвиняет его в подлости. Если бы они знали, что эти слова огнем жгли офицера, не давая покоя ни днем, ни ночью. Они заставляли его бросаться, сломя голову, в омут опасности, принимать на себя самые жестокие удары, упорно идти, когда уже нет сил, сохранять надежду в самых безвыходных, отчаянных, бесплановых ситуациях, то не говорили бы так опрометчиво, потому что трайд всегда ощущал груз ответственности.

Нередко за свою поистине титаническую работу он получал выговоры, жалобы, обвинения, требования, угрозы, обидные незаслуженные слова, и всякий раз они больно проникали в самую душу, выпадая горьким осадком.

И сейчас эти хлесткие пощечины девушки отзывались глухой болью в сердце трайда.

Дели обиженно молчала, негодуя поглядывая на Мариона, но тот сидел неподвижно, как статую, откинув голову к стене.

– Почему вы не спите, империта? – наконец, тихо спросил он, открывая глаза. – Уже поздно.

– А вы?

– А я буду охранять ваш сон.

– Очень любезно, – буркнула та. – Но я могу сама о себе позаботиться.

Она легла на жесткий пол, положив рядом с собой андор и, немного покрутившись, погрузилась в дремоту.

Марион не спал всю ночь. Чутко вслушиваясь в тишину, думал, что делать дальше. Нужно было искать Тасури, Джанулорию и Юл-Кана. Он знал, что пещеры Ялтхари сообщаются между собой, и можно было переходить из одной в другую по туннелям. Двигаться им нужно было на юго-запад, как заметил Марион, и, возможно, они встретятся с ними. Но как же пираты? Или пуститься на их поиски, предоставив офицеров и их лака самим себе? Что важнее – жизнь друзей или безопасность Камарлена? Над этими вопросами трайд мучительно ломал голову, пока его мозг не запротестовал против такого насилия.

Тяжело вздохнув, посмотрел на империту. Густые волосы укрывали ее шелковистой волной, ладони снова сложены под щекой, лицо спокойное и безмятежное, как у ребенка, ресницы, как длинные крылья, чуть трепещут, губы слегка улыбаются во сне.

Но вот сон изменился. По лицу девушки пробежала тень, она нахмурилась, напряглась, забормотала что-то, из чего Марион разобрал только два слова – «древнейшие времена», потом вдруг вскрикнув, она проснулась, широко раскрыв глаза, в которых плескался страх.

– О Деллафия, я вспомнила! – воскликнула Дели. – Трайд, я вспомнила!

Марион взглянул в ее глаза, спросил:

– Что вспомнили?

– Те огненные слова, что говорил мне Звездный Призрак!

– Огненные слова? – не понимал ее офицер.

– Да! Когда он напал на «Эндор», у меня в мозгу появились огненные слова, но я их забыла, а теперь я увидела их во сне и вспомнила!

– Какие же это слова, империта? – мягко поинтересовался тот.

– Они страшные, меня до сих пор в дрожь бросает от них. Вы хотите их услышать?

– Да.

И Дели негромко заговорила:

Ты одна из тех,
Что должны спасти
Бесконечное число галактик,
Созданных в Древнейшие Времена,
Поэтому ты должна умереть сейчас,
Пока остаешься в неведении.
Ты сильна, но еще не знаешь об этом.
Когда начнется хаос,
Для меня будет много пищи.
Но ты несешь свет,
А свет противен мне.
С твоей смертью не будет всех.
И хаос будет не остановить!
Воцарится смерть, смерть, смерть! –

Последние слова она произнесла совсем тихо, будто боясь, что их может услышать кто-то посторонний.

– Вы уверены, что были именно такие слова? – после некоторого молчания спросил Марион, нахмурившись.

– Да, но я не понимаю их смысла.

– Я тоже не понимаю, но они полны чего-то зловещего, пророческого, и это тем более все запутывает. Наверняка Джанулория сказал бы что-нибудь стоящее. Я же не силен в отгадывании загадок.

– Почему он говорил эти страшные вещи именно мне?

Марион видел, что империта боится, и ему стало жаль ее.

– Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, давайте помучаем себя ходьбой, – предложил он. – Все равно мы больше не заснем, да и скоро рассвет.

Шли вглубь пещеры. Идти было гораздо легче. Лодыжка болела не так сильно. Трайда, похоже, тоже отпустило: шаг его стал более уверенным и твердым. Темный туннель уводил их все дальше и дальше. Тонкий луч фонаря выхватывал сухие шершавые стены, высокие неровные своды, пыльный, но ровный пол. Они прошли довольно много, когда впереди вдруг показалось неясное белое свечение, словно откуда-то проникал солнечный свет. Дели забеспокоилась, но трайд, напротив, ускорил шаг.

– Что это? – спросила девушка, с тревогой вглядываясь в бледное сияние. – Очередная напасть?

– Нет, этого как раз не нужно бояться, – заверил ее тот.

Неожиданно туннель кончился, и они оказались в просторном каменном зале, увенчанном большими островерхими камнями. А перед ними раскинулся кристальный лес, который переливался нежным белым светом, заполняя своды пещеры ненавязчивыми, волнующими, загадочными сполохами и бликами. Это были священные алиمانы. Их мягкое сияние, играя на стенах, рисовало таинственные изображения, в которых можно было увидеть цветущее дерево, бутон цветка, бегущее животное и множество других, не менее красивых вещей.

Они не могли оторвать глаз от этого восхитительного, поистине прекрасного зрелища. Казалось, что время вдруг остановилось, исчез весь мир, вся Вселенная сосредоточилась на этих необыкновенных кристаллах и их тихом задумчивом сиянии. Они словно были живыми, словно пытались что-то сказать им, показать через причудливые рисунки, словно уносили в другой мир – непонятный и мистический – и ждали, ждали...

Марион моргнул, возвращаясь в реальность, посмотрел на девушку, но она целиком погрузилась в созерцание алиманов, и офицер ее понимал. Он сам находился в их власти несколько часов, увидев впервые.

– Империта! – позвал он.

– Да? – очнулась Дели, растерянно хлопая глазами. – Как странно, я словно путешествовала по каким-то незнакомым таинственным мирам. Это все они?

– Да, в алиманах есть какая-то необъяснимая сила. Говорят, они могут лечить, – Марион присел возле гроздьев кристаллов, вздохнул: – Жаль только, что я не знаю, что нужно для этого делать. Юл-Кан никогда не говорил об этом.

А Дели все любовалась алиманами. Это было самое прекрасное из всего, что она когда-либо видела в своей жизни. Молочно-белые, искрящиеся гранями, они зачаровывали, притягивали, околдовывали.

– Как вы можете сидеть, когда вокруг вас такая красота? – Удивилась девушка.

Не удержавшись, она осторожно дотронулась ладонью до одного кристалла. Кожа ощутила еле уловимое тепло и слабую, почти незаметную пульсацию, исходящую, словно изнутри камня. Страх не было, но ее вдруг наполнило смутное необъяснимое, будто покрытое толстым слоем тумана, чувство тревоги и настороженности. Удивительное ощущение проникало сквозь кончики пальцев, как тихо бегущий поток ручья, не причиняя боли, разливалось по венам и заполняло все тело, пока не влилось в мозг мягким сияющим фонтаном. В сознании неожиданно ярко вспыхнула странная картина.

Она увидела кусочек Камарлена. Большое поле, поросшее густой красно-бардовой травой, в которой, словно озорные глазки, проглядывали маленькие фиолетово-сиреневые цветы

– не приметные, но необычайно красивые. Недалеко возвышался шатер леса с огромными стройными колоннами огненных деревьев. Пробежал какой-то вспугнутый сильный зверь. Все дышало спокойствием, величием и простотой.

Теперь перед глазами стояла другая картина.

Земля, покрытая толстой пеленой пепла, и мертвая сухая трава. В небе клубы дыма, – удушающие, ядовитые. Деревья, задыхающиеся в смоге, умирающие. Бледное, словно больное, солнце, пытающееся пробиться сквозь толщу черных облаков.

Это было давно, но это было. Тогда смерть отвели Другие, и планета вновь ожила. Неважно, кто они – Другие – и откуда пришли, важно, что опасность ушла.

Но теперь, после стольких лет обновляющего сна, вновь пришла смерть, которая грозила не только планете, но и им. И они уже пробуждаются и скоро сила их будет велика. И тогда...

Дели в страхе отдернула руку, напуганная и ошарашенная произошедшим, увидела Мариона, что стоял рядом и странно смотрел на нее.

– Вы что-то почувствовали, империта?

Она покосилась на кристаллы, но те по-прежнему загадочно искрились белым сиянием.

– Я видела Камарлен и что-то еще, – неуверенно произнесла она, сомневаясь, не было ли все это галлюцинацией, наваждением. – Да, и что-то еще. Пожалуйста, только не спрашивайте ни о чем, потому что я и сама ничего не понимаю. Эти кристаллы, как живые.

Марион знал, что алиمانы обладают тайной неведомой силой, но никогда не слышал, чтобы они входили в контакт с кем-либо.

– Давайте уйдем отсюда, трайд, – попросила империта, с недоверием и почти страхом глядя на кристальный лес.

Тот кивнул, и они нырнули в другой туннель, ведущий в еще более глубокое нутро гор Ялтхари. Дели с удивлением обнаружила, что лодыжка ее перестала болеть, а опухоль совсем спала. Марион тоже заметил, что раны его странно затихли, успокоились.

– Значит, правду говорят про лечебную силу камней, – не уставал повторять он. – Бывают же чудеса на свете!

Дели же, напротив, была молчалива и задумчива. О чем говорили камни? Какую силу они таят и копят в себе? Неужели они чувствуют марганов, чувствуют опасность и смерть? К чему они готовятся? И что будет после их «тогда...»?

Покалывание в пустом желудке вернуло ее к насущным проблемам. Никогда раньше она не голодала. К тому же очень хотелось пить.

– Сейчас бы хоть кусочек мильдана!¹⁷ – мечтательно протянула Дели.

Трайда уже давно мучил этот вопрос. Так ведь они и в самом деле умрут от голода.

Еще просто удивительно, что империта довольно-таки бодр. Он-то может и протянет без еды несколько дней, – приходилось голодать и неделями, – но вот девушка?

Смыслями о еде, прошли несколько рондов, миновав дважды большие залы с алиманами. Стояла пронзительная тишина, нарушаемая лишь эхом их шагов. Пещеры были однообразны и скучны, глаза всюду натывались на унылые стены. Марганов, к счастью, не было.

Внезапно Марион остановился, прислушиваясь.

– Слышите, империта? – спросил он.

– Что там? – напряглась Дели.

– Шумит вода.

Действительно, где-то совсем недалеко раздавался чарующий голос падающей воды. Вскоре их глазам предстал маленький водопадик, стекающий откуда-то сверху, видимо то были отголоски Большой Воды, оказавшиеся очень кстати. В лицо ударили прохладные брызги, а

¹⁷ Мильдан – деллафийский хлеб с пряностями (деллаф.)

под ногами куда-то в темноту убежал быстрый ручеек. Пили долго и жадно. После немного отдохнули.

– Трайд, когда мы вернемся на Деллафию, что вы сделаете в первую очередь? – неожиданно спросила девушка.

– Что сделаю? – растерялся тот. – Даже не знаю.

– А я знаю. Первым делом я посмотрю в зеркало на свое отражение.

Марион засмеялся, а Дели продолжила:

– Потом я помоюсь и причешусь. А потом наемся до отвала и буду спать.

– Кто бы мог подумать, что когда-нибудь мы будем мечтать о таких простых вещах! – произнес офицер.

– Думаете, на Деллафии переживают за нас?

– Надеюсь.

– Я тоже, – вздохнула девушка, вовсе не уверенная, что кто-то волнуется за нее на родной планете, учитывая, на каких тонах они расстались с Императором.

У них никогда не было взаимопонимания, лишь постоянные ссоры, стычки, обиды. Вспыльчивый, требовательный, жесткий, черствый, вечно занятый какими-то неотложными сверхважными делами, он полностью переложил ее воспитание на плечи многочисленных наставников, учителей, репетиторов и нянек. Изредка появлялся сам, но не для того, чтобы поинтересоваться ее делами, самочувствием или просто побаловать дочь своим вниманием, а чтобы устроить ей экзамен, проверяя, хорошо ли идет воспитание и обучение. И обычно эти экзамены кончались шумным скандалом и слезами, потому что Дели упорно не желала поддаваться занудным воспитателям, часто сбегая от них. В сердцах она кричала, что Император – бесчувственный тиран, плюющий на дочь с высокой колокольни, за что не раз сидела под арестом.

Он мечтал сделать из нее настоящую Императрицу – достойную себе замену, заставляя ее сидеть, как Императрица, ходить, как Императрица, говорить, как Императрица. А она противилась этому. Ее не прельщала перспектива погрязнуть навсегда в болоте тоски под названием «правление» и навеки забыть о себе, о своих желаниях, мечтах, свободе, в конце концов, потому что на себя времени не остается. Это пугало ее больше всего. А Император не желал ничего слышать и понимать и бесился от бестолковости и глупого упрямства своей дочери. Все чаще вспыхивали ссоры, разжигающие еще больше ее ненависть к Трону. Она мечтала о свободной жизни, полной приключений. А Император называл ее позором своей семьи, рода и Деллафии в целом, грозился отречься от нее и оставить голодранкой, отдать в жены космическому пирату, отправить на дикую планету и оставить там, заточить ее в самое глубокое под-земелье на несколько лет для приобретения ума и послушания.

А ее мать – Императрица Дельфина – была тихой, спокойной, миролюбивой и побаивалась своего мужа, не говоря ему ни слова наперекор. Она была несчастлива в этом браке, так как вышла за Фиделя не по своей воле, а по воле своего покойного отца. Но, тем не менее, Императрица любила Филадельфию, всякий раз успокаивая, когда та прибегала к ней, залитая слезами от очередной перепалки с отцом, печально смотрела на дочь и говорила:

– Филадельфия, ссорами ничего не добьешься. Не мучай себя. От судьбы все равно не уйдешь, сколько ни противься. Короли не бывают счастливыми и свободными.

Но тем самым только усиливала желание империты противиться своей судьбе. Как она ненавидела эти слова! И, убегая в свои покои, горько рыдала от осознания своего бессилия против ненавистного Трона.

И, в конце концов, она улетела на Камарлен и вляпалась в мерзейшую историю.

– Вы были когда-нибудь на празднике Цветов? – снова спросила она.

– Нет, ни разу.

– Как? Совсем-совсем никогда? – не поверила та.

– Никогда. Я не люблю шумных скоплений народа, а на праздниках всегда много шума и много народа.

– Но зато там весело. Когда вернемся, вам надо обязательно прийти на праздник Цветов. Он слегка улыбнулся ее словам, но промолчал.

Вдруг Дели засмеялась. Офицер удивленно взглянул на нее.

– Представляете, трайд, если мы застрянем на этой планете? – сказала она, смеясь. – Мы организуем новое племя, и будем называться рахимы – Звездные люди. Построим свой луйхар и будем жить, как заправские ихлаки, охотиться, драться мечами и арбалетами, заведем себе лонгов и будем целыми днями скакать на харубах. Вам нравится такая идея, трайд?

– Нет, совсем не нравится, – засмеялся тот. – Хотя я и люблю Камарлен, но, думаю, что не готов поселиться здесь навсегда.

– Вообще-то меня тоже не прельщает подобная перспектива.

– Империта, вам не кажется, что мы с вами начали делать первые шаги к взаимопониманию? – вдруг спросил Марион.

– Да, странно, – удивилась Дели. – Мы идем уже почти целый день и ни разу не поругались.

– Говорят, беда сближает людей. Наверное, это правда.

– Не обольщайтесь, трайд, – в ее глазах мелькнул озорной огонек. – Это временное перемирие, и оно ни на что не влияет.

– А вам, видимо, нравится ссориться со мной, империта?

– А вы разве не знаете, что хорошая ссора, как глоток воды дает силы?

– В первый раз слышу. Лично у меня от ссор лишь падает настроение и никаких сил от них не прибавляется.

– Потому что вы без души ссоритесь.

– Ах, так еще и с душой надо ссориться?

– Конечно! Вот, например, обзовите меня как-нибудь.

– Как обозвать? – удивился Марион.

– Ну, хоть как, вы что обидных слов не знаете?

– Не буду я вас никак обзывать.

– Не притворяйтесь невинной овечкой, трайд! – усмехнулась девушка. – Помнится, не так давно вы называли меня капризной девчонкой, а сейчас вдруг позабыли? О, я знаю, вы умеете оскорблять и орать!

– Но ведь это было вызвано под вашим немалым давлением, империта, – возразил тот. – Конечно, бывало, я срывался, может даже где-то перегибал палку, но и вы как-то называли меня бесчувственным чурбаном, наглецом с гадливым языком, безалаберным офицером. Согласитесь, ваш список обидных слов гораздо длиннее и оскорбительнее.

– Что? – округлила глаза Дели. – Вы утверждаете, что я незаслуженно оскорбляла вас? Да вы так по-хамски вели себя, что мне не оставалось ничего другого, как защищаться от ваших отвратительных нападок! И вообще вы знаете, что никто ни под каким предлогом не смеет меня оскорблять?

– Уж простите, империта, но я так устроен, что не могу молча проглотить незаслуженные оскорбления, даже ваши.

– Незаслуженные? – со смешком переспросила девушка. – Могу вас уверить, что вы их вполне заслужили, трайд. Я никогда не оскорбляю человека просто так, без повода.

– Разве? – усмехнулся в свою очередь Марион. – Мне думается, что такая неуравновешенная особа, как вы, очень даже может оскорбить и без повода, просто так, по своей прихоти или из-за плохого настроения. Я это уже не раз замечал и испытывал на собственной шкуре.

Дели нахмурилась, помрачнела, вскинула голову, посмотрев на офицера.

– Вот как? Оказывается, я – неуравновешенная особа? Вот, значит, как вы думаете обо мне? И вы утверждаете, что я оскорбляю вас и других без повода, по прихоти? И что же еще вы думаете обо мне, трайд?

– Думаю, нам стоит прекратить этот разговор, грозящий перейти в очередную ссору, – спокойно ответил тот, но империта уже завелась.

– Не увиливайте от вопроса, трайд, – резко выпалила она. – Давайте, выкладывайте все, что у вас на уме на мой счет, не стесняйтесь. Ну? Я знаю, что вы думаете! Она просто глупая, самовлюбленная девчонка, выросшая в роскоши и заботе и не умеющая ни черта! Она только путается у всех под ногами, ноет, жалуется, строит из себя невесту что и думает, что все должны опекать ее, крутиться вокруг нее, ведь она ни больше, ни меньше – пуп вселенной! А еще вы думаете, чего этой пигалице не сиделось в своем Дворце, где у нее было все? Какого черта она притащилась на Камарлен, добавив новые хлопоты, ведь ее нужно защищать, оберегать, спасать, отвечать за нее, так как сама она – ноль без палочки, только вопли и крики! Согласитесь, ведь вы так думаете, трайд?

– Вы ошибаетесь, империта... – начал было Марион, но девушка его тут же перебила.

– Это так, трайд, да! Я прекрасно это вижу в ваших глазах, и даже не пытайтесь отрицать. Но я могу ответить вам тем же. Я думаю, что вы, трайд, просто хвастливый, самодовольный, бездарный, посредственный тип, мечтающий о звании Онсина Деллафии и днем, и ночью из-за своего тщеславия и нездоровых амбиций! Но вы никогда не добьетесь этого, потому что есть офицеры лучше и достойнее вас, которые имеют уважение, талант и умеют молча проглатывать обвинения!

Глаза офицера наполнились гневной синевой.

– Я не знаю, что на вас нашло, империта, и с чего вы взяли все это, но клянусь, если бы вы были мужчиной, вы дорого бы заплатили за свои слова.

– Вы бы убили меня? – криво усмехнулась Дели.

– Непременно.

Ее глаза расширились.

– Что я слышу? Вы заикнулись об убийстве? Вы – трайд Марион, офицер КС? Да вы просто монстр после этого, вы даже хуже маргана!

И тут Марион разозлился.

– Если вы империта, это не дает вам право безнаказанно расшвыриваться словами! Зачем вы выводите меня из себя? Чего вы хотите добиться? Чтобы я действительно наговорил вам кучу гадостей или, чтобы я хорошенько отхлестал вас за ваши глупые слова? Перестаньте трепать мне нервы своими выходками и пустозвонством! Раз вы империта, то и ведите себя, как империта, а не как сумасбродный маленький ребенок!

К его удивлению девушка громко захохотала.

– Наконец-то я добилась от вас того, чего хотела! – все еще смеясь, сказала она. – Вот теперь я вижу, что вы ругаетесь от души.

Марион растерянно хлопал ресницами, глядя на веселье девушки.

– Так вы нарочно? – дошло до него, наконец.

– А вы приняли все за чистую монету? Какой же вы наивный! Но согласитесь, было здорово, я даже есть расхотела.

– Вы просто сумасшедшая, честное слово, – буркнул Марион, злясь на империту за дурацкий розыгрыш и на себя, что не смог его разгадать.

Но Дели лишь снова залилась звонким смехом.

С великим трудом забравшись в пещеру, Тасури и Джанулория без сил рухнули. Снаружи неистовствовала стихия.

– Там Эрадорх и Шалкай! – в отчаянии Юл-Кан сделал порывистое движение к краю, словно собирался броситься в бушующие потоки вслед за трайдом и империтой.

– Стой, Юл-Кан! – властно остановил его голос т, ахьянца. – Не глупи, мы им сейчас ничем не сможем помочь.

– Они умрут там! – в огромных глазах ихлака плескалось страдание и ужас. – Я должен помочь!

– Чем? Утонуть вслед за ними? – Джанулория понимал, что трайд, бросившись за империтой, обрек себя на верную смерть в бурных водах, но они были бессильны что-либо сделать.

Понурившись, они сидели в пещере. Юл-Кан с тоской смотрел, как несутся бешеные потоки, унесшие его только-только обретенного вновь друга и храбрую Шалкай – дочь вождя.

Эви́ро лежала у его ног и, словно, чувствуя горе хозяина, тихо поскуливала. Истан спал, свернувшись калачиком под боком матери.

Офицеры молчали, но и без слов было ясно, что творилось в их душах. Потеря трайда и империты стала самым страшным ударом за все дни, проведенные на Камарлене. Надежда, что они выживут, была очень слаба, но все же она тлела упрямым огоньком. И сильно давило чувство вины: не уберегли, не спасли.

– Проклятый ливень! – в сердцах воскликнул Тасури. – Как некстати он начался! Почему он унес не меня?

Джанулория грустно взглянул на констата, сказал:

– Хотя ты и отличный пловец, но сразиться с такими потоками даже тебе не под силу, – он вспомнил бледное лицо трайда, пытающегося скрыть от них свою слабость, и вздохнул.

До середины ночи больше никто не проронил ни слова. Ливень не прекращался, своим неумолчным ревом навевающий еще большую тоску и уныние. Офицеры легли, но уснуть не могли. Юл-Кан так и сидел возле входа, не шевелясь, словно закаменевшее изваяние, всем своим видом выражая безысходное горе. Спать он не ложился. Что происходило сейчас в его душе для офицеров оставалось тайной.

Ночь, после тысячелетнего ожидания, подходила к концу. Ливень прекратился, оставив после себя море воды и гнетущее чувство грусти.

– Думаешь, марганы уцелели? – спросил Тасури т, ахьянца, очнувшись от дремоты.

– Они живучие, – отозвался тот как-то равнодушно.

– А где Юл-Кан? – вдруг подскочил имберианец, оглядывая пещеру.

Ихлака не было, как и лонгов.

– Ушел на поиски, – уверенно заявил энод-арон, не сомневаясь. – Что ж, идем за ним. Может, он и прав.

Ноги скользили по мокрым камням, но все же они спустились довольно быстро. Всюду грязная мутная вода, на которую даже констат смотрел с легким отвращением. Наверху – те же тяжелые низкие тучи, до которых, казалось, можно было дотянуться руками. Ни лучика света, ни проблесков неба, лишь густой, давящий сумрак, в котором трудно двигаться, дышать, думать. Подавленное настроение офицеров и вовсе упало. Шли молча, мрачно всматриваясь в безрадостную местность.

Джанулория размышлял, что спали они всего ничего, значит, ихлак не мог уйти далеко. Но прошли уже прилично, а Юл-Кана все не видно. Не раз пытались связаться с Марионом по данкару, но трайд молчал, и они совсем сникли.

Вскоре зоркий Джанулория углядел-таки ихлака. Тот был на одном из гребней горы и словно прятался от кого-то среди глыб камней и что-то высматривал. Добравшись до него, т, ахьяней заявил:

– С друзьями так не поступают, Юл-Кан! Ты мог бы сказать нам... – но он не договорил, потому что ихлак прошептал:

– Тс-с! Смотрите!

Офицеры осторожно высунулись из-за каменистой гряды и обмерли: внизу стояли шаттлы! Это были самые обыкновенные грузовые шаттлы из темного металла, с пиратскими эмблемами и знаками. Крепко упираясь в землю под толщей воды, они производили зловещее впечатление. Вокруг – ни души.

Боясь шевельнуться, затаив дыхание, они наблюдали, напряженно думая, что делать.

Через некоторое время из черного проема пещеры, что зиял, оскалившись, недалеко от шаттлов, выплыл тяжело груженный тант и исчез в открывшемся шлюзе.

– Что будем делать? – шепотом спросил Тасури.

– Они воруют священные алиманы! – глаза их лака полыхнули огнем гнева и ненависти. – Их нужно остановить!

– Должно быть внутри их много, – задумался Джанулория. – И они наверняка хорошо вооружены, а нас всего трое, не считая Эвино.

– Что думать? Мы столько прошли и пережили, чтобы найти этих мерзавцев, а сейчас, когда они у нас под носом, неужели мы подождем хвост и сбежим? – удивился нерешительности т, ахьянца Тасури. – Трайд бы, не задумываясь, бросился в это крысиное гнездо.

– Если вы не пойдете туда, я иду один, – заявил Юл-Кан, не в силах усидеть от переполнявших его гневных чувств. – Клянусь Ихлакитом, я разорву этих шарклов голыми руками!

Джанулория слабо улыбнулся:

– Что ж, друзья, момент истины настал. И пусть нас всего трое, но на нашей стороне правда и весь Ихлакит. Отомстим же за Эрадорха и Шалкай!

И они бесшумными незаметными тенями двинулись к пещере.

– Осторожно! – шепнул ихлак, и офицеры затаились за камнями. Мимо тихо проплыл тант, возвращающийся в пещеру за новой порцией кристаллов.

Когда он скрылся в ее темном зеве, снова продолжили свой опасный путь. Теперь густой сумрак был им только на руку, и вскоре они уже быстрыми призраками юркнули в лоно зловещей пещеры, вжавшись в стены. Спокойно. Тихо побежали дальше, углубляясь в царство гор, держа наготове оружие.

Юл-Кан, идя впереди, сообщал, не слышно ли пиратов или приближающихся тантов, благодаря чему они вполне открыто и быстро продвигались, не боясь быть застигнутыми врасплох.

Судя по всему, пираты были абсолютно уверены в своей безопасности и безнаказанности. Конечно, ведь марганы – эти ужасные кровожадные убийцы – сейчас являются главной проблемой, как аборигенов, так и офицеров КС, если они вздумают сунуться на Камарлен. И им и в голову не придет заглянуть в горы Ялтхари.

Через какое-то время им послышались приглушенные голоса, звуки возни, громкие шаги, стук и жужжание. Пещера впереди расширялась, образуя просторную каменную залу, откуда лился мягкий успокаивающий свет.

Крадучись, они подобрались поближе и затаились за высокими глыбами камней.

– Шевелитесь! – рычал один грубый, с хрипотцой голос на контарта. – Кому говорят, шевелитесь, безрукие лентяи! Мы здесь торчим уже целую вечность! За то время пока вы здесь нагружаете один тант, я успел бы облететь тысячу раз всю Вселенную!

– Ты бы сам попробовал попилить эти чертовы камни, Эрго! – отозвался другой голос. – Мы падем, как проклятые, сутки напролет, а ты только и знаешь орать!

– Заткнись, Хаас! Без меня вы здесь раскиснете, как гнилое молоко! Вам платят за вашу работу, мне-за мою, так что лучше закрой рот и шевели руками, иначе я вас всех отправлю прямо в пасть марганам! Это всем ясно?

– Полегче, Эрго! – вмешался еще один голос. – Не строй из себя самого умного. Хаас прав, мы падем, как вола, а ты только треплешь языком, но почему-то тебе платят больше, чем нам.

– Провалиться вам всем в Черную дыру! Какого дьявола вы вяжетесь ко мне? Не нравится – валите на хрен и ни черта не получите!

Джанулория осторожно выглянул из-за камня. В пещере было человек 20: в основном таллассцы и амоллане, но были и несколько представителей с Лафаса, Умари и Титана. Они кромсали кристаллы легкими лазерными пилами, и камни с трудом, словно не желая поддаваться их смертоносным лучам, но все же верно падали, исходя нежным, спокойным сиянием, как кровью. На полу искрились бриллиантами множество осколков, похожих на чистые слезы. Срезанные алиманы переносились в тант.

Спиной к нему стоял какой-то тип с короткими серебряными волосами. Джанулория снова скрылся за камнем. Раздался тот же грубый хриплый голос:

– Этих камешков хватит, чтобы купить весь космос! Гребанный Союз будет ползать у нас в ногах, клянусь космосом! Ну, пройдохи, гребите побольше, или вы не хотите стать самыми богатыми во всей Вселенной? Веселее! Веселее! Не каждый день выпадает такая удача! Теперь сам Император деллафийский по сравнению с нами – нищий! Ха-ха!

И тут т, ахьянец подал знак: действуем! Они вылетели из-за камней, как обезумевшие молнии, паля из бластеров с прицельной точностью. Началась сумасшедшая свистопляска. Орали пираты, как резанные, думая, что на них напал целый ильгад¹⁸ офицеров КС. Воздух запылал лучами лазеров, а своды пещеры содрогались от топота ног.

Ихлак, как страшный воин смерти, рубил, колол, резал, протыкал своим сияющим мечом, выплескивая всю свою ярость на головы несчастных.

Вдруг прямо перед офицерами взорвалась дымовая шашка. Густые серые клубы едкого дыма заволокли всю пещеру непроходимым туманом, нестерпимо разъедаая глаза, проникая в легкие, не давали продохнуть. Оглушительно орал Юл-Кан, сотрясая своим мощным голосом камни:

– Коварные шарклы! Пусть проклятье Ихлакита падет на ваши головы! – ослепленный, он яростно размахивал мечом, но натыкался лишь на пустоту.

Потом ихлак торжествующе воскликнул:

– А-а! Попался! Ну, берегись, подлый ворюга, сейчас я тебе оборву руки, не будь я Юл-Кан! – раздался чей-то пронзительный крик, полный боли, – видимо, ихлак приводил свою угрозу в исполнение.

Дым медленно развеивался. Мучительно кашляя, офицеры увидели, что пиратов и след простыл, остались лишь трупы. Посреди пещеры стоял Юл-Кан – грозный, с горящими глазами, с окровавленным мечом в одной руке, а другой он безжалостно тряс, словно тряпичную куклу, серебряноволосого пирата, по лицу которого медленно, но верно расплывался огромный синяк от кулака ихлака.

Тасури с Джанулорией бросились вон из пещеры, крикнув Юл-Кану:

– Не убивай его! – чем камарленец остался очень недоволен.

Но офицеры не успели: шаттлы были уже высоко в небе, когда они выскочили наружу.

Вернувшись, застали ихлака, с презрением обходящего покойников, проверял, не осталось ли живых. Белоголовый пират неподвижно лежал на полу. Возле него сидел взлохмаченный лонг.

– Все-таки ты его убил, – с укором покачал гривой т, ахьянец.

– Он живой, – успокоил его тот. – Просто я не думал, что он окажется таким хлипким.

Теперь они смогли хорошенько его рассмотреть: невысокий, очень смуглый, с ежиком непослушных серебряных волос, странно контрастирующих с темной кожей. Голову его охватывал небольшой обруч с золотым узором. Одет он был весьма необычно: легкие шаровары бледно-зеленого цвета с широким кожаным поясом, изысканно отделанным металлом, такая

¹⁸ Ильгад – подразделение в 100 человек (деллаф.)

же бледно-зеленая жилетка нараспашку, окантованная желтой тесьмой и невесомые открытые сандалии, охватывающие ступни многочисленными ремешками. На груди большой круглый медальон. Вооружение его состояло из двух бластеров, ручного диадона и кинжала, но, кроме того, в навесной сумке нашлось несколько дымовых шашек, метательных звездочек и прочего хитроумного вооружения.

Пару раз сильно хлестнув его по щекам, привели в чувство.

– Штурвал и катапульта! – замычал он, открывая зеленые глаза. – Что за черт? – он уставился на офицеров. – Какого дьявола вы тут делаете, кээсцы?

– Мне кажется, это мы должны задавать вопросы, – сурово произнес Джанулория, неприязненно глядя на пирата.

– Катись к Звездному Призраку! – зло процедил тот, потирая синяк на лице.

– Ты знаешь, что твои люди сбежали, бросив тебя? – спокойно спросил энод-арон, приготовившись к долгому допросу.

– Они не мои люди. Это просто кучка недоумков, как и вы.

Тасури яростно взмахнул хвостом, но сдержался.

– Тем не менее, они уже далеко отсюда, а ты здесь, с нами, и будет лучше, если ты сам все расскажешь.

– С какой стати я должен что-то вам рассказывать? Я что, на исповеди? – пират насмешливо смотрел на стоящих перед ним офицеров.

Констат посмотрел на т, ахьянца, говоря взглядом: «Устроим ему взбучку – быстро все выложит», но тот ответил глазами: «Нет, рукоприкладство подождет, попробуем поговорить». Он снова повернулся к беловолосому, заговорил с непривычным металлическим оттенком в певучем голосе:

– Как действующий офицер Космической Службы, от имени Союза я обвиняю вас в несанкционированном проникновении на планету, расхитительстве собственности Камарлена и связи с марганями. Я имею право уничтожить вас, если вы окажете сопротивление или откажетесь отвечать на вопросы.

Пират презрительно скривил губы.

– Не убьете, потому что я вам позарез нужен. А отвечать на ваши вопросы не собираюсь. И не надо угрожать мне: не на того напали.

– Не в правилах офицеров угрожать кому-либо. Я предлагаю тебе добровольно все рассказать, потому что с этой планеты тебе все равно не уйти.

– Почему? – с любопытством спросил тот.

Т, ахьянец спокойно наблюдал за ним.

– Потому что ты – преступник, а преступников мы так просто не отпускаем. На Деллафии все равно из тебя выжмут все, а затем... – энод-арон сделал многозначительную паузу. – Думаю, ты не станешь покрывать своих дружков, после, как они удрали без тебя? К тому же было бы очень обидно понести наказание одному за всех, не так ли?

– Мне надоело слушать твою пустую болтовню, – со скучающим видом заявил пират. – Убирайтесь на свою распрекрасную Деллафию и не суйтесь, куда не следует, пока целы.

До того молчавший Юл-Кан, вдруг громыхнул позади пирата:

– Рахим Дентр, позволь мне проучить этого ворюгу! Клянусь Халаром, он запоем, как зага!

Серебряноволосый испуганно покосился на огромного ихлака, в руках которого до сих пор блистал грозный меч.

– Уберите от меня подальше этого чокнутого аборигена! – громко сказал он, недоверчиво поглядывая на его сжатые кулачища, и снова потер синяк. – Где это видано, чтобы дикарь бил цивилизованного человека?

– Цивилизованного, говоришь? – жестко перебил его Джанулория. – Цивилизованные люди не воруют чужие драгоценности, не убивают ни в чем не повинных существ, не обогащаются на страданиях других! Этот дикарь имеет полное право не только ударить, но и убить тебя, потому что благодаря твоим стараниям он лишился не только своего дома, но и всех своих близких! Но он не станет делать этого, он намного цивилизованнее тебя.

– Марганы безобразничают? – усмехнулся пират.

Глаза Джанулории вспыхнули ярко, как две зеленые звезды, но голос его был тих, хоть и полон сдерживаемого гнева.

– Несчастный, а ты встречался когда-нибудь с марганами лицом к лицу, вот так? – т, ахьянец приблизил свое лицо к лицу пирата. – Чувствовал ли ты их когти и клыки в своей плоти? Ощущал ли ты их дыхание на своей коже? Видел ли ты, как они рвут в клочья свою жертву, еще живую? Нет? Тогда тебе непременно нужно все это увидеть, ощутить и почувствовать на своей шкуре, тогда и поговорим. Случай для этого, думаю, найдется, – с этими зловещими словами Джанулория оставил его в покое.

– Упрямый типчик попался, – устало и раздраженно сказал он, отойдя в сторону.

– Я же говорил – стукнуть его меж глаз! – горячился ихлак, ненавидяще глядя на пирата.

– Стукнешь – еще окочурится, чего доброго, а нам он живым нужен. Эх, всех упустили! – сокрушался энод-арон. – А, если не расколется?

– Куда он денется! Поначалу они все храбрые и неприступные, а подумает, обмозгует свое положение и, как миленький, все расскажет, – успокаивал его Тасури. – Пираты все одинаковые.

– Этот-то как раз не похож на остальных, – задумчиво протянул Джанулория. – Откуда он? Я никогда не встречал таких. Странная внешность.

– Какой-нибудь выродок, мало ли их в космосе? – удивился констат несвоевременному любопытству т, ахьянца. – Сейчас главное, что с ним делать.

– Если бы я знал! – Джанулория вдруг ощутил огромную внутреннюю пустоту. Они так спешили, так летели, так рисковали, чтобы найти злостных чужаков, принесших столько бед, и вот – один из них перед ними. Почему же нет радости, облегчения, а, напротив, тошно и тяжело? Если бы рядом был трайд! Т, ахьянец вздохнул, решительно тряхнул гривой.

– Свяжем его, чтобы не сбежал, и заночуем здесь. Завтра подумаем, что делать дальше. Сегодня думать нет сил.

Тут же крепко скрутили возмущающегося пирата, вдобавок для надежности привязали к одному из кристаллов.

– Штурвал и катапульта! – орал он благим матом. – Проклятые кээсцы! Метеорит вам в зад! Какого бельмеса вы привязываете меня, словно барана? Никуда я не денусь, Призрак вас дерит!

Он еще долго ворчал и грозился, но его никто не слушал.

Ночь была в самом разгаре, когда вдруг до их слуха донесся далекий топот, усиленный гулким эхом. Вскочили, как ужаленные, ожидая очередной напасти. Вернулись пираты или это марганы? Топот доносился из глубины гор.

– Проклятье, развяжите меня! – потребовал пират, вертясь, как волчок, но на него не обращали внимания, всецело поглощенные приближающейся неизвестностью.

Ближе, ближе... Ни голосов, ни криков, ни рева, только чье-то тяжелое прерывистое дыхание и топот бегущих ног. Они неотрывно смотрели на черный непроницаемый проем туннеля, нацелив оружие. И тут, словно два вихря, в пещеру ворвались Марион и Дели – задыхающиеся, с безумными глазами, – но это были они!

От неожиданности империта громко вскрикнула и остановилась, как вкопанная. Но Марион не растерялся, словно, зная заранее, что их здесь давно поджидают, схватил девушку за руку, оттолкнул подальше от входа, крикнул офицерам:

– Стреляйте!

В это время из темноты проема выскочил зверь – огненно-рыжий, гибкий, как пружина, хвостатый и очень злой. Его маленькие круглые глаза так и горели желтой яростью.

Тасури и Джанулория выстрелили одновременно. Лучи настигли зверя в красивом гигантском прыжке. Он тяжело упал, дернулся, глаза медленно потухли, как угли от костра, но все равно зверь, даже мертвый, внушал трепетный ужас и невольное уважение.

Некоторое время все молчали, не в силах что-либо сказать от неожиданной радости и удивления. Первым пришел в себя Марион. Широко улыбнувшись, он шагнул к офицерам, сказал:

– Судя по вашим лицам, друзья, вы увидели какое-то сверхъестественное чудо.

– Похоже, и в самом деле, случилось чудо, – опомнился Джанулория. – Это, действительно, вы или мне это все мерещится?

– Это мы, Джанулория, из плоти и крови, – засмеялся трайд. – Слава космосу, мы все живы и снова вместе!

– Да здравствуют Эрадорх и Шалкай! – завопил Тасури вне себя от счастья и даже высоко подпрыгнул.

Все засмеялись – облегченно и свободно. Ихлак тихо стоял в сторонке, но в его глазах стояла огромная, не выразимая словами радость. Марион поймал его взгляд, подошел и, крепко сжав запястье аборигена, произнес:

– Я счастлив снова видеть тебя, великан.

– Я верил, что вы живы, – улыбнулся тот.

Наконец, страсти улеглись. Трайд озадаченно смотрел на тела, валяющиеся на полу, на тант, груженный кристаллами, на осколки алиманов, на пирата и, повернувшись к офицерам, спросил:

– Кто-нибудь мне объяснит, что все это значит?

Те вкратце рассказали все произошедшее.

– Значит, остальные сбежали, а этот, – Марион кивнул на пирата, – молчит? Отлично!

Он подошел к серебряноволосому и с интересом рассмотрел, отметив редкую внешность, гибкое, но сильное телосложение, неопределенный возраст и вызывающий, насмешливый блеск в прозрачно-зеленых глазах, – такой будет долго молчать и упираться.

Тот в свою очередь пристально смотрел на трайда злыми прищуренными глазами.

– Чего уставился, кээсец? – грубо спросил он.

– Уставился ты, пират, а я смотрю, – усмехнулся офицер и отошел, не сказав больше ни слова.

– Не знаю, как вы, друзья мои, – обратился он к офицерам и ихлаку, – но мы с рахими Шалкай умираем от голода. Давайте зажарим этого великолепного сурхана, а заодно вы сможете услышать обо всех наших злоключениях вплоть до сегодняшней ночи.

Благодаря общим усилиям, вскоре по пещере разнесся ароматный запах жареного мяса.

Марион и Дели рассказывали о своих приключениях, перебивая друг друга, дополняя, попутно ссорясь, смеясь, чем очень позабавили остальных.

– И вот мы устроились на ночлег в одной из пещер с алиманами, – говорил трайд, – голодные, уставшие. И только я начал засыпать, слышу – кто-то тихо идет по туннелю и дышит страшно. Я растормошил рахими Шалкай...

– Я сама проснулась! – Вмешалась Дели. – Не привирайте!

– Хорошо, хорошо, пусть будет так, – согласился тот и продолжил: – Итак, мы проснулись, заслышав чьи-то шаги. Честно говоря, было жутковато ждать неизвестно чего или кого. И вдруг мы увидели сурхана – громадного, голодного и злого. Что он делал в этих пещерах – это известно лишь одному ему.

– Он учуял нас, вот и пошел по нашему следу! – воскликнула девушка.

– Возможно, – снова согласился Марион. – И, недолго думая, эта зверюга помчалась прямо на нас. Тут меня оглушил страшный визг Шалкай...

– Я не визжала, я кричала! – возмутилась империта. – Конечно, закричишь, если на тебя несется вот такая махина с самыми злостными намерениями! Вы бы видели свое лицо в то мгновение – умерли бы со смеху! – хохотнула она.

– Я выхватил свой бластер и увидел, что заряда в нем нет, – продолжал трайд, не обращая внимания на колкости империты. – О, ужас! Другого оружия у меня не было, а зверь почти перед носом!..

Снова вмешалась Дели:

– Я хотела прогнать его андором, но трайд перепугался до смерти, схватил меня за руку и бегом из пещеры, только ветер в ушах засвистел...

– Смею вас заверить, что я редко боюсь до смерти кого или чего-либо, – уязвленно сказал Марион. – Но пока бы вы вытащили свой андор, пока взмахнули им, нас бы давно успели растерзать, поэтому наилучший выход был бежать. К тому же андор – это и не оружие вовсе.

– Вы так не думали, когда я спасала вас от марганов.

– Я, конечно, очень вам благодарен за это, но это было совсем другое дело.

– Ничего не другое! Тогда с марганам было гораздо страшнее. А тут всего лишь какой-то дикий зверь...

– Какой-то? – весело переспросил трайд. – А вы так кричали и тряслись, словно за вами гнались все марганы вместе взятые.

– Ничего подобного, – отвергла Дели и сказала: – Давайте лучше я буду рассказывать дальше, а то вы все путаете. Значит, мы понеслись, сломя голову, вокруг темнота, а сзади наступает на пятки голодная тварь и дышит прямо в затылок. Хорошо, что кристаллы нас вылечили, иначе мы бы уже давно переваривались в желудке зверя. Так мы бежали, бежали без конца, уже и силы на исходе, а бежать надо, куда денешься. И вот, наконец, выскочили на вас. Я даже испугалась, когда вас увидела с оружием, – закончила она рассказ. – Но у вас здесь тоже было весело, – добавила она, оглядывая тела, и воскликнула вдруг: – Истан! Ты здесь, мой маленький, живой! Ну, иди сюда, дай я тебя поглажу!

Пока она возилась с детенышем лонга, офицеры думали, как быть дальше. Пират мрачно смотрел на них ненавидящими глазами.

Марион подошел к нему.

– Ты не передумал, пиратское отродье?

– На счет чего? – усмехнулся тот.

– На счет все выложить по-хорошему или...

– Или что? – поинтересовался пират.

– Или ты выложишь все, но уже по-плохому.

– Мне казалось, что офицеры КС никогда и никому не угрожают, – ухмыльнулся связанный.

– Я не угрожаю, я предоставляю тебе право выбора.

– Где гарантия, что вы меня не пристрелите после того, как я все выложу?

– Гарантии нет, но мы же не звери.

– Тогда катись в Черную дыру!

Глаза офицера полыхнули голубым огнем, он схватил его за грудки и, сильно потрянув, со злобой сказал:

– Слушай меня, гаденыш, я не люблю долгих разговоров и не люблю возиться с вашим братом. Быстро говори, на кого ты работаешь!

– Руки убери, – прошипел пират. – Я тебе не девочка, чтобы лапать меня.

Но руки трайда сжались еще сильнее.

– Не испытывай мое терпение, вшивый мешок дерьма! Отвечай на вопрос!

– Я работаю на себя.

Офицер резко разжал пальцы так, что пират бухнулся на пол, пристально посмотрел ему в глаза, покачал головой:

– Я все равно выдавлю из тебя правду, так или иначе.

– Попробуй, – хмыкнул пленник и вдруг, понизив голос, заговорщицки заявил: – Слушай, кээсец, давай одним махом покончим с этой канителью. Я могу поделиться камушками с вами. Только дурак откажется от богатства, а вы ведь не дураки. В одной только этой пещере столько камней, что можно стать богаче всех Императоров и Королей Союза вместе взятых! А здесь на Камарлене они сгниют без толку, ведь эти аборигены даже не представляют, какое сокровище находится у них под носом. Но мы-то с вами знаем им цену и сможем найти для них достойное применение. Я не жадный, могу уступить вам большую часть...

– Замолчи, ворюга! – неожиданно возмутилась Дели. – Как ты смеешь подкупать офицеров, наглец! Ты – вор и убийца и понесешь за это наказание!

– Ба, какая красotka! – вырвалось у пирата, когда он устремил на девушку любопытный и оценивающий взгляд. – Адские сковородки! Я давно приметил тебя, милашка. Чтоб я сдох, сколько раз бывал на Деллафии, но таких лапочек не видывал! Что ты делаешь здесь, красotka, на этом проклятом шарике среди грубых кээсцев?

Дели открыла было рот, чтобы ответить дерзкому мерзавцу, но вмешался Марион:

– Учти, что ты разговариваешь с империтой деллафийской, пират, и за свои поганые слова ты можешь поплатиться жизнью прямо сейчас!

– Дочь самого Императора на Камарлене? Интересно, – хмыкнул тот, разглядывая девушку. – Я понял, понял! Так как на счет моего предложения? Ударим по рукам и разбежимся тихо – мирно?

Марион, как можно спокойнее повернулся к офицерам, сказал:

– Дайте мне бластер.

– Трайд, он нужен нам живым, – мягко напомнил Джанулория, но тот так громко и страшно крикнул:

– Бластер! – что т, ахьянец нехотя повиновался.

– А теперь повтори, что ты сказал на счет, разбежимся тихо – мирно, – зловеще произнес Марион, целясь в пирата.

– Я же пошутил, – попытался тот загладить свою ошибку. – Ты что, шуток не понимаешь?

– У меня нет чувства юмора, – офицер нажал пусковую кнопку. Тонкий луч впился в предплечье пирата, прошел насквозь. Вскрикнула империта.

– Проклятый дьявол! – завопил раненный, корчась на полу от боли. – Метеорит тебе в зад, я же сказал, что пошутил! Чертов разгребатель мусора, ты едва меня не грохнул! Гореть тебе на солнце, грязный кээсец! Чтоб ты сдох!..

Оставив его кататься по полу и выть, Марион вернул бластер энод – арун.

– Так нельзя, трайд, – укоризненно посмотрел тот. – Мы офицеры, а не головорезы. Это жестоко.

– Ради космоса, Джанулория, не надо проповедей! – мрачно отозвался тот. – Мои нервы и так на пределе! Тасури, дай-ка мне бластер этого пирата. Пойду, подышу воздухом, – с этими словами трайд скрылся в темноте туннеля.

В глаза ударило непривычно чистое, почти ослепительное небо без единого облачка. Тучи ушли, растаяли, как дурной сон. Мир, освободившись от тяжких оков сумрака, теперь, словно вздохнул с облегчением, засиял новыми надеждами и ждал долгожданного солнца.

Марион глубоко вдохнул теплый, влажный воздух. Взгляд его бродил где-то в необозримой дали, а мысли рвались куда-то, как беспокойные птицы. Ему вспомнились золотые леса Деллафии и нежное, голубое, с легкой зеленью небо. Камарлен тоже был необычайно красив и притягателен своей буйной молодостью и первозданностью, как цветущая молодая девушка.

Офицер бывал на многих планетах – пустынных и заброшенных, только рождающих простейшую жизнь и уже начинающих строить цивилизацию; достигших наивысшего расцвета и неумолимо умирающих; не поддающихся пониманию и совершенно чуждых; враждебных и ужасных. И каждая планета имела свое особенное неповторимое лицо, свою историю, – трагическую, печальную или счастливую, длинную или короткую, запоминающуюся или преданную забвению.

Он всегда оставлял в памяти «лицо» планеты: ее горы, леса, реки, равнины, пустыни, камни. И сейчас перед глазами проплывали льды Т, ахьяна, непроходимые джунгли Лафаса, водные бескрайние просторы Имберии, зеленая трава Амоллы, пустыни Таллассы...

Марион только потому и пошел в ПаРаСКоН, что это давало возможность увидеть весь космос, побывать на множестве планет, хотя он прекрасно осознавал, что однажды погибнет на одной из них, как и большинство действующих офицеров КС.

Но все же Камарлен трайд любил почти так же сильно, как и Деллафию. И он очень жалел, что во вселенной так ничтожно мало таких красивых, молодых, развивающихся планет.

К нему подошел ихлак, молча встал рядом.

– Тебе тяжело, Эрадорх? – наконец, спросил он.

Марион улыбнулся: этот огромный абориген всегда точно чувствовал его настроение, мельчайшие движения души, порывы.

– Немного взгрустнулось.

– Скучаешь по дому?

– Да, и по дому тоже.

– Хорошо после Большой Воды, – помолчав, сказал Юл-Кан, глядя на медленно выцветающий горизонт. – Смотри, Эрадорх, солнце встает!

Небо посветлело, стало почти белым. И вот робко проглянули длинные лучи, словно боясь, не проглотят ли их вновь грозные тучи? Потом весело, смеясь, пронзили утренний воздух, погладили угрюмые склоны гор Ялтхари, нежно коснулись лица Мариона, пробежали по мутным водам, ослепительно рассыпавшись на миллионы крошечных лучиков. И каждый из них перемигивался невозможным цветом, жил своей жизнью и мчались радостными бликами до самого горизонта.

А солнце поднималось все выше и выше, – победно и торжествующе – обжигая лица, отражаясь в глазах, нежась в волосах, проникало внутрь, в самое сердце, разгоняя кровь, отодвигая прочь тоску.

Это было удивительное, ни с чем несравнимое зрелище. И они стояли, всецело поглощенные и захваченные им, очарованные и молчаливые.

Но жестокая реальность грубо вырвала их из объятий этого рассветного чуда. Ихлак вдруг насторожился, напрягся, как сжатая пружина, по лицу его промелькнули мрачные крылья тени.

– Марганы? – спросил Марион, взглянув на друга.

– Да, – Юл-Кан указал рукой на далекие движущиеся точки, которые казались с такой высоты совсем крохотными и безобидными. Отсюда их можно было принять скорее за стайку каких-то мелких животных, плывущих в поисках суши.

– Ты уверен? – Трайд напряг зрение, пытаясь разглядеть получше эти точки, но те были еще слишком далеко.

– Я слышу их жадное дыхание, – ихлак сжал кулаки. – Они как-то учуяли наш след. Они найдут нас.

Точки быстро приближались к горам Ялтхари. Они двигались уверенно, не останавливаясь, словно их действительно вел какой-то невидимый, но четкий след.

Марион безотрывно смотрел на них, моля космос, чтобы ихлак ошибся. Но вот солнечный блик ярко полоснул по движущимся существам, и офицер ясно разглядел рыжую мокрую

шерсть и желтоватые кривые рога. Да, это были марганы. Не меньше двух десятков марганов. И они шли по их следу.

– Уходим! – позвал друга Марион, и они нырнули в темное лоно туннеля.

– Скоро у нас будут нхасские гости, – предупредил он друзей.

– Марганы?

– Да, много марганов.

Трайд задержался у входа, оглядывая своды туннеля, поднял бластер, прицелился в большой камень, торчащий сверху, словно клык. Брызнули каменные осколки, и глыба обрушилась, завалив вход в пещеру. Следом рухнули еще несколько камней. Это хоть и ненадолго, но задержит чудищ. Потом Марион подошел к пирату, который угрюмо сидел, обхватив простреленную руку, поднял его и, глядя прямо в глаза, процедил:

– Если кто-то из нас пострадает, я сам лично швырну тебя в пасть к марганам, обещаю.

Видимо что-то в глазах офицера было такое, что заставляло не сомневаться в его словах, и пират неохотно произнес:

– Хочется мне послать тебя к дьяволу, да ты ведь больной на всю голову и за тобой не станется прострелить мне и вторую руку, поэтому я лучше помолчу.

– Вот и отлично. Теперь моли своего дьявола, чтобы он сохранил тебе жизнь.

Все были напряжены, сосредоточены и суровы: они уже достаточное количество раз сталкивались с нхасскими чудовищами, чтобы понимать, что их может ожидать в самом ближайшем будущем и поэтому были готовы к натиску.

Марион осмотрел пиратский тант – слишком тихоходен и маломощен, на таком далеко не улетишь, но, в крайнем случае, может и сгодится.

Через какое-то время до их слуха донеслись яростные вопли и мерзкий скрежет. Это явились и теперь ломились в пещеру марганы. Пират вздрогнул. Дели испуганно прижимала к себе Истана. Эви́ро рычала, оскалив пасть и подняв дыбом шерсть.

Ожидание было невыносимым. Вопли становились все громче, яростнее, безумнее, казалось, что снаружи собралось не меньше сотни чудищ. Твари с силой бросались на камни, царапали их когтями, грызли зубами, шатали и раскачивали, как сумасшедшие. Потом камни вдруг разлетелись, не выдержав натиска, и в пещеру начали лезть рыжие монстры с невероятной проворностью.

Джану́лория метнул огненные шары, остановив первый поток, но в пролом уже лезли другие. И марганы заполнили всю пещеру.

Яростно сверкнул изумрудный хлыст андора в руке империты, засияло серебром лезвие меча ихлака, исходили лучами данкар констата и бластер трайда, плевался огнем энод-арон, мелькали клыки лонга.

Тут отчаянно запищал Истан, едва не раздавленный лапами маргана. Эви́ро бросилась к нему, вцепилась в чудовище, посмевшее обидеть ее детеныша, и получила жестокий удар когтями. Но лонг не разжал челюстей, продолжая впиваться в ненавистную плоть все глубже, пока сердце его медленно, медленно не остановилось. И Эви́ро упала.

Империта вырвала Истана из лап чудовища, крепко хлестнула его андором, увернулась от чьих-то когтей и зубов, взмахнула энергохлыстом, еще раз, еще, пока не устала рука. Страх не было, напротив, она ощущала себя смелой и сильной, как никогда, ей хотелось кромсать и кромсать врагов, чтоб летели клочья. Девушку заполняло радостное, ликующее чувство: она – воин, она – другая, она – свободна! Рука играючи управляла андором, и его сияющий энергетический хлыст мелькал молнией, впиваясь в рыжие тела. Дели упивалась своим новым «я», но ее отрезвила резкая сильная боль в плече: по руке прошли острые лезвия когтей, глубоко вспоров мышцы. Побежала горячая кровь. Еще пару раз подняв руку с андором, почувствовала, что занемевшее плечо сковывает движения.

Но неожиданно все закончилось. Офицеры были живы и напряженно ожидали нового нападения, но вокруг установилась звенящая тишина. Юл-Кан искал глазами лонга, но не мог найти. Он бросился разгребать трупы и вскоре увидел ее. Эви́ро была мертва. Пепельная шерсть слиплась от свежей еще крови, на морде сохранился оскал, словно зверь до сих пор гонял где-то марганов.

Ихлак осторожно провел рукой по мокрой шкуре, будто боялся потревожить сон своей верной спутницы, тяжело вздохнул, низко опустив голову.

На глаза наворачивали слезы. Дели сморгнула и отвела глаза.

Офицеры что-то искали среди рыжих тел. Наконец, откопали пирата. Трайд бесцеремонно хлестнул его по щеке, приводя в чувство. Тот медленно открыл испуганные мутные глаза, долго блуждал по потолку, в конце концов, увидел офицера.

– Живой? – Марион рывком выдернул его из марганьей кучи, но тот так пронзительно вскрикнул, так страдальчески сморщился, что трайд даже перепугался. Лишь чуть позже обнаружил, что пират серьезно ранен.

– Черт тебя дери, космическое несчастье! – зло проворчал Марион, осмотрев его раны. – Чего доброго, еще ноги протянет. Какие пираты все же хлипкие.

– Положим его возле алиманов, может и оживет, – предложил Тасури, и они перенесли бесчувственного пирата к камням.

Марион взглянул на девушку.

– Вы ранены, империта? – испугался он, увидев кровь.

– Самую малость.

Трайд посмотрел на ее руку, рассеченную когтями, нахмурился.

– Хоть и не смертельно, но выглядит скверно.

– Да ерунда, – махнула та рукой.

– Ничего не ерунда. Сядьте-ка возле алиманов, – сурово приказал он.

– Опять вы мне приказываете, трайд, – недовольно буркнула Дели.

– Не ворчите и делайте, как я сказал.

– Вот еще! Не буду я подходить к этим камням, я их боюсь.

– А умереть от заражения не боитесь?

– От таких царапин не умирают.

– Ну, хорошо, – сдался офицер. – Ваше право. Но перевязать все равно надо.

Он тщательно обмотал рану каким-то лоскутом, потом внимательно посмотрел ей в глаза, сказал негромко:

– Вы молодец, империта.

– А вы думали, – смутилась девушка, заливаясь ярким румянцем.

Юл-Кан все сидел возле Эви́ро, молча оплакивая. Для него смерть лонга была страшным ударом. Марион положил руку на плечо друга, тот поднял на него беспомощные глаза.

– Нет луйхара, нет Эви́ро, – произнес он с невыразимой печалью в голосе. – Юл-Кан один, совсем один.

– У тебя есть мы, дружище, – Мариону было больно смотреть на страдания ихлака – большого, сильного, но такого беззащитного и ранимого.

– Вы улетите домой, а я останусь здесь и буду бродить, как тень. Я – последний из рода Ан-Кора.

Ну что тут скажешь? Какими словами залечишь душевные раны? – Марион не знал и казнился чувством горькой вины.

Джанулория возился возле пирата, бубня под нос:

– Красная кровь. Кто ж ты такой, голубчик? Откуда взялся?

Видимо, камни делали свое дело: раненый зашевелился, открыл глаза.

– Очнулся? Вот и отлично, – почти ласково поприветствовал его т, ахьянец. – Тебе повезло – из лап марганов не многие выходят живыми.

– Их нет? – испуганно прошептал пират, смотря по сторонам. – Ну и жуткие же твари! Взгляд энод-арона ожесточился.

– Не понравилось встретиться с ними лицом к лицу? – спросил он, глядя на серебряно-волосого яркими прищуренными глазами.

– Я вижу, ты уже очухался, пират, – подошел Марион, окатив раненого холодным, как лед, взглядом. – А теперь поговорим.

Тот недоверчиво смотрел на трайда, словно в любой момент ожидая, что тот выхватит свой бластер и начнет палить.

Но Марион вдруг подхватил с земли отрубленную марганью голову и ткнул ею прямо в лицо пирата.

– Не нравятся тебе эти зверюшки? – в его голосе слышалась бушевавшая ярость. – Но сейчас ты насмотришься на них вдоволь! Смотри, любуйся, на что ты обрек планету! Неприятное ощущение, когда их когти впиваются в плоть, не правда ли? Не хочешь смерти в их лапах? Никто не хочет, пират, но многие, очень многие уже приняли ее и еще примут по твоей вине! Ты будешь говорить, несчастный?

– Это была его задумка! – выпучив глаза, затараторил тот, стараясь не смотреть на жуткую голову чудища в руке офицера. – Я и не вникал в суть дела, а он не горел желанием посвятить нас! Для нас главным было что? То, что нам платили неплохо, очень неплохо. А потом эти камешки, тут уж у любого глаза загорятся, что фонари. Если бы я знал, на какие гадости и мерзости он способен, ноги моей бы здесь не было, клянусь Черной дырой! Наше дело маленькое – таскай, да таскай камешки в корабль, успевай только себе в карман класть. Метеорит ему в зад, этому уроду бледному! Знал бы заранее, прибил бы его к чертовой бабушке! Вот хрен талласский!..

– Так, – остановил его трайд. – А теперь подробнее.

Тот посмотрел на него, спросил:

– Могу я быть уверен, что выйду отсюда живым?

– Да, слово офицера космической службы, но в случае, если ты будешь говорить правду.

– Жизнь мне пока дорога.

– Как твое имя?

– Альфадей Эрго.

– Ты – Альфадей Эрго? – изумился Марион, с интересом взглянув на сидящего перед ним субчика.

Об Альфадее Эрго знал каждый офицер космических служб и каждый курсант без исключения. Это был самый известный, самый злостный и самый неуловимый пират во всех галактиках. Поймать его – была мечта всех офицеров, но он исчезал у них перед носом, словно растворялся в необъятном просторе вселенной.

Никто даже не видел его в лицо, и порой начинал ползти слух, что Альфадей Эрго – это вообще выдумка, мираж, плод воображения и, что его не существует вовсе.

А теперь перед ним сидит этот тип и утверждает, что он – Альфадей Эрго.

– Он самый. Что, не ожидали такой удачи? – Усмехнулся пират.

– Что ж, пусть будет Эрго, – кивнул трайд. – Итак, Эрго, кого ты имел в виду под словом «он»?

– Конечно, Калахаса! Я был на Талласе, когда ко мне пришел доверенный человек Калахаса, сказал, что Калахас хочет видеть меня. Я, конечно, удивился такому вниманию к моей скромной персоне со стороны талласского Короля, но из любопытства пошел в Замок. И он предложил мне работу, Призрак его дери!

– Какую?

– Набрать ему камешков на Камарлене.
– И ты сразу согласился? – прищурил глаза Марион.
– Я же говорю, он хорошо платил, к тому же камни тоже кое-что стоят.
– А марганы? – бешено сверкнул глазами трайд. – Как вы завезли их на Камарлен?
– Это ты у Калахаса спроси. Он не посвящал меня в свои планы. Мое дело было: найти людей, нагрести ему камней и молчать. С марганами он сам возился. Так что я был не в курсе дел этих тварей.

– Где весь персонал Исследовательского Центра?
– Какого еще центра? – выпучился Эрго в притворном удивлении.
Марион пришел в ярость. Вскочив, он потряхнул пирата со всей силы, заорал:
– Лжешь! Я тебя насквозь вижу, гнилое отродье космоса!
– По тише, по тише, кээсец! – примиряюще сказал тот. – Мало тебе того, что ты продырявил меня, так ты еще хочешь вытрясти из меня дух? Я скажу правду, слышишь, скажу!
– Ну? – грозно сверкнул глазами офицер.
– Эх, была, не была! – вздохнул Эрго. – В общем, Калахас велел нам нейтрализовать Исследовательский Центр. У него там был человек, который все знал и впустил нас, вырубив защиту и сирену. Естественно, он тоже был в доле. Кстати, человек-то этот – деллафиец, – усмехнулся пират, многозначительно глянув на трайда.

– Дальше, – коротко потребовал тот.
– Завязалась драка, пальба, – пират замолчал, Марион недобро посмотрел на него, и он неохотно продолжил: – Убитых мы закопали. Потом мы разворотили все модули и корабли и смотрелись в горы. Этот талласский ублюдок поторчал тут немного, а потом смылся куда-то, но постоянно выходил на связь со мной. А потом вы нарисовались, вот и все, я больше ничего не знаю.

Мариону хотелось убить этого наглого мерзавца, он чувствовал, как горячая волна бешенства и ненависти нахлынывает изнутри, заполняя все его существо.

– За все твои грязные, преступные делишки, я готов придушить тебя, пиратская рожа, – с едва сдерживаемым гневом сказал он. – И берегись, если ты что-то утаил от меня, талласский прихвостень!

– Ты обещал, что я свалю с этой чертовой планеты живым, кээсец, – напомнил пират.
– Да, я обещал! – взорвался офицер. – Но это не значит, что ты избежишь наказания! Ты все равно сдохнешь на Деллафии в любом случае, если раньше тебя не сожрут марганы! Ты, идиот, знаешь, что наделал из-за своей жадности и ограниченности? Подписал смертный приговор себе, нам и тысячам невинных аборигенов! Да за это я сам распылю тебя, недоделанный кретин! Ты знаешь, сколько лет и сил мы угрохали на то, чтобы восстановить Камарлен и помочь аборигенам выжить? Ты знаешь, что Союз выращивал тут каждое дерево, каждый куст и травинку? Ни черта ты не знаешь, ублюдочный гад, и за это я могу убить тебя, и моя совесть будет чиста!

– Я, конечно, не питаю к аборигенам особой любви, но и для меня это зверство марганов стало неожиданным и чересчур жестоким! Я же не знал, что Калахас способен на такую подлость, клянусь всеми планетами! – заверещал Эрго, делая круглые глаза.

– Молчать! – крикнул Марион, и пират послушно заткнулся.
«Калахас, Калахас... – мрачно размышлял трайд. – Пират, похоже, говорит правду. Неужели Талласса нарушила древний союз ради собственного обогащения? Неужели готова пренебречь всем, к чему они так долго шли, и развязать вражду? Неужели война? Война с Таллассой?»

Это было дико, невероятно, безумно. Это было начало конца Союза Четырех. Даже в страшном кошмаре Марион не мог себе представить такое. Он посмотрел на офицеров, но увидел в их глазах те же вопросы, что молнией пронесли и в его голове.

Трайд устало опустился на каменный пол.

– Если честно, мой мозг уже отказывается работать, – вздохнул он.

– От этих трупов воняет, – пожаловалась Дели. – Нельзя ли их куда-нибудь убрать?

– Империта права, – поддержал ее Джанулория. – От этого запаха уже раскалывается голова, да и смотреть на них – удовольствие не из приятных.

Общими усилиями сгрузили тела марганов и пиратов в тант и свалили вниз к подножию горы. Джанулория метнул вслед огненный шар и в небо вырвались языки большого погребального костра.

Потом предавали огню тело Эвино. Ихлак долго прощался со своим лонгом, – трогательно, душераздирающе, что даже пират чуть не прослезился и все бормотал:

– Надо же, как бывает: вроде бы простая зверюга, а слеза прошибла, метеорит мне в плотку! Ну, талласский хрыч, устроил ты заварушку себе на голову, клянусь космосом!

И вот, тело лонга объяло пламя – чистое, яркое, беспощадное.

Они смотрели, как быстро тает Эвино в его обжигающих объятьях – безвозвратно, навсегда, – и было в этом зрелище что-то ужасающее, магическое и необъяснимое до дрожи. Маленький Истан, жалобно и тихо скуля, пытался залезть в огонь к матери и белым беспомощным комочком бегал вокруг, не понимая, почему она не слышит его, не подходит и не ласкает языком, как раньше. Дели подхватила его и прижала к груди, он доверчиво уткнулся носом ей в шею и затих.

Вскоре костер погас, оставив после себя лишь небольшую горстку пепла.

Юл-Кан, совершенно разбитый и молчаливый, сел в стороне и впал в глубокую мучительную задумчивость. Офицеры лишь вздохнули, посмотрев на него.

– Калахас, – проговорил Джанулория. – Кто бы мог подумать о такой подлости, сравнимой с ударом в спину.

– Калахас – мутный тип, он мне никогда не нравился, – заявил Тасури. – Но так, исподтишка, взять и развалить все, созданное за столетия, это даже не подлость, это... это...

– Сверхковарство, – подсказал Марион.

– Да, это сверх коварства. Такое мог придумать только больной разум.

– Это придумал разум, ослепленный алчностью, – сказал трайд. – Я не могу понять только одного – какой нечеловеческой жестокостью нужно обладать, чтобы ради богатства уничтожить целую планету, и думаю не пойму никогда.

– Дело пахнет войной, – процедил констат.

– Если с Калахасом заодно и Королева Веспер, то войны, действительно, будет не избежать.

– Талласа – планета сумасшедших, – гнул свое Тасури. – Они там все помешаны на войне. Видимо, им стало мало драконов.

– Вам не кажется, что это все какой-то бесконечный, кошмарный, бредовый и нереальный сон, который снится всем нам? – внезапно спросил Марион. – У меня такое впечатление, что все происходит в длинном, невозможном сне, из которого я никак не могу вырваться.

– Страшно то, что это не сон, а реальность, – грустно качнул головой Джанулория.

Пока офицеры разговаривали, Дели сидела возле Юл-Кана, пытаясь хоть как-то отвлечь его от тяжелых раздумий. Истан лежал на ее коленях, как маленькое пушистое солнышко. Ихлак посмотрел на него, печально произнес:

– Он тоже остался совсем один, как и я.

– А ты возьми его себе и вас будет уже двое. Двое – ведь не один.

Тот покачал головой.

– Нет, мой лонг ушел, и другого у меня уже не будет. А этот малыш лизнет руку кому-то другому, а, может, и нет.

– Лизнет руку? – удивилась девушка. – А что это значит?

– Это значит, что лонг признал хозяина и будет предан ему, пока дышит.

– А если лонг никому не лизнет руку?

– Значит, он так и не нашел достойного хозяина. Они чувствуют, кому готовы служить, а кому – нет. Таких больше нигде не найти. Преданность – дорогое сокровище. Предать может любой, только не лонг, – вздохнул Юл-Кан и замолчал.

– Расскажи мне о Дел-ла-фии, Шалкай, – неожиданно попросил он. – Эрадорх говорил мне, что там очень красиво: другие деревья, другое небо, реки, даже воздух другой. А я никак не могу себе представить другое небо и деревья.

– Да, на Деллафии все не так, как здесь. Там много лесов, рек, и цветы, цветы, цветы. Знаешь, какие там цветы, Юл-Кан! Красивые, разноцветные, большие, маленькие, – всякие. У нас много огромных домов и у всех жителей такие же волосы, как у меня, – Она тряхнула своими длинными темно-фиолетовыми локонами. Волосы заискрились в свете кристаллов, как капельки росы на тончайшей паутине. – Ну, разве что имберианцы, да

т, ахьянцы другие. А небо... Небо – просто сказка. Тебе бы там понравилось. А какие у нас бывают праздники! У вас бывают праздники? Вы танцуете? Смотри, как мы танцуем! – Дели вскочила на ноги и закружилась, обнимая Истана, а ихлак во все глаза с восхищением смотрел на девушку, даже на время забыв свое горе.

Империта весело бухнулась рядом с ним, снова заговорила:

– А еще можно летать целый день и ничего не делать. Правда, если об этом узнает отец, тогда лучше держаться от него подальше...

Она еще много чего рассказывала ихлаку о Деллафии, а тот заворуженно слушал, раскрыв наполовину свои уши – бутоны.

– Ты очень красивая и странная, Шалкай, – вдруг произнес Юл-Кан. – У тебя глаза и в самом деле цвета лепестков шалкай, а волосы, как грозное небо. Ты пришла на Ихлакит, чтобы защищать его, и я этого никогда не забуду.

– Империта, похоже, развеяла печаль Юл-Кана, – глядя на них, произнес Джанулория с легкой улыбкой.

– Да, они нашли общий язык, – кивнул трайд, видя детский восторг в глазах ихлака. – И я рад этому.

– Империта изменилась, – т, ахьянец хитро взглянул на Мариона. – Внутри она не так слаба, как это кажется на первый взгляд.

Тот задумчиво смотрел на девушку, думая о том, что впервые видит деллафийку в брюках, из которых виднеются голые ноги и короткой безрукавке. А ведь деллафийская мода строга и поэтому женщины носят только длинные платья, закрывающие ноги, руки, плечи, а тут видно и ноги, и руки, и даже живот. Но саму империту это, видимо, нисколько не волновало.

– Она просто ребенок, играющий в свои детские игры с добрыми и злыми героями, – отозвался он. – Боюсь, что империта не осознает всей опасности. Ей интересно, любопытно, необычно, но она играет.

– Эй, кээсцы! – окликнул их пират. – Какого дьявола мы торчим тут, словно крысы? Я смотрю, вы не торопитесь на свою Деллафию. Раз уж марганов нет, чего мы застряли в этих проклятых горах? Везите меня на свою планету и кончим с этим делом.

Марион зло посмотрел на него.

– Благодаря тебе, подлец, мы не можем улететь отсюда, потому что у нас нет корабля.

– Что?! – так и подпрыгнул Эрго. – Штурвал и катапульта! У вас нет корабля? Чтоб я сдох, вот дерьмо! Невероятно, мало того, что я попал в лапы чертовых парасконцев, так нам еще и предстоит сгнить на этом треклятом шарике! Вы что, пешком сюда пришли с Деллафии?

– Да, пешком! – раздраженно крикнул трайд. – А, если ты не заткнешься, то я запущу тебя в космос пинком под зад!

– Клянусь космосом, парасконцы нынче пошли хуже пиратов, – забурчал тот. – Чтoб им всем пусто было! Где только такие берутся...

Он осекся и замолчал, потому что вдруг увидел нечто подозрительное.

– Чтo за чертовщина? – вырвалось у него, и он поспешно отполз от камней.

Кристалльный лес, изрядно пострадавший от рук пиратов, внезапно начал светиться сильнее. Белое сияние стало глубже, ярче, причудливые рисунки на стенах слились в одно сплошное, быющее по глазам пятно. А алиманы все наливались, наливались нереальным густым молочным туманом, испуская лучистые таинственные искры, словно внутри камней спрятались маленькие мигающие звезды. Сияние становилось мощнее и мощнее. Оно озаряло пещеру, как полуденное солнце, пока, наконец, стало невозможным, нестерпимым.

– Бежим! – ихлак схватил девушку за руку, и они помчались вон из пещеры.

– Чтo это было? – задыхаясь, спросила Дели, когда выскочили наружу.

Офицеры молчали, не зная ответа на этот вопрос, тревожно поглядывая в темноту проема. Злобно чертыхался пират, кривясь от боли.

– Чтo за проклятая планета! То одно, то другое, то третье! Зря я связался с этим делом!..

А день над Камарленом был солнечный, безмятежный. Вода быстро испарялась, оставляя после себя мокрую изрытую землю, и легкими облачками гуляла по небу.

И вдруг из гор Ялтхари, словно пронзили их насквозь, вырвались фонтанами ослепительные неуждержимые столбы яркого света. Они взмыли высоко вверх, затмевая само солнце, которое на их фоне казалось бледным и съезжившимся комком, и где-то на головокругительной высоте слились в нечто невообразимое, огромное, сияющее, умопомрачительное. И это нечто все ширилось, разрасталось огромными кругами, заполняя все небо, пока, наконец, не влилось в другие такие же фонтаны света, вырвавшиеся на востоке, западе, юге...

Казалось, само небо сошло с ума и теперь полыхало магическим, прекрасным и жутковатым куполом, накрывшим весь Камарлен.

Это было так удивительно, непонятно и красиво, что все раскрыли рты в немом изумлении.

Но тут громко вскрикнул пират и с выпученными глазами повалился на землю. Он лежал в каком-то странном оцепенении, беззвучно открывал рот, словно рыба, выброшенная на берег, судорожно царапая пальцами камни. В его глазах стоял дикий безотчетный ужас, а лицо перекошилось, будто в припадке сумасшедшей боли.

– Вставай, кусок падали! – злобно встряхнул его трайд. – Хватит ломать комедию! – но тот не реагировал.

– По-моему, он не притворяется, – беспокойно склонился над пиратом Джанулория. – У него какой-то приступ. Видите, как взмок.

– Приступ хитрости, – недоверчиво поцедил Марион, отпуская Эрго.

В небе все еще пылало ослепительное сияние. И Дели была уверена, что это проснулись кристаллы после долгого сна и явили Камарлену свою силу. Но на что направлена эта сила?

Купол света исчез также внезапно, как и появился. Пропали и столбы – колоссы, быющие из гор. Перед ними снова было обычное небо, залитое солнцем.

– Корабли и пушки! – донеслось до них кряхтенье пирата. – Чтo это было, Призрак его дери!

– Может, лучше ты нам скажешь, что это было? – бросил Марион.

Тот быстро взглянул наверх и, немного успокоившись, сказал:

– Я чуть не сдох, клянусь вселенной! Не знаю, что это было, но я, действительно, едва не скопытился, не сойти мне с этого места! А все эти треклятые камни, будь они неладны! Неслыханное дело – Альфадей Эрго почти обделался от страха! Нет, нужно срочно сматываться отсюда, пока не вляпался в очередное дерьмо! – он кое-как поднялся на ноги, утер вспотевший лоб.

– Что бы все это значило? – задумчиво проговорил т, ахьянец. – Впервые в жизни вижу подобное.

– Я хочу вернуться в пещеру, – заявила Дели, объятая внезапной мыслью.

– Я не пойду ни в какие пещеры! – испугался пират. – Я теперь к этим проклятым камням больше не притронусь ни в жизнь! Пусть лучше меня сожрут марганы!

– Нам и в самом деле лучше вернуться туда, – сказал трайд, не слушая Эрго. – Думаю, алиманы не причинят нам вреда, а здесь снова могут появиться эти твари.

– Режьте, а я никуда не пойду, – вновь завел пират. – Эти камни едва не отправили меня к духам моих прабабушек, а я должен опять идти к ним? Ну, уж нет, я не дурак!

Марион схватил его за шкуру, толкнул к входу.

– Пошли! – приказал он.

– Хотя я и пират, но тоже имею права! – заорал Эрго. – Я имею право не идти! Метеорит тебе в зад, проклятый кээсец!

Кристаллы снова тихо сияли, наполняя пещеру спокойствием и умиротворением, снова на стенах плясали таинственные изображения, снова нежные блики играли на гранях.

Дели подошла к камням. Трайд понял ее, спросил:

– Вы уверены, империта?

– Да, – ладонь девушки осторожно легла на прохладную поверхность алимана.

Через какое-то время она почувствовала уже знакомую пульсацию, как чуть ощутимые толчки сердца, но они все слабели, слабели. И, как далекое-далекое эхо, в мозг лился тихий ручеек, оставшийся от прежнего фонтана.

... Смерть отступила. Они сделали свое дело, и теперь царит покой. Смерти нет, и они снова спят... спят... спят...

Дели убрала руку, улыбнулась. На нее смотрели внимательные, тревожные, полные ожидания глаза.

– Все закончилось, – сказала она облегченно. – Опасности больше нет. – И добавила: – Не спрашивайте меня, как я это узнала, я все равно не смогу объяснить.

Все были озадачены, но в глубине души им очень хотелось верить словам империты.

– Что же теперь будем делать? – спросила Дели. – Раз марганов нет, то можно наконец-то выбраться из этих гор. Честно говоря, они мне уже опостытели.

– У нас нет полной уверенности, что марганов, действительно, нет больше, – сомневался т, ахьянец. – Что-то не верится, что они так враз исчезли, когда даже Большая Вода не остановила их.

– Джанулория, ты порой бываешь таким занудой, – неожиданно засмеялся трайд. – Ведь ты сам волшебник, а в чудеса не веришь.

– Я не волшебник, а арон¹⁹, и таких чудес не бывает, – отрезал тот.

– Но мы же не будем торчать в этой пещере вечность! – воскликнул Тасури. – А, не выйдя отсюда, не узнаешь, есть марганы или нет. К тому же пожалейте меня: я скоро высохну, как мумия, без воды!

– А я от голода, – поддакнула Дели.

– А я от вашей болтовни, – подал голос пират.

– Ну что же, Джанулория, ты проиграл: нас большинство, – подвел итог Марион. – Нам, действительно, нужно добыть пищу и воду, а, сидючи здесь, их не найдешь.

Решили испытать тант. Для шестерых места было явно мало. Возмущалась Дели, отказываясь сидеть на чьих-либо коленях.

¹⁹ Арон – так называют жителей Т, ахьяна, обладающих необычными способностями (Таинственной силой). Они создали первый Исследовательский Центр, изучающий другие расы. Но не все т, ахьянцы – ароны.

– Ну, красотка, чего ты стесняешься? – ухмыльнулся Эрго. – Сидеть на коленях очень даже приятно.

– Наглец! – вспыхнула девушка. – Вот врежу андором, вообще без коленей останешься!

– Не горячись, красотка, ты же не хочешь идти пешком по проклятой жаре.

– Учти, пират, на Деллафии ты за все ответишь! – негодуя воскликнула империта.

– До Деллафии еще добраться надо, милочка, а пока мы на этом чертовом шарике и даже не можем выбраться из пещеры, – хохотнул тот.

Тут ихлак без слов легко, как перышко, схватил пирата за шиворот одной рукой и вытолкнул из танта. Дели прыснула.

– Сплошной беспредел! – обиженно пробурчал Эрго. – Куда катится Вселенная?

Наконец, они кое-как втиснулись. Дели все же согласилась сесть на колени Юл-Кану, сжимая в руках Истана. Пирата зажали Тасури и Марион, и он отчаянно бранился, на чем свет стоит.

Тант медленно пополз к выходу, едва отрываясь от земли. И вот угрюмая громада гор Ялтхари осталась позади. С непривычки яркий солнечный свет слепил глаза, а жара ударила по телу знойной волной. Поблескивали лужи, дрожал горизонт, тишина висела, как натянутая струна. Царило спокойствие, даже ветер, казалось, замер, прислушиваясь к чему-то.

Этот черепаший полет навевал сон, и Дели уже начала клевать носом, когда тант странно тряхнуло, и он тяжело упал на землю. Взвизгнул проснувшийся лонг, охнула империта, больно ударившись головой, чертыхнулся трайд.

– Все, приехали, – сказал он, вылезая из танта.

– Что случилось? – любопытствовала девушка, потирая ушибленную голову.

– Сломались, – Марион посмотрел на пирата, спросил с усмешкой: – Эрго, где вы взяли эту консервную банку?

– На Клосатле²⁰. Одолжил у одного человечка, – недовольно ответил тот.

– И, конечно же, он подсунил тебе самое барахло. Вот она – жадность в чистейшем виде. Ну что тебе стоило купить новый, нормальный тант, если уж Калахас так щедро вам платил?

– А на кой ляд нам был нужен новый тант? Делов-то туда – сюда камни перевозить, там годился и этот! Конечно, он сдулся, когда в нем сидят пятеро бугаев!

– Ладно, теперь поздно кулаками махать. Идемте пешком, река уже близко.

Прыгая по лужам, они пошли дальше, внимательно следя за местностью, опасаясь все же нападения марганов. Эрго с интересом поглядывал на девушку.

– Штурвал и катапульта! Неужели ты и в самом деле деллафийская империта? Если это так, то какого черта ты делаешь здесь?

Дели не обратила внимания на его слова, а пират продолжал:

– Должно быть ты дьявольски богата. Еще бы! Ведь ты наследуешь весь Союз после твоего папаши! Звездный Призрак! Вот везет кому-то!

Неожиданно рядом возник трайд.

– Я предупреждаю тебя в последний раз, пират! Еще одно лишнее слово, и ты пожалеешь, что родился на свет!

– Хорошо, я умолкаю, только не заводись, – примирительно поднял руки пират.

И они вновь шли. На этот раз Дели держалась ближе к офицерам, избегая общества Эрго.

Вскоре перед ними заблестела в лучах солнца небольшая река – приток Эрадорха. Течение ее было не такое сильное, да и выглядела она более спокойно, чем ее грозный, коварный брат.

²⁰ Клосатль – промышленная планета Деллафии. Находится в системе Галия. Производит космические корабли, шаттлы, флайеры, эстелы и пр. летательные средства.

Тасури, не думая ни секунды, тут же бросился в воду, с наслаждением отмачивая свое изнуренное солнцем зеленое тело. Остальные, утолив жажду, сидели на берегу.

– Я думаю, нам все же надо перебраться на ту сторону, – сказал трайд. – Здесь нам вряд ли удастся встретить какую-нибудь живность.

– А на той стороне что, трава вкуснее? – съехидничал Эрго.

– Нет, просто я хочу утопить одного надоедливового пирата, – зловеще произнес офицер. Джанулория и Юл-Кан уже были в воде.

– Провалиться мне в Черную дыру, если я полезу в воду! – заорал пират. – Да здесь потонешь – пикнуть не успеешь, никому и дела не будет! Штурвал и катапульта, наверняка там сидят какие-нибудь мерзкие скользкие твари и ждут момента кого-нибудь сцапать!

– Тебя никто не просит переплывать эту реку, – отозвался Марион. – Можешь остаться тут и сидеть до скончания света.

Он посмотрел на девушку, спросил:

– Вы сможете переплыть, империта?

– Я постараюсь.

– Если хотите, я буду поддерживать вас.

– Я хочу, – просто согласилась та, и они погрузились в теплые потоки.

Река оказалась глубокой и не такой спокойной, как казалось на первый взгляд, к тому же разболелось плечо, и Дели быстро устала, но твердая рука трайда, державшая ее, придавала силы. Позади всех плыл Эрго.

– Звездная пыль! – Крикнул он во все горло. – С каждым разом все лучше и лучше! Теперь я плыву в этой луже, словно головастик, в окружении кээсцев и черт знает еще каких монстров, которые так и норовят отхватить от меня изрядный кусок! Астероид мне на голову, оно укусило меня! – Взвыл он дурным голосом. – Мать моя Земля! Я лишился ноги!

– Не обращайтесь внимания, империта, – сказал трайд, почувствовав, как дрогнула рука девушка. – Он хочет запугать нас, но в камарленских реках никогда не водились хищники.

– Вы это точно знаете?

– Да.

Между тем, Эрго завел веселенькую песенку космического пирата, вопя на всю округу:

– Лазером вжик-вжик! Тут и там головы прыг-прыг! Красота!

Наконец, они выбрались на берег. Пират тоже благополучно добрался.

– Чтоб я сдох, теперь меня засмеют все космические пираты! – ворчал он. – До чего я докатился!

Отдохнув, пошли дальше, а через несколько фионов наткнулись на семерых мертвых марганов.

– Какой ужас! – содрогнулась Дели от отвращения.

– Странно, никаких внешних повреждений, – бормотали офицеры, осматривая трупы. – Будто их удар хватил.

– Это камни. Я же говорила, что опасность ушла. А опасность – это марганы. Вот вам и подтверждение.

– Почему же тогда пират живой? – спросил Джанулория. – Он тоже причастен к смертям, как и марганы.

– Значит, эти камушки не считают меня виновным, – с честным видом отозвался Эрго.

– Вот еще! – фыркнул т, ахьянец. – Да ты должен был первым схватить удар после всех твоих злодейств.

– Его и хватил удар, только он почему-то очухался, к сожалению, – произнес Марион, и они поскорее покинули это неприятное место.

Стремительно опускались сумерки, когда они заметили небольшое стадо тингоров. Под покровом сгущающейся темноты им пришлось ползти, чтобы не спугнуть животных. И вот,

наконец, – яркая вспышка лазера. Тингоры в страхе метнулись прочь. Неужели промахнулись? Но раздался радостный возглас трайда:

– Предстоит королевский ужин! Это вам не безвкусный сурхан, это нечто гораздо лучшее!

А через несколько минут уже горел веселый огонек костра, и ноздри щекотал дурманный аромат мяса.

Дели была безмятежна и беспечна, возилась с Истаном, хохотала, озаряя округу своим залихватским звонким смехом.

Пират, наблюдая за ней, бормотал под нос.

– И это империта деллафийская? Чтоб я сдох, если это так. Бедный ее папашка поди вздохнул с облегчением, когда отделался от нее, спихнув на этот шарик. Чего она тут забыла? А все же хороша, чертовка, клянусь космосом!

Офицеров мучил вопрос: почему так долго не летят корабли с Деллафии? И они хмуро сидели, погруженные в невеселые раздумья.

Ночь вступила в свои права – безлунная, тихая, настороженная.

Дели завалилась спать, утихомирив разыгравшегося лонга. Эрго тоже последовал ее примеру и лег на землю, широко разметав свое тело. Офицеры и ихлак все сидели, иногда перебрасываясь короткими тихими фразами.

Медленно ползли часы, падая беззвучными каплями на спящую землю. Это было время долгих философских размышлений, смутных размытых мечтаний и желаний.

Марион расслабленно растянулся на теплой земле, заложив руки за голову. Над ним нежно сияли яркие заманчивые звезды, говоря о чем-то своем – непонятном и таинственном – и звали, звали куда-то. И он попал в их сладкий плен. Его разум устремился туда, ввысь, как свободная легкая птица, растворился в необъятной высоте, в манящем сиянии, стал неотделимой частичкой вселенной, одной из этих крохотных звезд. Оторвавшись от суетной земли, он парил где-то над реальностью, за гранью воображимого в каком-то волшебном, совершенно ином, странном, но поэтому таком близком и прекрасном мире, о котором он, возможно, втайне мечтал, глядя в небо. Он ликовал, наслаждаясь, обретенной легкостью, свободой – свободой от проблем, дел, своего собственного тела, – и, как чистая первозданная энергия блуждал в лабиринтах космоса. Перебирал звезды, словно драгоценные камни, из руки в руку, зажигал новые солнца, создавал планеты и галактики из пыли, из ничего, из хаоса.

Из объятий другого мира его грубо вырвал громкий гул, ворвавшийся в звенящую тишину, словно ураган. Этот гул невозможно было спутать ни с каким другим звуком. На Камарлен приземлялись корабли.

Подскочили все, впившись глазами в ночное небо, но там было пусто, не считая светлячков звезд.

– Да здравствует Деллафия! – Крикнула Дели, пустившись в пляс от радости.

– Вот и прилетела неслышно моя смерть, оборвав жизнь в самом разгаре, – весьма поэтично произнес Эрго, чего от него никто не ожидал. – Что ж, такая у меня видно судьба!

Офицеры принялись пускать сигнальные ракеты, пронзая покров ночи фейерверками огней, которые просто не могли не засечь.

Прошел час томительного ожидания. И вот он – долгожданный стрекот летящих флайеров. Все ближе, ближе. И вскоре их взгляду предстали две удлиненные округлые капсулы серебристого цвета со знаком Деллафии на боку. Зависнув на несколько секунд, мягко опустились, пружинисто коснувшись земли. Дверцы раскрылись и перед ними предстали двое деллафийцев. Широко улыбаясь, подошли к офицерам, крепко пожали им запястья.

– Рады вас видеть, трайд Марион... констат Тасури... энод-арон Джанулория... вас линда²¹... – деллафиец удивленно посмотрел на девушку, перевел взгляд на ихлака и пирата: – Вас... и вас...

– А мы уже отчаялись вообще выбраться с этой планеты, – улыбнулся Марион. – Вы не спешили к нам.

– Простите, не представились. Новар Эллай и эвер Юфиль, – отчеканил деллафиец. – Так как из Исследовательского Центра Камарлена не поступало никаких сигналов о помощи, или о каких-либо неполадках, мы не подозревали, что здесь могло что-то случиться и, поэтому не было приказа вылетать на Камарлен. Но ваш корабль «Эндор» долгое время не выходил на связь, и мы-таки заподозрили неладное.

– Ну что ж, лучше поздно, чем никогда, – усмехнулся трайд. – Раз вы здесь, доставьте-ка поскорее нас в Исследовательский Центр, пока мы совсем не одичали.

– С радостью, трайд, но позвольте один вопрос.

– Да.

– Где весь персонал Исследовательского Центра?

Марион помрачнел.

– Новар, это долгая неприятная история, – сказал он. – Вы ее обязательно услышите, но немного позже.

Затушив костер, расселись по флайерам: Дели, трайд, Юл-Кан – в один, Тасури, Джанулория и Эрго – в другой.

Ихлак со страхом вжался в кресло, боясь посмотреть в окно.

– Очень высоко, – сказал он, жалобно глядя на звездных людей.

Дели рассмеялась, взяла его за руку.

– Да разве это высоко? Вот если бы мы летели в космос – вот там было бы по-настоящему высоко. Камарлен, то есть Ихлакит был бы маленьким, маленьким, как мой кулак. А здесь даже упасть будет не больно. Это же, наоборот, здорово! Смотри, вон какие-то деревья, речка, а вон Ялтхари!..

Девушка без умолка болтала всю дорогу, занимая Юл-Кана, а Марион, не говоря ни слова, безотрывно смотрел в простирающуюся вокруг них инопланетную ночь, озаряемую огнями флайеров, и думал о чем-то своем.

На космодроме Исследовательского Центра возвышались два фрегата – гигантские, по сравнению с флайером, внушительные, суровые, рожденные для длительных перелетов в безвоздушном пространстве, неприступные и несокрушимые, как скалы.

На этот раз здесь не было так уныло и пусто, как в прошлый раз – сустились офицеры возле кораблей, Исследовательский Центр светился огнями и жизнью, несколько человек бежали встречать прибывшие флайеры, и все было залито ярким светом прожекторов.

Их закружил круговорот лиц, голосов – радостных, вопрошающих, жужжащих вокруг них, как рой пчел, а многочисленные руки незаметно, словно по волшебству перенесли их в Исследовательский Центр. На все вопросы они лишь устало отмахивались, повторяя:

– Ради космоса, дайте прийти в себя, дайте нормально поесть и попить, а потом можете задавать любые вопросы.

После сытной еды офицеры ушли на длительное совещание, а Эрго, по настоянию трайда, поместили в изолированную комнату и, как к особо злостному преступнику, приставили стражу. Дели не стала задерживаться и, поев в свое удовольствие, тихонько удалилась. Найдя свободную комнату, рухнула на постель, показавшуюся мягчайшей периной после стольких ночей, проведенных на жесткой земле под открытым небом. Истан привычно устроился рядом, прижавшись теплым боком.

²¹ Линда – обращение к девушке; линдалина – к замужней женщине; лонд – к мужчине (деллаф.)

Она уже начала засыпать, сладкая дремота уже напевала ей свою тихую песню, когда в дверь кто-то робко постучал.

– О Деллафия, нигде нет покоя! – с сожалением согнав сон, проворчала девушка. – Кого там еще принесло? Войдите!

Дверь послушно отъехала в сторону, и Дели остолбенела от изумления. Перед ней стояла Императрица Дельфина. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, не находя нужных слов.

Дельфина была, как всегда, прекрасна. Нежное бледное лицо с огромными кроткими глазами, длинные роскошные волосы собраны в замысловатую прическу, на голове – корона из кроваво-красного лавальса²², – настоящее произведение искусства, которым можно было любоваться, не отрываясь, хоть сто лет. Красивое желтое платье до пят с широким изящным поясом и длиннющий шлейф, ниспадающий с головы мягкими складками.

Во всем ее облике сквозило величие, природная грация и неуловимая печаль, затаившаяся в уголках голубых глаз.

– Императрица? – наконец, опомнилась Дели, вскакивая с кровати. – Как вы оказались здесь?

– Филадельфия! – воскликнула та и, не сдержавшись, заключила дочь в объятия. – Что здесь произошло? Где вы были? О Деллафия, я едва не сошла с ума, когда мне сказали, что вас нигде нет! Зачем ты полетела на этот ужасный Камарлен? Вы опять поссорились с Императором? Как ты выглядишь, Филадельфия? Что это за безобразный вид?

Империта мягко выбралась из ее рук, оглушенная потоком слов.

– Не нужно было так переживать, Императрица, – сказала она. – Ничего особо страшного не произошло. Просто мы потеряли корабль и не могли связаться с Деллафией.

– По-твоему, потерять корабль на неизвестной планете – это ничего страшного? Да вы, наверное, совсем ничего не ели и целыми днями бродили по этому всеми забытому Камарлену? Посмотри на себя, ты же ходячий скелет, облаченный в какие-то рваные, грязные лоскуты! Ты же совсем сгорела, это не кожа, это уголь! А твои волосы? И в таком виде ты ходишь среди мужчин? Мне даже подумать об этом страшно! Ты – будущая Императрица, а, глядя на тебя, можно спокойно сказать, что ты – какая-то нищая голодранка! Что ты вообще забыла на этой планете?

Дели очень, до зуда хотелось сказать, что, когда каждую минуту ждешь опасности, нападения, когда зависишь на волосок от смерти, то тут уж не до внешности, не до красоты, но промолчала, зная чересчур впечатлительную, вплоть до болезненности, натуру матери.

– Я все исправлю, Императрица, – пообещала она.

– А что это за грязная тряпка на твоей руке? – подозрительно спросила Дельфина. – И что это за темные пятна на ней? Только не говори, что это кровь, Филадельфия!

– Это просто царапина, – неохотно промямлила девушка, но Императрица, брезгливо морщась, принялась развязывать повязку.

– Деллафия, что это? – воскликнула она, увидев длинную кровавую рану. – Царапина? Это ты называешь царапиной? Я спрашиваю, что это такое?

– Я же говорю – царапина. Просто зверь зацепил...

Дельфина со стоном, бессильно опустила на кровать.

– Филадельфия, – раздался ее слабый голос. – Мне кажется, ты сошла с ума. Тебя едва не убил какой-то дикий зверь, ты довела себя до безобразного состояния, ты, словно дикарь, вооружилась мечом... Это...это просто уму непостижимо!

В это время в ее руку ткнулся носом проснувшийся Истан. Императрица в ужасе воскликнула, отшатнулась, глядя на лонга, как на чудовище.

²² Лавальс – драгоценный камень, добываемый на Деллафии.

– Что... что это? – спросила она, запинаясь.

Дели взяла Истана на руки, обидевшись, что его назвали, как предмет – что.

– Это не что, а кто – лонг, – сказала она, поглаживая малыша. – Между прочим, он лишился матери, и остался совсем один. Его зовут Истан. Правда, красивый?

Дельфина с отвращением смотрела на зверя в ее руках, произнесла:

– Как ты можешь держать его, прижимать к себе, Филадельфия? Ведь он совершенно дикий и, возможно, даже заразный. Эта планета, наверняка, кишит всякой гадостью и заразой.

Дели вспыхнула от негодования, горячо воскликнула:

– Камарлен не заразный, Императрица! И этот лонг не заразный! Прекратите отзываться о Камарлене с таким презрением, словно вы все о нем знаете! Здесь живут замечательные существа, и я не позволю плохо о них думать!

Раньше бы Дели никогда не позволила себе повышать голос на Императрицу, но сейчас ее просто взбесили эти полные брезгливого отвращения слова, эти охи-ахи, вздохи, стоны, причитания.

– Хорошо, Филадельфия, я не для того проделала такой огромный путь, чтобы обсуждать эту планету и ее жителей. Пойми, я беспокоюсь за тебя, за будущую несмысленную Правительницу Деллафии. Я прилетела даже втайне от Императора.

Дели скривилась при упоминании о своем будущем и об отце, а Дельфина продолжала:

– А теперь приведи себя в порядок: немедленно сходи в медицинский отсек, залечи свою ужасную рану, умойся, причешись, переоденься – я привезла с собой несколько твоих платьев – и, пожалуйста, отпусти этого зверя.

– Хорошо, Императрица, – буркнула девушка, положив Истана на кровать.

– И отдыхай, – добавила та и, покачав головой, вышла из комнаты, оставив империту.

Неохотно Дели направилась в душевую, после чего расчесала волосы и начала хмуро копаться в платьях, оставленных матерью. Она терпеть не могла деллафийскую моду, все эти дурацкие, неудобные, хоть и красивые платья, в которых невозможно лазать по деревьям, спускаться по веревке с высоты в несколько фионов, сбегая из своих покоев, играть в пиратов, в общем, совершенно неподходящая одежда для жизни.

Наконец, со вздохом выбрала наиболее простое платье, облачилась в него, но все равно почувствовала себя, как в скорлупе, – неудобно, тесно. После чего сходила в медотсек и, как и обещала, заживила рану в регенерационной камере.

Возвращаясь в свою комнату, услышала негромкое бормотание, доносившееся из-за чьих-то дверей. Прислушавшись, узнала голос трайда, произносивший:

Пустыня и тьма,
Лишь звезды, звезды.
Здесь ночь так длинна,
Как девичьи слезы.
Зовут и сжигают
Пустые планеты.
Как воздух растают
Живые скелеты.
О космос, жестокий,
Прекрасный, невинный,
В тебе одинокий
Я, юный, старинный.
В тебе умираю
И снова рождаюсь,
Как пепел сгораю

И вновь возвращаюсь.

Голос трайда был приглушенным, необычно печальным и задумчивым, словно он переживал все то, что произносили его губы. Эти стихи были незнакомы девушке, но ей понравилась их звучание. Из каюты вновь послышался голос Мариона:

Бежим скорей отсюда прочь
Горит дорога за спиной.
И всюду ночь, одна лишь ночь
Стоит безмолвною стеной.
Нас догоняют привиденья
И сотни жадных, мертвых рук.
Здесь все – мираж, и все – виденья
Игра господ, проклятье слуг.
Безумство страхов и падений
Вонзило зубы в нашу кровь.
Падем, восстанем, словно тени,
И умирать не страшно вновь.
Сожрет огонь немые души,
И выжжет нам глаза в ночи
Нам убежать отсюда лучше,
Чем видеть смерть своей свечи.
Бежим, бежим, бежим туда,
Где воды смоют пепел едкий,
И тела ржавая руда
Вновь засияет камнем редким.
И там не будет привидений,
И сотен жадных, мертвых рук.
Сбежим от тьмы без сожалений,
Прорвав судьбы порочный круг...

Голос затих, раздались шаги, и дверь внезапно широко раскрылась. Дели вздрогнула от неожиданности, а на нее смотрели два холодных голубых озера трайдовых глаз.

– Что вы здесь делаете? – грозно спросил он.

– Я... я проходила мимо, – смутилась девушка и почувствовала, что лицо ее покрывается предательской краской. – Я ходила в медицинский отсек. Видите, рана затянулась, даже шрама не осталось, – она задрала рукав платья, показывая чистую кожу плеча.

– Да, я вижу, – сухо отрезал тот. – Это все, что вы хотели мне сообщить?

– Нет, я еще переоделась в новое платье, – вяло промямлила та, полыхая, как маков цвет.

– Я вижу, – повторил офицер.

Дели посмотрела на него, спросила:

– Должно быть, я вам помешала?

– Если быть честным, то – да. Я не люблю, когда мне намеренно или ненамеренно мешают.

– Я вовсе не намеренна была мешать вам, трайд, – миролюбиво произнесла она. – А что это? – Девушка увидела в его руке небольшой прямоугольный предмет. – Неужели это книга, трайд? Настоящая бумажная книга?

Марион внимательно посмотрел на нее, как показалось девушке, в его глазах мелькнула искра любопытства.

– Да, это настоящая старинная книга.

– Как интересно! Я никогда не видела настоящих книг. Мне рассказывали о книгах мои учителя, и я видела их по модулю, но так, вживую – никогда. Я думала, что книги на Деллафии давно ушли в прошлое и ими никто не пользуется. Вы разрешите взглянуть?

– Это совершенно неинтересная книга, империта, – уклончиво ответил тот, явно не горя желанием продолжать разговор.

– Откуда вы знаете, трайд? – весело откликнулась Дели. – Книга не может быть неинтересной, особенно для тех, кто ни разу не видел ее. Ведь это так занимательно – узнать мысли другого человека, его мироощущение, взгляд на жизнь...

– Разве это интересно?

– Но ведь вы читаете ее, значит, она вас заинтересовала. Вы читали красивое стихотворение. Оно из этой книги?

Взгляд Мариона стал жестким и колючим.

– Вы подслушивали? – сурово спросил он. – Разве во Дворце вас не учили, что подслушивать некрасиво и недостойно?

– За кого вы меня принимаете? – воскликнула девушка, оскорбленная до глубины души. – Мне кажется, что вам безразлично, кто стоит перед вами – империта или самый последний пират, – вы одинаково грубы и бестактны в любом случае. Я даже не знаю, где вас учили этому или это врожденное?

Марион улыбнулся одними губами.

– Вы тоже не образец вежливости, империта. Мы с вами похожи, поэтому никак не можем ужиться.

– Мы ни капли не похожи, прекратите преувеличивать! Вы одним словом можете вызвать неприязнь к себе, трайд, а ваше неуважение просто отвратительно. Как вы могли сказать, что я подслушивала под вашей дверью!

– Но ведь это так, империта. Вы же слышали, что я читаю книгу.

– Я не собираюсь отчитываться перед вами и разговаривать с вами не желаю, но требую, чтобы вы извинились передо мной!

– За что извиниться? Я не вижу за собой никакого проступка.

Дели бросило в жар от гнева.

– Вы понимаете, что оскорбляете меня?

– Разве? – удивился Марион. – Мне казалось, это вы оскорбляете меня.

– Ну, знаете ли! – задыхнулась девушка. – Одно мое слово и вас могут приговорить к публичному распылу, трайд!

– Я прекрасно это осознаю, империта, – спокойно ответил тот, что взбесило Дели окончательно. – И вы можете требовать у Императора моего распыления, когда мы возвратимся. Я приму его с чистой совестью.

– Ха! – громко выпалила она. – Прекратите строить из себя героя, трайд. Если вы и показали себя храбрым офицером, это, видимо, не мешает вам быть невежественным, грубым, неотесанным чурбаном, которому следует поучиться хорошим манерам!

Лицо Мариона резко изменилось: глаза стали синими, в них полыхнули молнии, желваки заходили ходуном. Казалось, он сейчас выхватит свой бластер и пальнет в нее, не раздумывая.

– К сожалению, я ошибся на ваш счет, империта, наивно полагая, что Камарлен изменил вас. Вы остались такой же взбалмошной, сумасбродной особой. Если вас не устраивает мое общество, то скоро я избавлю вас от него, а вы можете сообщить на Деллафии о моей некомпетентности, несоответствии служебному положению и превышении своих полномочий. Также вы вправе требовать для меня смертной казни.

Дели слегка усмехнулась, желая уколоть его посильнее.

– Я непременно воспользуюсь этим правом по возвращении на Деллафию, трайд.

– Всего доброго, империта, – отстраненно и равнодушно попрощался тот.

Дели не ответила, лишь испепелила его злым взглядом и, повернувшись, гордо удалилась. Марион постоял, смотря ей вслед, и вернулся в комнату, покачивая головой.

Империта была в бешенстве. Яростно бросившись на кровать, она гневно смотрела в потолок, словно там видела ухмыляющееся лицо трайда.

Проклятый офицер! Несчастный недоделок! Скользкий мерзкий жабенок! – ругательства так и сыпались из нее. – Гадливый лупоглаз! Говорящая дубина! Герой-недоумок! Любитель старья! Чумная холера! А она была так тронута этими невольно подслушанными стихами! Она только-только начала думать, что трайд – не такой уж и грубый самодовольный выскочка, каким ей показался поначалу, и даже старалась быть с ним вежливой, дружелюбной и миролюбивой. А чем он ей отплатил? Очередной хамской нападкой в самой отвратительной форме. Нет, теперь-то она точно удостоверилась, что он – наглый, бездарный, никчемный, узколобый, крикливый, пакостный хрыч и никто более.

К своему удивлению, от этих нерадостных мыслей, круживших, как пчелы в растревоженном улье, девушка не заметила, как заснула.

Она спала, как убитая, когда ее разбудил трайд, бесцеремонно войдя в комнату.

– Какого черта вы здесь делаете среди ночи? – возмутилась Дели, яростно протирая глаза, чтобы проснуться.

Вид у офицера был расстроенный и какой-то рассеянный.

– Сейчас уже утро, – сказал он и плюхнулся в кресло. – Я пытался дозваться вас через дверь. Простите, что без приглашения.

Девушка зевнула, села на кровати и хмуро уставилась на непрошеного гостя.

– Ну и что вам нужно? Мало того, что вчера вы оскорбили меня, так теперь вы еще без спроса дерзко врываетесь ко мне. Вам не кажется, что это уже чересчур?

– Об этом я и хотел с вами поговорить, империта, – странно затуманенные глаза трайда остановились на Истане. – Должно быть, я был не очень обходительным с вами, – Дели фыркнула. – И говорил вам порой неприятные вещи, но, согласитесь, благодаря этим перепалкам, наши страшные приключения стали более терпимыми и не давали нам сдаваться. Кстати, вы очень удивили меня своей смелостью и выносливостью, – девушка усмехнулась. – В общем, я пришел, чтобы искренне раскаяться и просить у вас прощения.

Она снова фыркнула.

– Вы надеетесь разжалобить меня и тем самым избежать распыления? – презрительно бросила девушка. – Можете не стараться.

– О, меня совершенно не страшит распыление, империта, – грустно улыбнулся Марион. – Я знаю, что рано или поздно найду свою смерть и, если это будет распыл, – что ж, такая смерть ничем не хуже и не лучше любой другой. Не в этом причина. Просто я пришел от чистого сердца, не как трайд, которого вы ненавидите, а, как обычный деллафиец.

– Вы пьяны, трайд, и в этом причина, – скривилась Дели.

Марион посмотрел на нее.

– Я пью очень редко, империта, но ночью я решил сделать исключение и отвел душу после нашего с вами разговора.

– Только не говорите, что своими словами я так глубоко ранила вас, что вы с горя напились.

Офицер подошел к обзорному окну, скрывая горестную улыбку на своих губах, и неподвижно застыл, глядя куда-то, потом снова сел в кресло, взял на руки белоснежного лонга и принялся ласково поглаживать, опустив глаза. Дели напряженно следила за всеми его действиями.

– Впервые я прилетел на Камарлен, когда был еще совсем юнцом, – заговорил он вдруг. – Отец взял меня с собой на корабль. Тогда здесь было совсем по-другому: иссушенная, коричневая земля, где изредка проглядывал какой-нибудь чахлый полумертвый куст, лишь огром-

ные валуны пересекали эту пустыню. Кое-где встречались мелкие речушки и жалкие остатки чащ, кое-где вдалеке мелькали голодные отощавшие животные, которые, завидя нас, норovali сожрать заживо или убегали прочь, как от прокаженных. Впервые увидев камарленцев, я испугался. Это были жалкие, совершенно дикие существа, озверевшие от голода, которые влачили существование, едва прокармливая себя на голой безжизненной земле. Позже мы узнали причину умирания планеты. На Камарлене было массовое извержение вулканов, которое уничтожило два континента, затопив их полностью. Остался лишь один, но и он жестоко пострадал. Горячая лава, пепел, дым, землетрясения, ядовитые газы – все это убило некогда цветущую землю. Лишь через несколько лет Союз обнаружил Камарлен. Потом я часто летал с отцом сюда, видел, как по крупцам восстанавливали планету, видел, как разгребали груды пепла, очищали воздух, сажали леса, травы, копали новые русла рек, выпускали в новый мир детенышей животных и птиц, даже сам посадил несколько деревьев. Параллельно занимались туземцами, которые оказались на удивление способными и смышленными. Мы научили их воспринимать нас не как богов, а как друзей. Моими первыми друзьями были не деллафийцы, а камарленцы. Иногда я оставался тут на несколько даальсов, и мне было хорошо здесь. Эти леса росли на моих глазах, я знал каждое дерево в лицо. Теперь здесь настоящие джунгли, и сам Камарлен не узнать. Великий космос, я был свидетелем рождения новой планеты, новой расы, я видел, чего это стоило Союзу, это почти мой второй дом, и на этот дом покусились, а мы не смогли спасти невинно погибших. Боюсь, мы навсегда потеряли уважение и доверие аборигенов, ведь раньше они видели в нас друзей, старших братьев, а теперь вдруг такие же звездные люди жестоко обворовали их, убили многих, разорили луйхары, принесли столько горя. Я не буду удивлен, если ихлаки проклянут нас: на их месте я бы сделал именно так. Странно, я обрел второй дом, а теперь я могу его потерять. Жестокая насмешка судьбы! – он продолжал нервно гладить Истана, не поднимая глаз.

Дели зачарованно слушала офицера, мысленно переживая все то, что пережил он много лет назад. Перед ее взором проносились пустынные, покрытые трещинами сухие, обожженные земли, изрыгающие клубы дыма, вечно голодные, обозленные камарленцы, молодые побеги новорожденного леса, осторожные стрелы первой травы, взглянувшей на солнце, боязливые животные, ступавшие в новом мире, огромные деревья с огненной листвой, простирающейся в самое небо.

Офицер поднял на нее глаза, спросил:

– Должно быть вы удивлены, что я, обычно черствый и грубый, вдруг пустился в сентиментальные воспоминания и беседы, едва не выдавив слезу?

– Честно говоря, да, – призналась Дели. – Вчера вы просто взбесили меня.

Марион негромко рассмеялся.

– А вы просто восхитительны, когда злитесь, но умеете и других заставить дрожать от гнева.

– Да, если эти другие обладают неслыханной дерзостью.

Тот снова захохотал, потом вдруг спросил:

– Вы видели Императрицу?

Дели скривилась.

– Да, видела. Ради космоса, скажите, что она здесь делает?

– Императрица беспокоилась за вас и прилетела на Камарлен, насколько я смог понять с ее слов, – серьезно произнес он.

– Вы случайно ничего не рассказывали ей о том, что здесь происходило с нами? – спокойно спросила девушка.

– Я – нет, но, боюсь, Императрице все выложил фэй-капитан Кониваль, не по своей воле, разумеется.

– То есть?

– Видите ли, Императрица так нажала на беднягу, что ему не оставалось ничего другого, как сказать ей все, что он узнал от нас.

– И про марганов, и про драки, и про все, все, все? – ужаснулась Дели.

– Думаю, да.

– Какой кошмар! И что же Императрица?

– По его словам, упала в обморок.

– Черт! – в сердцах воскликнула Дели. – Только этого мне не хватало! Теперь Император все узнает и тогда меня точно бросят в самое глубокое подземелье.

– В подземелье? – удивился офицер. – Но за что?

– За то, что я позорю всю императорскую семью и Деллафию. – Вздохнула та, сникнув.

Марион поймал ее взгляд, сказал:

– Неужели спасение планеты считается позором? По-моему, вы достойны Звезды Дракона²³, а не подземелья.

– К сожалению, так думаете только вы, трайд, – горько усмехнулась девушка и спросила, уходя от неприятной темы: – Когда мы улетаем?

– Мы – сегодня, а второй корабль останется, чтобы проверить, все ли спокойно на Камарлене и, чтобы восстановить работу Исследовательского Центра. Я хочу еще провести Мира-Лора, если он жив.

– Когда отправимся? – загорелась Дели.

– Вы тоже полетите, империта? – засмеялся тот.

– Конечно! Так просто вы от меня не отделаетесь.

– Хорошо, хорошо, я позову вас, – согласился офицер, поднимаясь.

– А вы не такой уж и отвратительный, трайд, – сказала девушка вдогонку. – Но это не значит, что я не могу вновь поменять о вас свое мнение! – И Марион, захохотав, удалился.

Он вызвал ее через час. Дели, вновь облачившись в свою старую рванную, но такую удобную одежду, бежала по коридору, когда наткнулась на мать.

– Нам нужно серьезно поговорить, Филадельфия! – Непривычно сурово заявила она.

Дели нетерпеливо остановилась.

– Императрица, пожалуйста, отложим этот разговор ненадолго, – попросила она. – Меня ждут.

– Куда ты снова собралась? – побледнев, спросила та. – Тебе мало того, что тебя едва не сожрали какие-то твари, так ты все не уймешься? Ты хочешь оставить Императора без наследницы? Зачем ты опять надела эти непристойные лохмотья?

– Императрица, успокойтесь, мне уже ничего не угрожает. Со мной ведь будут офицеры. Я скоро вернусь и буду в вашем полном распоряжении, – и империта побежала дальше, слыша голос матери:

– Я все расскажу Императору, так и знай! Ты смерти моей хочешь? А с этими офицерами у меня будет отдельный разговор!..

Она успела, как раз вовремя. У флайера были трайд, констат, энод-арон и ихлак.

– Вы не торопились, империта.

– Я отражала атаку Императрицы.

Марион понимающе усмехнулся, и вскоре они уже летели высоко над землей.

Офицеры надеялись найти луйхар Мира-Лора на прежнем месте и не ошиблись. К их невыразимой радости встречать флайер собралось много ихлаков, в числе которых стоял и Мира-Лор. Встреча была шумной, восторженной, трогательной и по-настоящему искренней. Мира-Лор не мог поверить, что видит самого Юл-Кана – живого и невредимого – и смотрел

²³ Звезда Дракона – высшая награда на Деллафии.

на огромного ихлака с неподдельным восхищением, как ребенок смотрит на своего любимого сказочного героя.

Офицеры без утайки рассказали обо всем, со страхом ожидая реакции ихлаков, и уже внутренне подготовились к гневным, но справедливым словам. Но то, что они услышали, отозвалось огромной благодарностью в их сердцах, и заставило еще раз восхититься благородством, добротой и проницательностью этих существ.

– По вашим глазам мы видим, что страшитесь вы нашего гнева, – заговорил Мира-Лор от имени всего луйхара. – И мы бы гневались, но гнева нет в наших душах, только горечь от стольких смертей. Да, мы не ожидали, что бывают злые, жестокие звездные люди, способные приносить боль и горе, но нас утешает то, что есть и другие звездные люди, готовые пожертвовать своими жизнями ради нас и Ихлакита, – это вы и ваши друзья. И мы не можем винить вас, как не может винить лонг своего хозяина. Он все равно будет предан ему до конца жизни, так и мы преданы вам.

Марион был тронут до глубины души: чего угодно ждал он от ихлаков, но только не этого. Он даже не сразу нашел нужные слова, потом облегченно вздохнул:

– Если бы вы знали, как я боялся, что вы отвернетесь от нас. Спасибо, друзья, мы никогда не забудем вашей доброты.

Потом офицеры еще долго бродили по луйхару, все оттягивая момент отлета и расставания. Дели спустилась к реке и обнаружила на берегу Джанулорию, который задумчиво и печально смотрел куда-то вдаль.

Девушка присела рядом.

– Вам нравится Камарлен? – Вдруг спросил он, не поворачиваясь к ней.

– Да, а почему вы спрашиваете?

– Просто я подумал, что однажды камарленцы создадут великую цивилизацию и полетят покорять космос. И я подумал, будет ли тогда еще существовать Союз Четырех, будем ли тогда мы, чтобы увидеть, как к звездам вырвется новая раса. Останутся ли камарленцы такими же чистыми, бескорыстными существами, когда поймут, что Вселенная покоряется им, или и их сердцами завладеет гордыня, тщеславие и алчность, как это случилось со многими другими, что сейчас превратились в прах? Еще я подумал, что и Камарлен будет меняться вместе с ними и, возможно, мы уже никогда не увидим всего того, что видим сейчас. Этого уютного луйхара, этой девственной равнины, этой прекрасной реки, не почувствуем этого кристального воздуха. Даже не знаю, почему я об этом думаю. Наверное, потому что был свидетелем расцвета и падения многих планет и это очень печально. Я бы не хотел, чтобы такая участь постигла и Камарлен.

– Я думаю, что не постигнет. Ведь Деллафия будет присматривать за Камарленом и не даст ему свернуть с правильного пути. К тому же камарленцы еще не скоро полетят в космос.

– Как знать, империта, как знать.

Дели взглянула на т, ахьянца.

– Вы думаете, они мечтают о звездах? – спросила она.

– А разве, нет? С тех пор, как мы впервые ступили на эту землю, думаете, камарленцы не задавались вопросом, откуда мы взялись? Думаете их не будоражат наши корабли, весь наш облик, столь не похожий на их собственный? Думаете, они не стали смотреть на небо другими глазами, зная, что где-то там существуют другие цивилизации?

– Не знаю, энод-арон, я еще плохо разбираюсь в психологии камарленцев, и не догадываюсь, о чем они думают.

– Честно говоря, я тоже совсем мало знаю их, хоть и летал сюда не раз, – признался Джанулория. – Я не знаю, мечтают ли они о звездах, хотят ли быть похожими на нас, или им нравится их простая понятная жизнь и им ни к чему лишние волнения. Чтобы лучше постичь их нужно очень много времени, но и тогда мы не сможем узнать их до конца.

– А вы не пробовали спросить их? – Задала девушка простой вопрос, который очень удивил т, ахьянца.

– Нет.

– Но почему? Ведь это самый доступный и легкий способ узнать их мысли и желания.

– Знаете, я не спрашивал, наверное, потому что боялся услышать ответы, какими бы они ни были.

– Но ведь вы – арон, вы должны изучать другие расы!

– Не забывайте, что я не просто арон, я – энод-арон²⁴, и, пожалуй, энод я больше, чем арон.

– А что будет с Юл-Каном? – спросила Дели, подумав, что ихлак остался один во всем Камарлене.

– Не знаю. Может быть, он останется в луйхаре Мира-Лора, а, может, найдет другой приют.

– Жаль его, – вздохнула империта.

– Жаль, – согласился тот. – Но, кто знает, возможно, он счастливее всех нас.

Дели непонимающе посмотрела на т, ахьянца, удивляясь его последним словам, но тот уже вновь погрузился в созерцание чего-то далекого и невидимого.

– А все же наша прогулка по Камарлену удалась, не правда ли, империта? – заговорил он после длительного молчания.

– Прогулка? – изумилась Дели. – Вы шутите, энод-арон, называя все это прогулкой?

– Что вы имеете в виду под словами «все это»?

– Ну, что мы вляпались в это дерьмо по самые уши. Пираты, марганы, кровь, смерть.

– Да, это, конечно, ужасно, но ведь было еще знакомство с ихлаками, великолепный Огненный лес, словно пламя костра, широкие реки среди красных долин, гордые горы и холмы, ночная тишина и луна Халар, и много чего еще. Мы забываем плохое, а хорошее всегда помним. Даже, если бы Камарлен умер, память о нем осталась бы, поэтому во всем я стараюсь всегда найти хорошее.

– А в том, что мы могли умереть есть что-то хорошее.

– Конечно. Чувство опасности сближает, и мы все стали ближе друг к другу. В обычной ситуации этого бы не случилось. В вас, империта, раскрылись смелость, выносливость, скрытые раньше. Да и мы, офицеры КС, стали в ваших глазах другими, верно?

– Верно. А вы и в самом деле говорите это всерьез или шутите? Вы что же, не боитесь ничего, не боитесь смерти?

– Видите ли, империта, – неторопливо говорил Джанулория. – Мы – т, ахьянцы по своей природе философы, а любая философия на любую тему приводит к более радужным размышлениям и умозаключениям. Во всяком случае, это распространено у нас на Т, ахьяне. Мы воспринимаем жизнь не как бремя, а, как длительную прогулку, полную неожиданностей, остановок, любованием окружающим, будь то разумное существо, животное или просто дерево. Как любой другой, мы стараемся, чтобы наша прогулка была, как можно приятнее, поэтому мы во всем негативном видим что-то хорошее и стремимся, чтобы всегда нас сопровождали хорошие друзья. Но любая прогулка когда-то кончается, поэтому смерть мы воспринимаем легко, как всего лишь переход на другую дорогу.

– Интересная у вас философия. Наверное, хорошо, когда видишь только хорошее? Вот мы тут сидели с головой в пренеприятной истории, ныли, жаловались, боялись, а вы знай себе, любовались природой и ничего-то вам не страшно.

Джанулория слегка прикрыл глаза, сказал:

²⁴ Энод – офицерское звание.

– Когда-то Т, ахьян был планетой варваров, его трясла лихорадка войн, но мы одумались, направив силы не на разрушение, а на созидание. Ароны создали мощную цивилизацию, поставив себе цель искать новые формы жизни, новые расы, чтобы была надежда, что после нас придут другие и продолжат наше дело, сохранят мир во вселенной. Я – первый из аронов, кто пришел на службу в ПаРаСКоН. Меня тянуло в космос, словно магнитом. Но иногда мне нестерпимо хочется ощущать твердую землю под ногами, вдыхать запах травы. На земле не ощущается того космического одиночества, что охватывает сразу, стоит только подняться к звездам.

– Вы странный, энод-арон, но с вами интересно. Вы не жалеете, что прилетели сюда?

– Нисколько, – качнул он головой. – Мне уже немало лет и с такой опасностью я встречаюсь впервые, когда под угрозой войны весь Союз, и на моих глазах едва не погибла прекрасная планета. Мне будет, что вспомнить, если, конечно, все благополучно разрешится. Я вспомню этот разговор с дочерью Императора в самый разгар камарленского дня на берегу реки Хоры, ведь такая возможность запросто поговорить с вами мне уже, наверное, не выпадет. И я вам очень благодарен и рад.

– Ох, уж эта ваша философия! – засмеялась Дели.

Наконец, пора было улетать.

Расставались, как старые добрые друзья: тепло, сердечно, с надеждой на новую встречу.

Офицеры уже залезли во флайер, а Дели все медлила, думая, что, возможно, больше не увидит Камарлен, ихлаков. Она поймала на себе взгляд Мира-Лора. Он стоял в стороне, смотрел на нее, но не говорил ни слова.

– До свидания, – негромко произнесла девушка и, махнув на прощание рукой, захлопнула дверцу.

– Никогда не думала, что так привяжусь к этим аборигенам, – пробормотала она.

Корабль уже был готов к взлету. Ждали только их.

– Истан! – ахнула Дели. – Я совсем про него забыла! – и помчалась в свою комнату.

Офицеры стояли у трапа с постными лицами. Юл-Кан, решивший проводить их, с трудом скрывал охватившие его чувства.

– Странно, – с грустью в голосе произнес Марион, окидывая прощальным взглядом горизонт. – Мы столько здесь пережили, едва не погибли, но мне Камарлен стал еще ближе, еще дороже, и не хочется расставаться и в то же время тянет на Деллафию.

– Да, тяжело жить на два дома, – вздохнул Джанулория.

Глядя на ихлака, такого потерянного и одинокого среди суматохи космодрома, сердце девушки невольно сжалось, она улыбнулась ему, сказала:

– Все будет хорошо, я уверена.

Он посмотрел на нее странным долгим взглядом, потом сказал:

– Вы, звездные люди, очень могущественные и сильные, у вас есть железные птицы и огненное оружие, вы намного выше и мудрее нас, вы стали нашими друзьями, вы умеете летать между звездами, вы многое видите, можете даже прикоснуться к нашему солнцу. Наверное, вы знаете много таких, как мы, или других. А мы видим только это небо, эту землю, охотимся, поем песни у костра, живем, умираем, но всегда здесь... на этой земле. Ты была здесь, дочь вождя, и что-то стало по-иному во мне, словно у меня появились другие глаза. Так не было, когда приходили одни звездные люди без тебя. Теперь нет моего племени, нет спокойствия. Вы летаете меж звезд, скажи, Шалкай, что ты видишь там, в небе?

Дели растерялась, не зная, что сказать, наконец, произнесла:

– Там... там много-много солнц... – она не могла подобрать нужных слов, чтобы рассказать ему о космосе. Невольно он затронул самую трепетную струну ее души и теперь перед взором проносились мириады звезд, таких одиноких во мгле вселенной. – Там очень необычно

и прекрасно. Прекрасней, чем Камарлен, чем Деллафия. Там хочется смеяться и плакать, там забываешь, кто ты... Это нельзя выразить словами, Юл-Кан, это нужно увидеть.

Ихлак вздохнул, посмотрел отрешенно на далекий горизонт, сказал:

– Мы не можем лететь к звездам, мы только смотрим на них с земли. Плохо, что я не увижу Деллафию и золотые леса.

Неожиданно империта вздрогнула, почувствовав странное прикосновение к своей коже. Посмотрела на лонга на своих руках и ахнула: Истан усердно облизывал ее руку своим маленьким шершавым язычком.

– Он лижет мне руку! – воскликнула Дели, не веря. – О Деллафия, Истан лижет мне руку!

– Он признал в тебе достойную хозяйку, Шалкай, – удовлетворенно кивнул ихлак. – Теперь он будет предан тебе до конца жизни. Береги его.

– Поздравляю вас, империта, – усмехнулся трайд. – Теперь у вас есть личный телохранитель, правда еще совсем малыш.

Дели не слушала его, она счастливо обнимала лонга, а тот смотрел на нее своими озорными глазами, словно говоря: «Я доверился тебе, и теперь я от тебя ни на шаг».

– Пора! – крикнули из корабля.

– Что ж, Деллафия ждет, – Марион шагнул к шлюзу, остальные последовали его примеру.

Дели смотрела на Юл-Кана, и вдруг шальная мысль пришла ей в голову.

– Юл-Кан, ты хочешь увидеть золотые леса моей родины? – задорно крикнула она.

– Больше жизни, Шалкай.

– Ты их увидишь! – империта схватила его за руку и потащила за собой внутрь фрегата.

Ихлак не успел опомниться, как шлюз закрылся намертво, отрезав ему путь назад.

Неожиданно в уши ударил дружный хохот, и их взору предстали трое офицеров.

– Я же говорил, что империта прихватит с собой Юл-Кана! – торжествующе заявил Марион. – Я был прав!

– Что это значит? – насупилась Дели.

– Мы просто решили проверить вас, империта, – объяснил трайд. – И вы с успехом теперь можете рассчитывать на строгий выговор.

– За что, интересно знать?

– За то, что без разрешения, своевольно провели аборигена на корабль.

– А вы что же собрались оставить его одного? – зло спросила она, приготовившись к очередной перепалке.

Но трайд лишь засмеялся.

– Империта, ради космоса, – произнес он. – Неужели вы могли подумать, что мы можем бросить Юл-Кана в трудную минуту? Мы же не бесчувственные чурбаны, – он хитро посмотрел на империту и, увидев, как она покраснела, залился новым приступом смеха, сказал:

– Не волнуйтесь, с капитаном я все улажу. Честно говоря, я вами доволен, империта. Вы достаточно безумны и у вас есть сердце, и это мне нравится.

Потом повернулся к ихлаку, крепко сжал его запястье:

– Добро пожаловать в новый мир, Юл-Кан. Скоро ты увидишь и звезды, и Деллафию, ведь ты так об этом мечтал.

Корабль стартовал. Они, как зачарованные, смотрели в обзорный экран, где медленно стирались трава, реки, горы, леса, превращаясь в серо-красное неразборчивое пятно.

Странное, смутное чувство переполняло их – смешение грусти, радости, облегчения и неодолимая тоска, что корчилась в их глазах при взгляде на шар Камарлена среди мрака космоса, что уменьшался, уменьшался, пока не стал одной из миллионов далеких звезд.

Их ждал долгий перелет, а впереди – прекрасная Деллафия, что неодолимо тянула их сердца к себе.

Ихлак, широко раскрыв глаза, с немим, неопишуемым восторгом, страхом и недоумением впервые смотрел на звезды – такие яркие, чужие, невозможные и по-прежнему далекие. И никто не знал, что чувствует он в эти потрясающие, незабываемые мгновения.

Марион посмотрел на империту, произнес, хитро прищурившись:

– Теперь самое время поговорить о бесчувственном чурбане. Лететь нам далеко, а хорошая ссора хоть немного, но скрасит этот скучный перелет. Это все же лучше, чем бессмысленно спать в анабиозаторе.

– Вы невыносимы, трайд, – вздохнула та. – Дайте отдохнуть хоть немного, а завтра мы обсудим: чурбан вы или нет.

Марион громко захохотал.

– Договорились, – наконец, сказал он. – О Деллафия, если бы вы знали, как меня будоражат эти ссоры, не хуже, чем близкое дыхание смерти. От них я чувствую себя живым человеком, а не машиной.

Дели взглянула в его глаза, услышав в этих словах какую-то странную безысходную тоску, но натолкнулась на привычную непроницаемую синеву.

– Вы меня пугаете, трайд.

– О, простите, империта, должно быть я немного расслабился в покое и сытости, предвкушая встречу с Деллафией. Да, Камарлен мне дорог, но все же нет ничего дороже планеты с золотыми лесами...

Часть вторая: Деллафия

Шел шестой день ее ареста. Императрица-таки все рассказала Фиделю, после чего Император устроил дочери грандиозную взбучку и головомойку, и теперь уже почти неделю она не может и носа высунуть из своих покоев без его ведома.

Это было невыносимо – целыми днями сидеть с нудными учителями, няньками, воспитателями, сменяющими друг друга, не оставляющими ее одну даже на минутку. А ночью за дверями стояла Стража. Сбежать не было никакой возможности. О, как мучительно ей было находиться взаперти, среди глухих безмолвных стен, выслушивая глупости репетиторов, после опьяняющей свободы Камарлена, после тех захватывающих приключений и опасностей, от которых бросало в дрожь! Даже Истана у нее забрали!

– Вы меня слушаете, империта? – На нее смотрели бледные глаза учителя истории.

– Да, да, конечно, – рассеяно отозвалась Дели, с трудом возвращаясь к серой действительности.

– Вот и хорошо, – качнул удовлетворенно головой тот и продолжил говорить что-то об упадке цивилизации на Брандоре II.

А империта снова мысленно унеслась за пределы скучного Дворца, мечтая прогуляться по лесам, полям, собирая цветы, или прошвырнуться по Орфису. Она еще ни разу не видела офицеров и Юл-Кана после их возвращения и не было никакой связи с ними. А ей так хотелось показать ихлаку все прелести Деллафии! А вместо этого она вынуждена торчать тут, как привязанная, и это просто бесило ее.

В это время подал сигнал видеомодуль. Дели подлетела к нему, как на крыльях, но к ее страшному разочарованию, на экране появилось суровое лицо Императора.

– Я жду тебя в Тронном зале, Филадельфия! – тоном, не терпящим возражений, заявил он, и отключил связь.

В огромном сияющем зале, на своем великолепном Древнем Троне восседал Фидель, как всегда грозный и потрясающий. Трон Императрицы был пуст: Дельфина, пожаловавшись на свое плохое самочувствие, улетела на Имберию, по ее словам, чтобы успокоить свои расшатанные нервы любованием безбрежными морями.

К своему удивлению, Дели увидела трайда Мариона, сидящего в большом кресле рядом с Императором. При виде ее, он поднялся с места и приложил руку к груди, склонив голову в знак почтения. Девушка слегка усмехнулась и, качнув головой в его сторону, подошла к Трону.

– Вы хотели меня видеть, Император? – спросила она.

– Садись, Филадельфия, – его глаза недовольно смотрели на дочь.

Дели послушно уселась по правую руку отца, взмахнула ресницами на него.

– У нас был серьезный разговор с трайдом Марионом, – заговорил Фидель. – Обо всем, что произошло на Камарлене. В словах трайда у меня нет причины сомневаться. Я узнал, что ты, Филадельфия, проявила себя храбро и достойно в трудной ситуации, поэтому, по просьбе трайда, я снимаю с тебя наказание. Но учти, Филадельфия, что это только благодаря трайду. Если что-то подобное повторится, если ты и дальше будешь себя вести, как космический пират, милости от меня не жди!

Дели взглянула на Мариона, в ее глазах сияла огромная радость и облегчение, и чуть-чуть улыбнулась. Офицер перехватил этот взгляд, но лицо его осталось невозмутимым и серьезным. Он сидел в новой форме – какой-то усталый, словно только-только вернулся из долгого утомительного путешествия, поглаживая рукоять бластера на поясе. Неожиданно он поднялся, спросил:

– Вы позволите оставить вас, Император?

– Да, разумеется, трайд. Вы, должно быть, устали после полета на Таллассу, не буду вас задерживать. Выходите на связь в любое время.

– Да, конечно. Всего доброго, Император... Империта... – Марион поклонился и направился к выходу своей твердой уверенной походкой.

– Император, вы и в самом деле снимаете с меня наказание? – не веря, спросила Дели.

– Да, но, как я уже сказал, только по просьбе трайда Мариона, – глаза Фиделя гневно сверкнули. – Если бы не он, ты бы сидела под арестом еще много даальсов, чтоб неповадно было шляться черт знает где, вопреки моей воле! – Похоже, с уходом офицера он забыл свой сдержанный тон с дочерью.

– Я не шлялась, я была на Камарлене! – воскликнула девушка обиженно. – Вы сами сказали, чтобы я села на «Эндор», Император!

– Это я тебе сказал? А не ты ли заявила мне тогда, что не желаешь быть Императрицей? Да после таких слов, я должен был лично распылить тебя, негодная девчонка!

– Но ведь я вернулась, вам этого мало?

– Я тебя предупреждаю, Филадельфия, в последний раз, будешь мне перечить – тебе несдобровать, так и знай. И мне плевать, что ты геройствовала на Камарлене. Если бы ты так же усердствовала и в обучении, я бы гордился тобой, а ты позоришь меня! И скажи спасибо, что я не сгноил тебя в подземелье!

– Лучше сгноите меня в подземелье, чем выслушивать ваши слова! – зло крикнула Дели. – Вы ничего не понимаете, Император, вы не хотите ничего понимать, а я не хочу быть заживо погребенной на Троне! Не хочу быть похожей на вас!

– Молчать! – громыхнул Фидель, треснув кулаком по подлокотнику. – Хочешь, не хочешь – это никого не волнует. Но, так или иначе, завтра я объявляю начало праздника Цветов, на котором ты будешь представлена официально и коронована, как империта деллафийская!

– Коронована? – ужаснулась девушка. – Уже завтра?

– Да, завтра. Поэтому иди и готовься к церемонии. И не вздумай публично опозорить меня и Императрицу, будут высокие гости.

Дели буквально выбежала из Тронного зала. Мысли путались в голове, душу переполняли злость, негодование и даже ненависть. Ей нужно было вдохнуть свежего воздуха, прийти в себя, успокоиться.

Но на лестнице она неожиданно столкнулась с трайдом.

– Вы так несетесь, что рискуете сломать себе шею, империта, – произнес он, глядя в ее покрасневшее от разговора с отцом лицо.

– Что вы здесь торчите? – обозленная на весь мир, бросила она.

– Я не торчу, к вашему сведению, а стою, – спокойно поправил ее тот.

– И что же вы здесь стоите, трайд? Ловите случайных пиратов?

– Нет, я жду вас, – просто ответил Марион.

Дели недоверчиво покосилась на него.

– Меня? Откуда вы знали, что я выйду из Дворца?

Офицер улыбнулся.

– Разве человек, проводивший несколько даальсов взаперти, не горит желанием поскорее покинуть свою тюрьму и насладиться долгожданной свободой? К тому же я думаю, вы хотите поблагодарить меня за ваше преждевременное освобождение.

– А вы все такой же неисправимый наглец, – заявила девушка.

– И это вся ваша благодарность? – с сожалением вздохнул Марион. – Королевские особы порой бывают ужасно скупы на похвалу.

– Разве офицеры КС так падки на похвалу? – усмехнулась Дели.

– Не падки, но иногда хочется услышать теплое слово за свою работу, – с притворно скорбным лицом сказал Марион.

– Мне теперь эта свобода хуже неволи.

– Почему же? – спросил офицер, хотя догадывался о причине ее убитого вида.

Империта лишь безнадежно махнула рукой и медленно направилась в сторону Вечернего Сада. Марион пристроился рядом.

Они шли тенистыми аллеями, а вокруг раскинулись густые чащи миолианов, которые причудливо переплетались между собой гибкими ветвями, ползли гибкими усиками по шестам, оплетая их тугими кольцами, и ярко полыхали большими соцветиями, словно неведомый художник нечаянно разбрызгал алую краску пронзительными кляксами.

И всюду закрытые бутоны цветов, что распускаются с приходом сумерек, озаряя сад своими прекрасными невинными лепестками. А сейчас они спали, тихо покачиваясь под порывами легкого ветра, словно танцевали под беззвучную музыку.

– Так что же случилось, империта, что свобода вам стала хуже неволи? – спросил, наконец, трайд.

Девушка шла, опустив глаза, и, пиная изящной туфелькой маленькие камешки, что попадались на пути.

– Завтра моя коронация, – мрачно ответила она.

– Разве это так плохо? – удивился Марион. – Глядя на вас, я уже испугался, не грозит ли вам распыление, а оказывается у вас коронация. Многие мечтают оказаться на вашем месте.

– И пусть мечтают, раз они такие идиоты! – неожиданно крикнула Дели и остановилась. Ее глаза странно заблестели. – Пусть их коронуют, сколько влезет, а я не хочу этого, не хочу! – И она разрыдалась – отчаянно, обреченно, не скрывая своих чувств, не стесняясь.

Марион растерялся. Он стоял и смотрел на девушку – такую красивую и трогательную в этом неистовом внезапном порыве, размазывающую слезы по пылающему личику маленькой ладошкой, – не зная совершенно, что сказать.

– Он специально решил совершить эту проклятую коронацию в праздник Цветов, – сквозь рыдания бубнила она. – Чтобы испортить мне все настроение, чтобы досадить мне! Он не понимает, что я не хочу быть ни империтой, ни Императрицей! Он просто ненавидит меня!

Девушка вдруг прижалась к груди офицера, захлебываясь горькими неудержимыми слезами.

– Я снова сбегу! – всхлипывала Дели. – Пусть меня распылят к чертовой бабушке, а все равно сбегу! Почему он так со мной обращается? Он – помешанный на правлении тиран, не любящий ничего и никого, кроме своего идиотского Трона! Он даже Истана у меня забрал!

Марион растерялся пуще прежнего. Он стоял, как истукан, пораженный, оглушенный потоком откровенных, отчаянных слов, судорожно вдыхая непривычно близкий, нежный аромат, боясь прикоснуться к ней, не зная, как успокоить.

– По-пожалуйста, не плачьте, империта, – наконец, произнес он, почему-то запинаясь.

Дели оторвалась от него, смущенно улыбнулась, вытирая припухшие покрасневшие глаза кулаком, сказала:

– Простите, трайд, я вам всю форму промочила. Я иногда бываю ужасной плаксой.

– Пустяки, – отчего-то тоже смутился офицер.

Девушка, окончательно успокоившись, серьезно посмотрела на Мариона:

– Давайте сделаем вид, что ничего не было, и забудем эту дурацкую слезливую вспышку.

– Хорошо, – согласился офицер, который и сам хотел поскорее стереть из памяти это неожиданное, но такое незабываемое, странно будоражащее прикосновение девушки.

Но ей было мало этого.

– Обещайте, что никому об этом не скажете, трайд.

– Слово офицера КС.

– Вот и отлично, – облегченно вздохнула Дели и вновь двинулась по аллее.

– Вы придете на праздник Цветов? – спросила она.

– А что же там делать? – искренне удивился Марион.

– Как – что? Веселиться, конечно же. Это же праздник!

– Честно говоря, я не люблю праздники.

– Вы серьезно? – не поверила та. – Да какой же нормальный деллафиец не любит праздников?

– Можете считать меня ненормальным, но я не люблю праздников. От них только болит голова и ничего полезного, сплошная бесполезная трата времени.

– Вот вы смешной. Там же будут танцы, веселье, пир, в конце концов! Разве вы не хотите отдохнуть после Камарлена?

– Я предпочитаю отдыхать в тишине и одиночестве, империта.

– Вы и в самом деле ненормальный, трайд.

– Как вам угодно, империта, – засмеялся тот.

Дели мимоходом сорвала большой бутон ориолана, вдохнула его сладкий манящий аромат.

– А где сейчас констат Тасури и энод-арон Джанулория?

– Джанулория вчера вернулся с Т, ахьяна, а Тасури на Имберии, надо думать плескается в своих ненаглядных морях, но завтра должен вернуться.

– А Юл-Кан? Где он?

Марион улыбнулся.

– Он, бедняга, был так ошарашен всем увиденным, что боюсь до сих пор еще не пришел в себя. Я пытался поселить его в одном из плантайнов²⁵ Орфиса²⁶, но он испугался такого скопления народа, шума, суматохи и наотрез отказался, поселившись недалеко от меня. Он соорудил себе большую хижину на берегу Лудана, и теперь живет там. В общем, устроил сплошной камарленизм.

– Наверное, ему одиноко и страшно на Деллафии, – Дели вертела в пальцах цветок. – Я бы уж точно чувствовала себя ужасно одинокой и чужой, попади я на совершенно другую планету.

²⁵ Плантайн – одно-, двух-, и более этажные здания. Самые высокие плантайны достигают 200-300 этажей (деллаф.)

²⁶ Орфис – главный город Деллафии.

– Я бы не сказал, что Юл-Кан здесь страдает. Он просто в восхищении от Деллафии. Я в некоторой степени даже завидую ему: ведь его мечта осуществилась.

– Мне хочется увидеть его, – улыбнулась девушка.

– Думаю, вы скоро увидите. Юл-Кан тоже очень хочет увидеть вас, Шалкай.

При упоминании этого имени, данного ей на Камарлене, Дели рассмеялась.

– Кажется, что это все было не с нами, а далеко-далеко и очень давно, почти во сне, – сказала она. – Вам так не кажется, рахим Эрадорх?

Офицер шел, о чем-то задумавшись, поэтому не сразу ответил.

– Вы о Камарлене? – наконец, очнулся он. – Да, это словно смутный сон, отблеск которого докатился до действительности.

– Император упомянул, что вы были на Талласе. Это связано с Калахасом?

– Да, – помрачнел Марион. – Мы полетели туда на следующий день после возвращения с Камарлена, но Калахас исчез, как в воду канул. Мы прочесали почти весь внутренний космос²⁷, но так и не обнаружили даже его следа.

– Должно быть, этот подлец почуял, что запахло жареным и скрылся подобру-поздорову.

Марион не стал высказывать империте свои опасения насчет таинственного исчезновения талласского Короля, не желая расстраивать и без того расстроенную предстоящей коронацией девушку. А опасения были самые худшие. Наверняка Калахас скрылся лишь для того, чтобы, потерпев неожиданную неудачу на Камарлене, ударить еще более сильно и жестоко и собирает для этого новые силы в каком-нибудь укромном уголке вселенной. И это была проблема, мучившая весь Союз – теперь уже негласно считавшимся Союзом Трех.

– Надеюсь, что это так.

Они медленно переходили с одной аллеи на другую, не встречая ни одной живой души. В этот час мало кто заходит в Вечерний Сад, обычно его наполняют голоса, смех, влюбленные парочки лишь с наступлением сумерек, когда Сад становится особенно прекрасным и романтическим.

– А того ужасного пирата уже приговорили к смертной казни? Может он что-то знал о планах Калахаса?

– Нет, – покачал головой трайд. – Эрго рассказал все, что знал еще на Камарлене. Больше ничего нового он не сообщил, а пока его держат в Рокландоре²⁸. Должно быть скоро будет суд.

– А можно мне присутствовать на суде? – воскликнула Дели. – Я столько всего расскажу про него, что судьям останется только дать добро на его смерть.

– Ему и без ваших показаний в любом случае грозит смерть. Не будьте же столь кровожадны, империта.

Девушка вдруг остановилась, сказала:

– Я совсем с вами заболталась, трайд, а мне ведь надо еще подготовиться к завтрашнему празднику.

– Я уверен, вы будете неотразимы даже в лохмотьях, – заверил ее тот.

– Вы с ума сошли? – округлила глаза Дели. – Чтобы я пришла на праздник в лохмотьях, как последняя оборванка? Может, вы и привыкли видеть меня в лоскутах на Камарлене, но я все-таки не нищенка.

– А кто же говорит, что вы – нищенка? Я лишь имел в виду, что вы прекрасны в любом случае.

– Только не лгите мне в глаза, трайд, ради космоса! То вы кричите на меня и рады убить, то вдруг сыплете комплименты.

²⁷ Внутренний космос – часть Вселенной, доступная Союзу.

²⁸ Рокландор – деллафийская тюрьма на острове Аркон.

– Как двуликий Янус? – подсказал Марион, улыбаясь.

– Точно! Как он самый! Я видела его однажды в библиотеке, и вы – точь-в-точь, как он! Марион захохотал.

Дели обиделась.

– Что вы смеетесь? Между прочим, этот Янус – весьма неприятный тип, таких еще поискать надо.

– Я вас не понимаю, империта. Вы возмущаетесь, когда я кричу на вас, когда я говорю вам комплименты, вы тоже возмущаетесь. Как же разговаривать с вами?

– Разговаривайте со мной нормально, не перебарщивая ни с тем, ни с другим!

– Я постараюсь, империта, – кротко глядя на нее, произнес трайд. – Хотя это и нелегко. Но, тогда и вы постарайтесь не так часто оскорблять меня.

– Что? Когда это я оскорбляла вас?

– Да вот только что, к примеру, обозвав меня двуликим Янусом.

Дели изумленно уставилась на него.

– Это я обозвала вас Янусом? Это вы сами называли себя Янусом!

– Впервые слышу.

– Да вы просто самый лживый, самый отвратительный офицер во всем космосе! – раздраженно топнула ногой девушка. – Вы не Янус, вы – обычный грубиян и хам!

– Могу сказать – взаимно, империта.

– Идите к черту! – разъярилась Дели и быстро пошла к Дворцу, бросив на офицера полный злости взгляд.

Трайд, чрезвычайно довольный, тихо смеялся, глядя ей вслед.

Дели подняла на уши весь Дворец, требуя самое лучшее платье, лучшую прическу, лучший макияж, замучила всех косметологов, портных, парикмахеров, желая выглядеть на празднике сногшибательно.

Империта обожала всевозможные вечеринки и торжества. Без них, считала она, жизнь стала бы невыносимо скучной. Ей нравились предпраздничные сборы и суета, когда из тысяч платьев нужно выбрать то одно единственное, в котором она была бы богиней, нравилось веселье и смех, которыми бывают полны праздники, танцы, и та непередаваемая атмосфера очарования, которая будоражила и притягивала.

В суматохе она даже забыла о предстоящей коронации, всецело погрузившись в круговорот забот и приготовлений. Уже спустился прозрачный вечер, когда, наконец, все было готово: платье на манекене – шикарное и прекрасное, прическа задумана и макияж подобран.

Дели, удовлетворенно улыбаясь, предвкушала завтрашнее торжество. С этими мыслями она, утомленная за день, легла спать.

И вот наступило утро – солнечное, ясное, радостное – подстать ее настроению.

Прислуга сбилась с ног с самой зари, готовя праздничные блюда, украшая Дворец, выполняя малейшие прихоти придворных. Глашатаи уже всю оповещали Орфис и все другие города о начале праздника Цветов, рассыпая всевозможные поздравления деллафийцам. Город преобразался на глазах: словно по мановению волшебной палочки, улицы, здания украсились огромными гирляндами из различных цветов. Навесили цветочные украшения даже водители эстелов и риоганов²⁹.

Громадные букеты и букетики запылали на витринах магазинов, на столиках кафе и ресторанов. Головы и шеи всех прохожих увенчали прекрасные венки и бусы из крошечных

²⁹ Эстел – небольшое летательное средство различных модификаций, различаются размером, скоростью, формой, вместимостью. Риоган – почти то же, что и эстел, но пользуются ими только офицеры ДОБ и ПаРаСКОН.

соцветий. Праздник чувствовался во всем, и Дели это ощущала всем своим существом, любуясь Орфисом с балкона.

Служанка сообщила, что церемония открытия праздника начнется через 3 часа в Золотом зале.

А в это время к Императорскому Дворцу слетались гости. Первыми прибыли имберианцы – Король Малуори и его жена Алри в сопровождении нескольких офицеров. Их длинные худощавые тела, облаченные в широкие роскошные накидки, сияющие украшениями и массивными коронами, очень походили на констата Тасури. Хотя для ненаблюдательного взгляда все имберианцы на одно лицо, но это далеко неверно.

Спустя короткое время на посадочной площадке появился легкий т, ахьянский шаттл, из которого шагнул высокий величественный т, ахьянец с пышной темной гривой, где местами проглядывали светлые пряди седины, говорящие об очень почтенных годах ее владельца. Но двигался т, ахьянец по-юношески свободно и стремительно, и его длинное красное одеяние разлеталось от быстрых невесомых движений, вырисовывая поджарое худое тело. Это был Главный Арон Т, ахьяна Шармалия – обладатель всех ступеней Таинственной Силы.

Далее одновременно прилетели Арай из Эссиадана и Фальрона³⁰ – Арбель и Фэль.

Наместники были настоящими деллафийцами – красивые, всей душой любящие Деллафию, поэтому и отдавали все свои силы на сохранение ее спокойствия и приумножение благ, заботясь о вверенной им земле не хуже самого Императора, за что последний их ценил и уважал.

А по обширным окрестностям, прилегающим к Дворцу, уже разгуливали праздные жители Орфиса в ожидании начала открытия торжества.

Во время праздников Дворец был открыт для всех, Император лишь усилил внутренние и внешние патрули во избежание беспорядков и суматохи.

А в самом Дворце стоял хаос. В одном его крыле охали и закатывали истерики приближенные Императрицы, в последний момент решившие сменить платье или прическу. В другом крыле прислуга хлопотала вокруг прибывших гостей. В третьем пыхтели повара, призывая все свое умение и фантазию, чтобы угодить всем вкусам пирующих.

Император со своими советниками обходили Дворец, давая последние распоряжения, следя, чтобы все было сделано, как надо, покрикивая на нерасторопных, хваля усердных. В оккое³¹ наводились последние штрихи приготовлений.

Три часа пролетели незаметно. Громкие фанфары оповестили о начале торжества.

Дели не спешила. Вокруг нее крутились парикмахер, визажист, и она, с удовольствием ощущая их легкие, почти неуловимые прикосновения, не торопила мастеров, позволяя им проявить свое искусство. Наконец, отпустив их, девушка оценивающе взглянула на себя в огромное зеркало, удовлетворенно улыбнулась своему отражению. Да, она задумала поразить всех собой и ей это воистину удастся! С зеркальной поверхности на нее смотрела очаровательная юная особа с безукоризненно-прекрасным лицом, волосами, украшенными капельками блестящей лазури, облаченная в восхитительно-воздушное, небесно-голубое платье, лишенное каких-либо изысков, но от этого еще более чарующее. Оно клубилось, словно манящий туман, покрывая ее завесой тайны, и искрилось при малейшем движении, будто пронизанное светом звезд.

Все просто ахнут от изумления и восхищения, увидев ее, даже сам Император. Дели засмеялась, представив, как расширятся глаза гостей, когда она войдет в Золотой зал. Раз коронации не избежать, то она уж постарается сделать ее хоть немного веселее.

³⁰ Арай – Наместник Императора. На Деллафии два Арая: на Ороне и на Элиме – двух континентах, -которые осуществляют власть от имени Императора. На островах Наместниками Императора являются Аиты.

³¹ Оккой – окрестности, прилегающие к Дворцу.

«Империта – это еще не Императрица, – думала девушка, глядя на свое отражение. – Еще не все потеряно, и я еще повоюю. Впереди целых два даальса веселья, значит не время унывать».

Пора было примкнуть к гостям, и империта, словно легкое облако, выскользнула из покоев. Бесчисленные коридоры, лестницы, переходы, в которых можно запросто заблудиться, и вот он – Золотой зал. Огромный, с изящными колоннами, инкрустированными рисунками из хлорисантов³², уходящими в необъятную вышину потолка, откуда лился яркий, но не режущий глаз желтый свет, рассеиваемый многочисленными витражами и окнами. Стены зала украшены такими же узорами из розовых хлорисантов, что и колонны. Весь зал утопал в цветах. Они стояли в массивных вазах вдоль стен, вокруг колонн. Здесь были высоченные стебли рулании, увенчанные бутонами размером с голову, пушистые соцветия набула, похожие на разноцветные воздушные облачка, острые стрелки стамихаля, чуткие лепестки фиолетовой оронии, забавные кудряшки «любимца солнца», яркие, как кровь, ароалы, сгибающиеся под собственной тяжестью этании, белоснежные оладаны, блестящие каплями прозрачного сока «утренние звезды», спящие ориоланы. Были здесь и иссолы, и валуны, и «смех ветра», и «огненный цветок», и катисы, и много-много других, не менее прекрасных, необыкновенных цветов, что радовали взгляд и дурманили своими тонкими, сладкими, непередаваемыми ароматами, витающими в воздухе невидимой пеленой.

Посреди этого буйства цвета, теряясь в красках и листьях, стояли золотые кресла и диваны для гостей, а на небольшом возвышении в дальнем конце – два трона, утопающих в море ароматных бутонов.

Мелодично журчали маленькие фонтанчики, искрясь серебряными брызгами, наполняя зал приятной прохладой и свежестью, усиливая запахи цветов.

Золотой зал был многолюден. Королевская чета с Имберии и Главный Арон с Т, ахьяна затерялись среди многочисленных придворных и счастливиц из числа жителей Деллафии, коим удалось попасть во Дворец в первых рядах. Император, видимо, уже произнес торжественную речь, и теперь вместе с Императрицей они переходили от гостя к гостю, беседуя на равных и с имберианским Королем и с простым земледельцем.

Два офицера ДОБ³³ из дворцового патруля почтительно пропустили девушку, изумленно и очарованно уставившись на нее. В глазах зарябило от обилия цвета, красок, лиц. Дели остановилась, обводя взглядом великолепный зал, наслаждаясь произведенным эффектом, потому что, едва девушка появилась в дверях, все замерли, устремив на нее восхищенные (а некоторые и завистливые) глаза.

Она заметила среди присутствующих, к своему удивлению, трайда Мариона, энод-арона Джанулорию, констата Тасури и Юл-Кана, слегка улыбнулась им, качнув головой, и шагнула к гостям. Ее тут же окружил хоровод улыбающихся, счастливых лиц, поток голосов, поздравлений, со всех сторон потянулись руки, даря букеты цветов. Кто-то надел ей на шею эма³⁴ из крохотных оранжевых лигонарисов, и империта с удовольствием погрузилась в атмосферу праздника.

Марион стоял чуть в стороне вместе с Тасури, Джанулорией и Юл-Каном. Отсюда ему прекрасно было видно империту. Он, как и все, не мог оторвать глаз от нее, когда она вошла. Невольно офицер сравнил ее с нежным утренним небом Деллафии. Это воздушное голубое платье, так гармонизировавшее с огромными счастливыми глазами, трепетало и летело при каждом движении, тонкие руки, которых каснулся темный загар, сияли изящными браслетами и

³² Хлорисант – драгоценный камень, добываемый на одной из колоний Деллафии – планете Шафрании. Бывает розовый, красный, синий и зеленый хлорисант.

³³ ДОБ – Департамент обороны и безопасности.

³⁴ Эма – украшения из цветов, очень любимы деллафийцами, которые носят их не только по праздникам, но и в будние дни.

кольцами, хрупкие плечи, волосы, собранные на затылке, подчеркивали длинную шею, лицо, обрамленное мягкими локонами, было озарено каким-то внутренним светом. Марион улыбнулся. Да, Филадельфия хотела удивить, и она это сделала. Перед ними была не взбалмошная девчонка, а настоящая империта деллафийская, достойная наследница Древнего Трона, которой можно только восхищаться.

– Маленькая бестия, – покачал головой трайд, глядя, как она лучезарно улыбается многочисленным гостям.

– Ни за что бы не подумал, что эта богиня и есть та самая беспокойная девочка, что летела с нами на «Эндоре», – проговорил с улыбкой Джанулория.

– Хотел бы я, чтобы и характер у этой богини был, как ее внешность, – вздохнул Марион. – Суший бес.

К его удивлению, т, ахьянец тихо засмеялся.

К Дели подошла Императрица, держа в руках букет цветов.

– Филадельфия, – негромко произнесла она, глядя на дочь лучистыми глазами. – Император зовет тебя.

– Слушаюсь, Императрица, – также негромко ответила та, и, протянув матери один из своих букетов, произнесла: – Да не оскудеет цветущая земля Деллафии.

– Да будет так, – Дельфина с улыбкой приняла цветы, отдав взамен свои, добавила, понизив голос: – Сегодня ты поразила всех гостей, даже Императора.

– Благодарю, Императрица. Позвольте оставить вас? – Дели направилась к отцу, что сидел на диване в обществе Главного Арона.

Завидя дочь, Фидель пригласил ее присесть.

– Уважаемый Арон Шармалия, – обратился он к т, ахьянцу. – Позвольте представить вам мою дочь Филадельфию, наследницу Древнего Трона. Прошу простить, что не сделал этого раньше, ведь уважаемый Король Малуори уже знаком с будущей Императрицей, но сейчас я исправлю это упущение.

Ярко-зеленые пронзительные миндалевидные глаза Арона с живым интересом смотрели на девушку. Т, ахьянец легким движением выпростал тонкую руку с длинной сухой кистью из просторного рукава, прижал ладонь к груди и, слегка склонив свою лохматую голову, произнес удивительно мягким певучим голосом:

– Главный Арон Т, ахьяна Шармалия. Я счастлив видеть столь прекрасное создание, и еще более счастлив познакомиться с ним. – Он вновь поднял на нее свои пытливые умные глаза. – Я уверен, Деллафия примет с огромной радостью и трепетом свою будущую очаровательную Правительницу.

Дели посмотрела в его глаза на маленьком треугольной формы лице, на котором запечатлелись мудрость неисчислимых лет и глубокая печаль обретенных знаний, сказала:

– Для меня большая честь познакомиться с вами, уважаемый Арон, ведь я столько слышала о вас невероятного, что представляла вас огромным страшным великаном, способным испепелить целую гору одним лишь взглядом. Я рада, что все эти глупые слухи оказались пустым вымыслом, и вы на самом деле вовсе не злобный волшебник, а очень приятный собеседник.

Император рядом гневно хмыкнул и только собирался заглядеть непростительную болтовню дочери, но тут т, ахьянец залился непривычно озорным мелодичным смехом, сразу помолодев на пару сотен лет. Смеялся долго и искренне, нисколько не смущаясь и не беспокоясь за свою репутацию.

– Клянусь всеми шестью планетами Эльдорадо³⁵, – наконец, успокоившись и отдышавшись, произнес он. – С такой Императрицей, как вы, Союз точно не пропадет. Давно я так не

³⁵ 6 планет Эльдорадо – Т, ахьян находится в системе Эльдорадо, которая имеет 6 планет.

веселился. Вы воистину не только прекрасны, как звезда, но и свободны от каких-либо оков, как ветер, и это превосходно! Император, почему же вы прячете от людских глаз такое сокровище? – обратился Шармалия к Фиделю.

– Я назначил коронацию на завтра, уважаемый Арон, – отозвался тот, сбитый с толку неожиданным весельем т, ахьянца, – на которой Филадельфия будет официально объявлена империтой деллафийской, моей наследницей.

– Это хорошо, – Шармалия, прищурившись, повернулся к девушке. – Позвольте задать вам нескромный вопрос, империта?

– Пожалуйста, – разрешила та, которой понравился этот молодцеватый старик, хоть он и говорил о неприятных ей вещах.

– У вас уже есть Избранник?

– Какой избранник? – не поняла Дели и поэтому слегка смутилась.

Похоже, и сам Арон немного был смущен, он произнес:

– Когда вы примете правление, вам будет нужен человек, который бы разделит с вами груз всей ответственности, и который бы стал отцом вашего ребенка.

– Я еще не думала о таком далеком будущем, уважаемый Арон.

– Будущее может оказаться и не таким уж далеким, империта Филадельфия, – хитро посмотрев на нее, изрек т, ахьянец.

– Филадельфия еще слишком юна и неопытна, – заговорил Император, – но, как вы верно заметили, будущее наступает незаметно и стремительно, поэтому я присматриваю ей достойного Избранника и, думаю, Арай Арбель самый достойный из всех: он знаком со всеми тонкостями правления и может стать отличным помощником для империты.

– Да, я знаю Арая Арбеля, – кивнул головой Шармалия. – Он истинный деллафиец, впрочем, как и Арай Фэль.

Дели слушала их вполуха, вертела в руках цветы, смотрела на довольных гостей, обвешанных эма, и не понимала, для чего ей нужен Арай Арбель.

– Империта Филадельфия, – вдруг повернулся к ней Главный Арон. – Я хотел бы пригласить вас на

Т, ахьян, если, конечно, вы пожелаете посетить мой дом и, если Император не против. Но, будет еще лучше, если вы посетите Т, ахьян всей своей императорской семьей.

– Это было бы просто замечательно! – воскликнула Дели в восторге от его предложения, ведь она ни разу не была на Т, ахьяне, как это ни странно. – Благодарю за приглашение, уважаемый Арон, я постараюсь непременно воспользоваться им! А правда, что на

Т, ахьяне вечные льды и что там вне корабля не прожить и секунды?

– Правда, – засмеялся вновь Шармалия. – Правда и то, что на Т, ахьяне живут огромные великаны с огненными глазами.

– Шутите? А вот я прилечу к вам и узнаю, что, правда, а что – нет.

– Договорились, империта, – продолжал хохотать тот.

В это время объявили о начале пира, и Император пригласил всех в Пиршественный зал. Рядом с Дели шел невесть откуда взявшийся Арай Арбель в великолепных одеждах, высокий, улыбающийся, ясноглазый.

Двери залы раскрылись, и гости ступили в грандиозное пространство, не менее великолепное, чем Золотой зал, – яркое, блистающее, поражающее взгляд, утопающее в цветах.

Бесконечные полосы столов, окруженных резными красивыми стульями, были заставлены всевозможными яствами (да, повара потрудились на славу), блюдами, кувшинами так, что многие по-настоящему перепугались: не проломятся ли столы под такой тяжестью? Но столы не ломались, а притягивали к себе аппетитным, влекущим видом, словно магнит, а умопомрачительный аромат, витавший в воздухе и щекочущий ноздри, сводил с ума. У каждого стула

стояла бесстрастная прислуга в праздничных нарядах, с маленькими букетиками в петлицах, торжественная и довольная, умеющая угадывать желания гостей и без слов.

Гости расселись. Император и Императрица возглавили стол, за которым были Король Малуори и Королева Алри, Шармалия, Араи Арбель и Фэль, три советника Фиделя – Вилеон, Амиль и Лолиэл, трайд Марион, констат Тасури, энот-арон Джанулория, Юл-Кан и Дели.

По левую руку от нее сел Арбель, по правую – Главный Арон Шармалия.

За столами стоял неумолчный гул голосов, восхищающихся убранством Дворца, Деллафией и роскошными яствами, раздавался смех, звучала негромкая деллафийская музыка, проникающая в самую душу, поднимающая настроение в заоблачные высоты. Отзвучали поздравительные речи, гости благодарили хозяев, не скупясь на красивые слова, и пир начался.

Напротив, Дели сидел Марион, а с двух сторон от него – Юл-Кан и Джанулория. Тасури был около Короля Малуори. Девушка взглянула на трайда. Офицер был в своей неизменной черной с серебром форме, с сияющим болис, артом³⁶ на груди. На шее его красовался красный эма из ароалов, в котором он явно чувствовал себя очень глупо. И весь его вид выражал крайнюю неловкость и дискомфорт от всего происходящего, хотя офицер всеми силами старался казаться беспечным и непринужденным, как и все остальные гости. Перехватив взгляд Дели, он слабо улыбнулся, но сейчас же отвел глаза, повернувшись к огромному ихлаку.

Юл-Кан же представлял неутихающий интерес всех присутствующих. Еще по прибытии с родного Камарлена в космопорт Орфиса, едва ступив на землю Деллафии, бедняга подвергся бешеному натиску репортеров и журналистов не только из Орфиса, но и из Эссиадана и Фальрона, которые испугали бесстрашного вождя шквалом вопросов, яркими слепящими вспышками. Отделаться от них удалось с большим трудом при помощи патрулей ДОБ. Но уже на следующий день физиономии Мариона, Тасури, Джанулории, Юл-Кана, и даже Дели и Эрго мелькали на центральных каналах всех видеомодулей. И, если офицеры и девушка с пиратом не вызвали особого интереса, то мощная фигура ихлака с необычной внешностью и с внушительным мечом на поясе стала объектом всеобщего внимания, несмотря даже на то, что офицеры всячески оберегали камарленца от назойливых, излишне любопытных глаз.

Но Юл-Кана и пугала и притягивала эта совершенно другая непонятная жизнь, и он, словно ребенок, жадно впитывал в себя все, что его окружало, как губка. Императору пришлось по нраву этот открытый добродушный гигант, и он даже пригласил его на праздник Цветов. Ихлак так рвался на торжество, что офицеры, в конце концов, согласились пойти вместе с ним. Марион же отказался идти наотрез, но Юл-Кан заявил, что никуда не пойдет без него, и трайду пришлось сдаться, чтобы не огорчать старого друга.

Увидев же императорский Дворец, множество гостей, ихлак был поражен до глубины души. Он сразу растерялся, чувствуя себя маленькой пылинкой в этих необъятных залах среди толп людей, которые с нескрываемым любопытством глазели на великана, могучее тело коего было прикрыто лишь куском ткани, обернутой вокруг бедер, да пустыми ножнами. Его огромные глаза перескакивали с живописных стен на невиданные цветы, с лица на лицо, и все это, навалившись на него, словно Большая Вода, заставляло его жаться поближе к офицерам. Он ошеломленно молчал и только бросал на Мариона отчаянные взгляды. А, увидев империту – Шалкай – в ее легчайшем голубом платье, совершенно другую и незнакомую, не решился даже подойти к ней, хотя страстно хотел увидеть ее.

Теперь же ихлак сидел среди почетных гостей, обвешанный разноцветными эма, ловя на себе множество интересующихся взглядов, и с благоговейным ужасом смотрел на ломящийся от еды стол. Ему и в голову не приходило, что ЭТО можно и нужно есть, пока не увидел, как ловко расправляются с пищей другие.

³⁶ Болис, арт – нагрудный значок офицеров КС, обозначающий звание.

Марион, как мог, поддерживал и подбадривал друга, видя его ступор, и Дели не могла не улыбнуться этой заботе. Ее отвлек голос Арбеля, негромко произнесший:

– Империта, все ждут от вас речи.

– Простите, я задумалась, – она поднялась, держа в руке изящный бокал, наполненный розовой олеей³⁷, изготовленной на землях Орона, а оронские земли славятся своей розовой олеей, из которой получается лучшее вино во всей Деллафии.

Дели обвела взглядом всех сидящих, улыбнулась Юл-Кану, который во все глаза смотрел на девушку, увидела напряженное лицо Императора, с тревогой ожидающего от дочери новой глупости, дождалась тишины и заговорила:

– Я поздравляю всех деллафийцев и гостей с Имберии, Т, ахьяна и Камарлена с праздником Цветов, воистину любимым праздником всей Деллафии. Я счастлива, что целых два даался мы будем наслаждаться обществом друг друга, видеть искреннюю радость в глазах соседей, говорить, о чем угодно, но обязательно о приятном. И, возможно, кто-то найдет родственную душу или даже настоящего друга, а, может, просто получит заряд хорошего настроения и расслабится после долгих трудовых будней. И, если это случится, значит, не зря открываются двери Дворца для всех чистых помыслами и сердцами. А сейчас – время веселья и радости, ибо праздник. Да не оскудеет благодатная земля Деллафии! – громко закончила она, поднимая бокал.

– Да будет так! – рявкнули одновременно многие десятки глоток, и Пиршественный зал взорвался бурными аплодисментами.

Дели увидела довольное лицо Фиделя, одобрительно кивнувшего ей, но, лишь бросив на него быстрый взгляд, опустила на стул, пригубив вино. Напротив, на нее смотрел трайд – чуть удивленно, долго, настойчиво, бесцеремонно, – но девушка решила проигнорировать его.

– Вы произнесли прекрасную речь, империта, – улыбнулся ей Арай Арбель.

– Благодарю вас, Арай, но вы мне льстите.

– Ничуть, вы действительно сказали волшебные слова и очаровали всех, не только меня.

Дели польщенно улыбнулась, разрезая кусок фаршированного мяса.

– Позвольте поинтересоваться, Арай? – спросила она.

– Да? – Арбель не менее ловко разделял запеченного моллюска.

– Чем вы занимаетесь в Эссиадане?

Собеседник посмотрел на нее ясными улыбающимися глазами.

– Это действительно интересует вас, империта?

– Почему бы и нет, Арай? – она повернулась к нему и их взгляды встретились. – Я ведь не требую от вас раскрыть секрет изготовления вашего изумительного розового вина. – Девушка мило улыбнулась, чем привела Арая в восторг.

– Я очень рад вашему вниманию, империта, и с удовольствием бы рассказал вам о моих делах, но, боюсь, мой рассказ утомит вас, а я бы очень этого не хотел, ведь сейчас праздник и, как вы сказали, это время для веселья, так давайте лучше веселиться и забудем об обыденном.

Дели засмеялась: ее очень позабавило это нагромождение слов, произнесенных Арбелем.

– Вам нравится здесь? – спросила она, делая глоток олии.

– Это великолепие просто не может не нравиться, но вы своей красотой затмеваете и этот грандиозный Дворец, и все прелести Деллафии вместе взятые.

– Вы преувеличиваете, Арай, никто из смертных не может превзойти Деллафию, будь он хоть трижды прекрасен.

– Вы сомневаетесь в собственной красоте, империта? Клянусь Ороном, что во всей вселенной не найти красоты подобной вашей, – убежденно заявил Наместник Императора.

³⁷ Олия – плод одноименного дерева, из которого готовят вино. В зависимости от вида и сорта олии готовят вино розовое, желтое, красное, прозрачное, которые отличаются и вкусом, и запахом. Вино также носит название – олия.

– Я знаю, что я красива, но ведь бывает красота другая, более совершенная.

– И все равно вы останетесь самой восхитительной, я уверен в этом.

Прислуга ловко заменяла опустевшие блюда новыми, наполняла бокалы, следила, чтобы все из гостей были довольны и, не дай бог, обделены чем-либо.

Марион, отведав всего понемногу, теперь не спеша потягивал сладковато-терпкое вино, думал и смотрел. Ему было приятно лицезреть Филадельфию и ему нравилось то, как она себя вела – непринужденно и свободно. Да, она была рождена империтой, и ее с детства учили быть царственной особой, и это сквозило в каждом движении, жесте, взгляде. Но за этой ангельской внешностью таился бунтарский беспокойный дух, который бросал вызов всему миру, и Марион видел это в голубых глазах девушки, которые упорно избегали его или делали вид, что не замечают. Тут ему вспомнилось, как империта рыдала у него на груди, проклиная предстоящую коронацию, и усмехнулся, сравнив вчерашнюю империту и империту, что сейчас сидела перед ним, – два совершенно разных человека, но одинаково прекрасных и непостижимых. О недавней ссоре с девушкой остались лишь воспоминания: трайд был отходчив и не копил зла за пазухой, но его забавляла злопамятность Дели, которая, видимо, так быстро не прощала обидчиков.

И сейчас он нарочно, не отрываясь, смотрел на нее, внутренне улыбаясь тому, как она старательно не замечает его взгляда.

Почему-то подумал о Звездном Призраке, и мысль о смерти империты показалась нелепой и дикой. А все же, что означали те странные слова, произнесенные девушкой в камарленских пещерах? Но, взглянув на лучезарную улыбку Филадельфии, он успокоился и загнал поглубже неприятные думы. Дели была создана для пышных торжеств, и она их обожала, что легко читалось в ее сияющих глазах. Сам же Марион не любил больших шумных скоплений народа и всей этой суеты, ажиотажа и старался посещать такие мероприятия, как можно реже.

Он видел, как империта оживленно беседует с Араем Арбелем, улыбается и то и дело заливается своим звонким смехом, что не раз пронзал воздух Камарлена, подобно серебряному колокольчику. Видел, что ее собеседник, забыв даже о еде, не спускает с нее счастливых глаз. Трайд нахмурился, заметив этот замороженный взгляд. А рядом с ним хитро улыбался, поглядывая на офицера, Джанулория.

А между тем беседа Дели и Арбеля продолжалась.

– А ведь я видел вас, империта, на центральном канале, – сказал Наместник Фиделя. – Вы сходили с фрегата, что прибыл с Камарлена недавно. Сначала я даже не поверил, но это, действительно, были вы в окружении офицеров ПаРаСКоН.

– Да, я была на Камарлене, Арай, – не стала увиливать девушка. – Я никогда не видела этой планеты и решила воочию убедиться, так ли она хороша, как о ней говорили. А репортеры раздули невесть, какие небылицы, по своему усмотрению.

– И вам понравился Камарлен? – полюбопытствовал Арбель.

– Это удивительная планета, – искренне произнесла Дели. – Вы разве не бывали там?

– Нет, к сожалению, – вздохнул тот.

Их диалог прервал Шармалия, который, повернувшись к девушке, проговорил, сияя кошачьими глазами:

– Простите великодушно, что столь бестактно вмешиваюсь, но я услышал, что речь идет о Камарлене.

– Вы совершенно правы, уважаемый Арон, – улыбнулась Дели. – Мы говорим о Камарлене. А вы, судя по всему, знакомы с ним?

– Не только знаком, но и восхищаюсь им, правда, я очень давно не был на этой чудесной планете, о чем сильно сожалею. Не могли бы вы рассказать мне о ваших впечатлениях, империта Филадельфия?

– О, уважаемый Арон, – воскликнула та. – Впечатлений столько, что, боюсь, на их переказ мне не хватит и двух даальсов!

– Вы только начните, а продолжите, когда посетите Т, ахьян, – лукаво улыбнувшись, предложил Шармалия.

– Я просто не могу вам отказать, уважаемый Арон! – засмеялась Дели, сказала: – Так слушайте. Когда я увидела Камарлен, то у меня даже дух захватило от удивления и восторга! Там так красиво! Лес Фохх, эти огромные огненные деревья, пылающие под жарким солнцем, бурные реки, равнины с красной травой, величественные горы, уходящие в самое небо, луйхары, харубы, лонги! Это было так необычно, здорово и невероятно, что у меня даже нет слов, чтобы все это описать!...

Арон слушал ее с нескрываемым интересом, кивая пышной головой, то ли одобряя, то ли соглашаясь, а Дели продолжала:

– Мы видели даже сурхана и тингоров! А однажды попали под огромный ливень, ихлаки называют его Большой Водой, и это было что-то невообразимое и ужасное. Но, несмотря на все неприятности, мне очень понравилось на Камарлене. Я думаю, что никогда не забуду всех этих оттенков красного, бардового, вишневого, этой жары, этого неба, Халара, этих ночей, полных звенящей тишины и звезд! Да, Камарлен – прекрасная, удивительная планета, о которой можно лишь мечтать! – Девушка ни слова не упомянула о тех опасностях, что пришлось ей пережить, но Шармалия и так все знал, но не подавал вида, слушая ее рассказ.

– Да, именно таким я видел Камарлен много лет назад, – произнес он певуче, погружаясь в воспоминания. – Я рад, что от Ихлакита у вас осталась светлая память. А что вы можете сказать о самих ихлаках?

– Только хорошее. Они, как дети, открытые, доверчивые, искренние, совершенно лишены зла. А такого благородства, великодушия, доброты и отваги я в жизни не встречала. Кто бы мог подумать, что на далекой-далекой планете живут столь необычные, удивительные существа, способные на великие поступки.

Глаза Арона устремились на Юл-Кана, который робко и смущенно оглядывал присутствующих и что-то тихо спрашивал у трайда, стараясь приглушить свой раскатистый низкий голос, и спросил у Дели:

– Я слышал, этого ихлака зовут Юл-Каном? Вы дружны с ним, империта Филадельфия?

– Да, Юл-Кан – мой друг, – подтвердила та, тоже посмотрев на ихлака. – Почему вы спрашиваете?

– Я знал многих из его рода, даже самого Ан-Кора – основателя луйхара, первого вождя. Он был мудрейшим вождем, который поражал меня своей проницательностью и умом. Юл-Кан очень похож на него, на миг мне даже показалось, что это сам Ан-Кор. Славное племя... – т, ахьянец вздохнул и, опустив глаза, принялся ковыряться в своей тарелке.

Девушка, почувствовав, что затронула невольно какую-то глубинную струнку души Арона, спросила, как можно мягче:

– Я вас чем-то обидела, уважаемый Арон?

– Обидели? – удивился тот. – Как вы могли об этом подумать, империта Филадельфия? Я вам очень благодарен за то, что оживили в моей памяти счастливые воспоминания. Но вы рассказали мне лишь малую часть своих впечатлений, не так ли? – Шармалия вновь хитро взглянул на нее. – Я надеюсь, что услышу когда-нибудь и весь рассказ целиком?

Дели недоверчиво посмотрела в лицо т, ахьянца, уловив в его словах подозрительную проницательность, но его глаза излучали понимание, мудрость и лучистое тепло, словно говорили «не бойтесь доверять мне», и девушка успокоилась, поверив ему, сказала:

– Обещаю, вы услышите его, Арон.

Пиршество продолжалось несколько часов, и ни одно блюдо не осталось обделенным вниманием, ни один гость не страдал от отсутствия общества, никого не тронула тень скуки. Все были довольны и веселы, как никогда.

И вот пир закончился, и начались развлечения. Кто-то направился в Зал Ветров, где можно было потанцевать от души. Кто-то сел в нарядные императорские эстелы и яхты и полетел в Орфис, где их ждали всевозможные рестораны, кафе, театры, музеи, магазины, приготовившие массу сюрпризов. Кто-то гулял по дворцовому оккою, о чем ничуть не пожалел.

Дели решила начать с танцев. Зал Ветров – открытая просторная круглая площадка, покрытая блестящим зеркально-гладким белым вульдагоном³⁸ с голубыми прожилками, окруженная массивными вульдагоновыми колоннами, поддерживающими высокий купол, – был шумен и пестрел разноцветьем нарядов.

Посреди зала находился фонтан, – сидящая деллафийская девушка с лави³⁹ в руках – выполненный с таким мастерством и изяществом, что, казалось, в следующее мгновение точеные пальчики девушки коснутся струн, распущенные волосы колыхнутся от набежавшего ветра, и лави запоет свою чарующую песню. Хрустальные струи воды вырывались почти под самый потолок и искрящимся звенящим каскадом рассыпались на мириады радужных капель-звезд.

Легкий свежий ветерок, гуляя по зале, доносил ароматы цветов, деревьев, травы, чей-то счастливый смех. Взгляду открывался Сад Утренней Зари, где в нежной тени деревьев прогуливались деллафийцы, не уставая поражаться увиденному, с восхищением останавливаясь, чтобы поглядеть на кружащиеся пары и послушать бесподобную, ни на что не похожую музыку.

Среди танцующих она с удивлением увидела Юл-Кана, который со счастливым видом неуклюже хлопал в ладоши и притоптывал ногами в такт мелодии, ничуть не стесняясь и не скрывая своей детской радости. Это было такое комичное и трогательное зрелище, что вокруг великана образовалась целая толпа, которая хлопала вместе с ним, скакала, задирая ноги, смеялась и вела себя, как расшалившиеся дети, всецело отдавшись буйному веселью, поддерживая их лака громкими криками одобрения.

Дели тоже немедленно присоединилась к ним, кружась вокруг камарленца, заливисто хохоча, прыгала и выделявала замысловатые па, начисто забыв о своем высоком происхождении.

– Смотри, Шалкай, я танцую, как вы! – радостно воскликнул Юл-Кан, хватая империту за руки и кружась вместе с ней. Его глаза счастливо блестели. Похоже, он, наконец, сбросил оковы оцепенения и теперь развлекался от души.

– Да! Да! – смеялась девушка в ответ. – Только не отпускай меня, иначе я упаду и разобьюсь!

Офицеры не принимали участия в этой сумасшедшей пляске, сидя в стороне с бокалами в руках и с улыбками наблюдали за происходящим.

– Мне думается, это какое-то групповое помешательство, – сказал Тасури, смакуя вино. – В этой неразберихе сам черт ногу сломает. Если не будет жертв, я очень удивлюсь.

– А, по-моему, все очень забавно, – отозвался Джанулория. – Только посмотрите на эти сияющие лица, вот воистину самые счастливые люди. А Юл-Кан-то как разошелся! Того гляди – лопнет от восторга, как мыльный пузырь. Не уронил бы он империту насмерть.

– Империта тоже хороша: скачет, как новорожденный харуб, – недовольно буркнул констат, который терпеть не мог танцы и не понимал всех этих дурацких кривляний.

³⁸ Вульдагон – полудрагоценный камень, используемый обычно в строительстве, но применяется и для изготовления украшений, скульптур и пр.

³⁹ Лави – струнный музыкальный инструмент из дерева илакузана и волоса аргиса (верховое деллафийское животное). Очень мелодичен.

Джанулория тихо рассмеялся, пролив несколько капель олии на одежду.

– Тасури, если ты не любишь плясок, то дай другим потанцевать. Наверняка они сравнивают нас с тремя мрачными тенями, что сидят, словно истуканы, и не понимают, как можно оставаться равнодушными, когда вокруг такое веселье.

– Офицерам не пристало кривляться и дергаться, словно в лихорадке. С меня достаточно и того, что я смотрю на это безобразное издевательство над телом, – категорично отрезал имбе-рианец.

Т, ахьянец снова покатился со смеху, окончательно облившись вином.

– А что думаете по этому поводу вы, трайд? – лукаво спросил он, наполняя свой бокал.

Тот стоял, прислонившись спиной к колонне, и задумчиво наблюдал за танцующими. Больше всего его интересовали Юл-Кан и империта, что отплясывали в самой гуще, став самой экстравагантной и зажигательной парой на площадке, и даже получили за это приз – поездка на водопад Санайль в любое время на сутки. Он не сразу ответил, глядя на их ошеломленно-восторженные лица.

– Ты что-то спросил, Джанулория? – наконец отозвался офицер.

– Мы тут обсуждали с Тасури эти дикие пляски, и я поинтересовался, что вы думаете об этом? Еще олии, трайд?

– Да, благодарю, – Марион взял бокал, наполненный желтой жидкостью, посмотрел сквозь него на свет, пригубил. – Что я думаю? Я думаю, что и нам не мешало бы размять косточки и покривляться вместе со всеми. По-моему, эти замысловатые телодвижения очень бодрят.

– И вы туда же, трайд! – воскликнул констат. – Нет, это и в самом деле какое-то всеобщее помешательство! Это же смешно – офицеры КС и вдруг пляшут, как... – он оборвал себя на полуслове, увидев, что к ним приближаются империта и Арбель.

– О, как уютно вы здесь устроились, уважаемые лонды! – с радостной улыбкой вскричал Правитель Орона. – Позвольте называть вас лондами, ведь сегодня вы не офицеры, а гости Императора, как и все мы!

– Разумеется, Арай, – любезно растянув губы, отозвался трайд. – Не желаете ли присоединиться к нам? Места хватит на всех, а чармианская олия с коасаном⁴⁰ ничуть не уступает знаменитой оронской. Особенно она хороша после столь зажигательных танцев, – добавил офицер, чуть насмешливо глянув на девушку, но та не смотрела на него, а куда-то в Сад, что виднелся между колоннами.

– Вообще-то это мы хотели пригласить вас присоединиться к нам, – неизменно улыбаясь, произнес Арбель. – Но и здесь отличное местечко и хорошая компания, и я, пожалуй, приму ваше предложение. Знаете, эти танцы отнимают все силы, и после них хочешь только одного – спокойно посидеть. – А вы, империта, не желаете передохнуть и отведать глоток вина?

– Вообще-то я не устала, но присоединюсь к вам, – ответила девушка, проклиная оронского Правителя за то, что чуть ли не силой приволок ее к офицерам. Но раз подошла, сразу уйти было бы невежливо и некрасиво, и она присела на край роскошного дивана, мило улыбнувшись, и, не глядя на трайда. Тот же, напротив, бесцеремонно пялился, улыбался во все зубы и, опередив Арая, преподнес ей бокал.

– Благодарю вас, – сухо кивнула она.

– Здесь чудесно, не правда ли? – разглагольствовал между тем Арбель. – Праздники объединения людей и это замечательно! Вы не находите, что нынешний праздник получился на славу?

– Да, да, славный выдался праздник! – с самым серьезным лицом поддакивал Марион, делая вид, что не замечает сдержанные улыбки офицеров, которые они тщательно маскировали

⁴⁰ Коасан – пряное растение. В высушенном виде используется в кулинарии и виноделии, реже в парфюмерии (делл.)

за своими бокалами. – Когда еще нам удастся вырваться из плена повседневных дел и так хорошо расслабиться? Смею заметить, что Император превзошел сам себя.

– А этот огромный камарленец очень органично влился в веселье, – засмеялся Арай. – Вы видели, как он отплясывал? Бьюсь об заклад, в него влюбились все гости! Как, вы говорите, его зовут? Антан?

– Юл-Кан, – поправил его Марион.

– Ах, да, конечно, Юлкан! Какое необычное имя, интересно, что оно означает?

– Рожденный для подвигов, – подсказал офицер.

– Да? Сильное имя, – хмыкнул Наместник Императора и сказал: – А вы правы, эта олия превосходна! Империта, вам нравится это вино или вы предпочитаете розовую олию?

– Они одинаково хороши, Арай, – отозвалась Дели.

– Позвольте тогда налить вам еще бокал? – предложил тот.

– Нет, нет, с меня достаточно, иначе я лопну!

Арбель весело засмеялся, воскликнул:

– Ну, разве не чудо эта девушка? Я просто в восхищении!

– Я присоединяюсь к вашим словам, Арай, и благодарю Императора и Императрицу за то, что они подарили нам такое сокровище – это прелестное юное создание, что милостиво составило нам компанию, – громко, почти во всеуслышание заявил Марион, привлекая внимание гостей. – Давайте же поднимем бокалы за самую прекрасную во всем внутреннем космосе девушку со сладчайшим именем Филадельфия! – он невинно посмотрел на империту.

– Трайд, не стоит все превращать в шоу, – зло прошептала Дели. – Ваши потуги отомстить мне смешны и бесполезны.

– Веселитесь и радуйтесь, империта, ибо праздник, а вы – украшение любого торжества, – тоже шепотом ответил офицер. – Если вы скажете мне упасть перед вами на колени, я это сделаю.

– Такой чести я вас не удостою, не обольщайтесь.

В ответ Марион расплылся в улыбке, а Дели, вскинув голову, окатила его презрительным взглядом. К счастью, никто не заметил их тихого диалога.

– Было очень приятно в вашем обществе, уважаемые лонды, – поднявшись, сказала девушка. – Но праздник в самом разгаре, а я бы хотела еще немного потанцевать. Прошу меня простить, но я покидаю вас.

Тотчас вскочил Арбель.

– Позвольте составить вам пару, империта?

– Буду рада, Арай, – мягко улыбнулась та, и они влились в круговорот танцующих.

Мимо проносились счастливые лица мужчин и женщин, музыка заставляла сердце биться чаще и трепетнее, переплетаясь с мелодичным журчанием фонтана, легкий ветерок овеивал разгоряченную кожу, ароматный воздух кружил голову, и время неслось стремительно и незаметно. Ее уже подхватил какой-то незнакомый деллафиец и, широко и открыто улыбаясь, увлек за собой в быстрый шансерт⁴¹. К немалому удивлению Дели, рядом, ловко ведя партнершу, танцевал Шармалия, колыхаясь своим просторным одеянием. Он тут же перехватил империту и, молодо поблескивая изумрудами глаз, пропел ей в ухо:

– Никогда не думал, что танцы – такое приятное занятие. Я, словно, скинул несколько сот лет. Великолепно!

Девушка засмеялась.

– Я тоже люблю танцевать. Мне кажется, что я легкая, как пушинка, свободная, как ветер, и самая счастливая! Если бы это ощущение можно было продлить до бесконечности!

Они сделали несколько кругов по залу, когда Дели услышала очередную фразу:

⁴¹ Шансерт – парный танец, похожий на вальс (делл.)

– Позвольте пригласить вас на танец, империта.

Она вскинула глаза и изумленно уставилась на трайда, который пытливо смотрел на нее.

– Вы? – ее бровь поползла вверх, а глаза сверкнули пренебрежением, почти отвращением.

– Отказать вы не можете, поэтому – прошу, – он протянул ей руку.

Девушка вспыхнула, но, сделав усилие, сказала, улыбнувшись холодно:

– Что ж, трайд... – и взяла его ладонь.

Некоторое время они молча кружились, пристально, цепко изучая друг друга, ожидая, кто первым начнет перепалку. Перед девушкой было слегка насмешливое лицо с большими внимательными, но непроницаемыми, как лед, глазами, что сейчас в упор смотрели на нее, хлопая густыми ресницами. А офицер искренне любовался империтой. Безукоризненная, непривычно загорелая кожа, тронутая нежным румянцем, летящие на ветру локоны, небесно-голубые ангельские глаза, тонкие крылья бровей, розовые аккуратные губки, что сдержанно и сухо улыбаются ему.

– Я не говорил вам, что вы сегодня обворожительны? – наконец, подал голос Марион.

– К сожалению, не могу сказать этого о вас, – ледяным тоном отозвалась Дели.

– Мужчине не обязательно быть обворожительным, – улыбнулся тот. – Достаточно того, что этим качеством обладают некоторые молодые особы.

– Зато мужчина, как мне кажется, должен обладать хоть малой толикой вежливости и скромности, но вам это не грозит.

– Вежливость и скромность – удел слабаков, – решительно возразил Марион и, прищутив глаза, добавил: – К счастью, вы, империта, далеко не слабачка.

Глаза той вспыхнули, как звезды.

– Вы намекаете, что я лишена вежливости и скромности? – с нажимом спросила она.

– Разве я говорил подобное? – удивился офицер. – Я лишь сказал, что вы – сильная личность, или вы сомневаетесь в этом?

– Я сомневаюсь не в себе, а в вас, трайд. С каждым разом вы все более и более мне несимпатичны, и сейчас вы портите мне мое прекрасное настроение своим хамством и дурацкими выходками.

Тот с интересом посмотрел на нее.

– На Камарлене вы были обо мне другого мнения, да и вчера мы с вами премило беседовали в Вечернем Саду.

Дели гневно метнула взгляд на наглеца, хотела было бросить его и гордо удалиться, но он лишь сильнее сжал ее, не отводя глаз.

– Что вы себе позволяете, трайд? – возмутилась она, оказавшись с ним едва ли не лицом к лицу, не в силах вырваться. – Немедленно отпустите меня или я вызову офицеров ДОБ и вас с позором выставят из Дворца!

– Вы не сделаете этого, империта, – уверенно заявил Марион, ослабив хватку. – Сегодня любой деллафиец имеет право танцевать с вами, даже офицеры, и вы не можете отказать никому. К тому же вы ведь не хотите испортить весь праздник таким неприятным инцидентом с патрулем ДОБ.

– Скажите честно, трайд, вы пришли во Дворец для того, чтобы грубить мне? – с трудом сдерживая гнев, но как можно спокойней спросила она, хотя готова была убить офицера на месте.

– Империта, – усмехнулся Марион. – Как вы могли подумать, что я способен опуститься до подобного? Я ни за что не появился бы во Дворце, если бы не Юл-Кан. Отказать ему я не в состоянии.

Девушка фыркнула. Танец с трайдом не доставлял ей никакого удовольствия, лишь нарастающее раздражение, и она молила космос, чтобы кто-нибудь другой пригласил ее, но никто не подходил, как назло.

– Завтра вы тоже посетите Дворец, трайд? – Дели не пыталась скрыть своей неприязни. – Юл-Кану ведь очень понравилось здесь.

– Да, ему пришлось по душе веселье, чему я очень рад. Может так он быстрее забудет свое горе. Ну а я завтра буду наслаждаться тишиной и спокойствием в своем доме, к вашему счастью. Юл-Кан же, если захочет, может остаться здесь. Я надеюсь, вы присмотрите за ним?

– Разумеется.

– Вы очень добры, – Марион замолчал, потом вдруг спросил с огоньком в глазах: – А где же ваш меч, империта?

– К сожалению, я оставила его в своих покоях, иначе я бы не удержалась и совершила убийство.

– И кто же тот счастливчик, что сегодня избежал смерти?

– Я бы не сказала, что он счастливчик. «Это самое отвратительное и наглое создание во всем космосе», – произнесла Дели, оглядывая танцующих. – И которое уверенно, что оно – пуп вселенной.

Марион громко и от души расхохотался.

– Я думаю, вы говорите об Арае Арбеле? – хитро поинтересовался он.

– Об Арае? – изумленно подняла та глаза. – При чем здесь он?

– Ну как же, империта. Разве вы не заметили, как бедняга смотрел на вас весь день? Бьюсь об заклад, что он уже видит себя будущим зятем Императора. Вы правы, гнуснейший тип!

– Я говорила не о нем, а о вас, трайд! – Гневно воскликнула девушка. – То наглое отвратительное создание – вы!

– Значит, вам нравится Арбель, раз вы его защищаете?

– А это не ваше дело! По-моему, у вас слишком длинный и любопытный нос!

– Конечно, мне нет никакого дела, просто мне нравится злить вас, империта.

Дели яростно посмотрела в улыбающееся лицо офицера, сказала:

– В следующий раз я обязательно захвачу с собой меч, – после чего покинула Мариона, закружившись с очередным кавалером.

А трайд, тихо посмеиваясь, снова присоединился к энод-арону и констату.

– Правда, хороша наша империта? – протянул Джанулория, взглянув на усмехающегося трайда.

Марион налил себе вина, сказал:

– Хороша-то, хороша, но палец в рот не клади – откусит по локоть.

Уже вечерело, когда империта в окружении гостей отправилась в Сад Утренней Зари. Яркое солнце сменили прозрачные сумерки, наполненные легкой прохладой, нежным запахом цветов, веселым говором отдыхающих и пением птиц. Величественные фларисы⁴² тихо покачивали пышной листвой и, словно, звали присесть под своей сенью. Небо, налившись густой зеленью, загадочно улыбалось с вышины. Извилистые дорожки, огибая аккуратные клумбы, убегали вглубь тенистого Сада, завлекая, маня своим безмятежным спокойствием и бесконечностью. То тут, то там возвышались скульптуры, созданные лучшими мастерами Союза, уютные, привлекательные беседки и скамейки были практически полностью заняты любителями неторопливых разговоров на лоне природы бокалом вина, слушая птичий пересвист и шелест листьев. Здесь можно было немного успокоить буйную радость и колотящееся сердце после бурного пира и танцев.

Возле Дели шел Арбель, неумолчно болтая о чем-то. Она делала вид, что заинтересованно слушает, хотя мысли ее витали сейчас вдалеке от него. Взгляд перебирал каждый цветок на клумбах, восхищаясь их естественной красотой, каждый листок, трепещущий над головой, словно живой, слух улавливал малейший звук, будь то далекий неуловимый плеск фонтана

⁴² Фларис – одно из плодовых деревьев, произрастающих на Деллафии.

или взмах крыльев птицы, сорвавшейся с ветки. Девушка с наслаждением вдыхала ароматный дрожащий воздух, – будоражащий, кристальный, пьянящий, руки тянулись к шероховатым стволам деревьев, желая ощутить их тайную, неутомимую, мощную жизнь, текущую, подобно беспрестанному потоку. Ей неодолимо хотелось слиться с деревом, ток которого сейчас бился под ладонью, с бутоном цветка, что белым глазком смотрел им вслед, с этим воздухом, с этими сумерками, разгоняемыми огнями, с этим темнеющим высоким небом.

Дели остановилась, вглядываясь в небосклон широко раскрытыми глазами. Что-то смутное, необъяснимое теснило грудь, вкрадывалось предательской грустью, но что именно, она не могла понять.

– Арай, вы только посмотрите на это небо! – мечтательно выдохнула девушка. – Как оно красиво! Ах, как я хочу подняться туда – в эту головокружительную высоту, если бы вы знали!

Тот поднял голову, с минуту смотрел, сказал:

– Да, очень красиво, империта, но и на земле достаточно не менее захватывающих зрелищ, от которых замирает дух. А небом наслаждаются птицы, оно для них.

Дели перевела глаза на Правителя Орона и вдруг поняла, какая грусть щемила сердце.

– Уже темнеет, – проговорила она. – Вы не составите мне компанию в Вечернем Саду, Арай?

– С радостью, империта, – с готовностью отозвался тот.

Марион сидел в одиночестве в беседке Сада Утренней Зари. Его невероятно утомила вся эта суматоха, шум, мельтешение лиц перед глазами, беспрестанные разговоры ни о чем. Теперь он блаженно потягивал олию, любезно преподнесенную прислугой, слушая переливчатое пение птичек, созерцал превосходный Сад, постепенно утопающий в надвигающейся ночи, наслаждался долгожданным покоем и умиротворением, которых так не хватает его утомленной душе. Марион очень любил этот тихий Сад, деревья которого всегда первыми встречали утренние лучи солнца, всеми его фонтанами, аллеями, цветами, скверами, укромными беседками. Любил эту расслабляющую тишину, навевающую отстраненные думы, мечтания, воспоминания, когда никто не нарушал одиночества и очарования.

Где-то слышались взрывы веселого смеха, приглушенные расстоянием голоса, но они не мешали плавному течению мыслей, и офицер свободно оторвался от тяжелых суетных оков и полностью погрузился в свой внутренний, скрытый ото всех мир. Неожиданно из плена тишины его вырвал женский укоризненный голос:

– Я вас везде ищу, трайд, а вы, спрятались в этом далеком уголке.

– Зачем же вы меня искали, прекрасная Анабель? – Его глаза устремились на красивую, стройную деллафийку в роскошном розово-белом платье, держащую большой букет ороний.

Та грациозно и невесомо присела рядом с ним, кокетливо взглянула глубоко-синими глазами.

– Что с вами, трайд? Вокруг веселье и смех, а вы грустите в одиночестве, словно вам не с кем разделить общество.

– Моя милая Анабель, – Марион остановил слугу, несущего вино, подхватил бокал и преподнес своей нежданной собеседнице. – Я уже достаточно сегодня повеселился, посмеялся и натанцевался, чтобы теперь позволить себе немного передохнуть.

– Но почему-то вы даже не соизволили пригласить меня на танец, трайд, – немного обиженно произнесла деллафийка. – И ни разу не подошли ко мне за весь день.

– Простите мою неучтивость и невнимательность, блистательная Анабель, – вполне искренне раскаялся тот и, сорвав бутон алого трасиала, протянул девушке. – Вы можете проклянуть меня, я это заслужил.

Глаза Анабели засияли счастьем, когда она взяла цветок из его рук, губы ее тронула улыбка.

– Ну что вы такое говорите, трайд? Как я могу проклинать вас? Я даже не могу обижаться на вас, когда вы смотрите на меня такими глазами.

– Вы поистине сокровище, моя чудесная Анабель, – улыбнулся офицер. – А теперь скажите мне, что вы делаете здесь одна? Неужели вы скрываетесь от своих кавалеров, что не отходят от вас ни на шаг?

– Конечно же, нет, – засмеялась она. – Хоть эти кавалеры и утомили меня, но не настолько, чтобы бегать от них. А пришла я к вам, трайд, – неожиданно закончила деллафийка.

Марион недоверчиво и удивленно посмотрел на собеседницу, столкнувшись с ее глубокими, притягательными, интригующими глазами, спросил:

– Ко мне? Чем же я так заинтересовал вас, чарующая Анабель?

Она не отвела взгляда, ответила:

– Вы очень красивы, трайд, и, признаюсь, поначалу я купилась на вашу внешность, но вы не только красивы, вы привлекательны своей решительностью, отвагой, мужеством, даже безумием. Вы не представляете, насколько вы завораживаете собой, трайд! Вы – офицер космической службы, вы окутаны завесой тайны, все офицеры чтят и уважают вас, если не сказать, что они просто влюблены в вас. Что же тогда говорить о нас, женщинах? Мы падки на сильных, окруженных ореолом славы и опасности, настоящих мужчин, которым подвластно все, даже космос. И я не исключение. Вы нравитесь мне, трайд!

Марион был немало удивлен этим откровением, которого он никак не ожидал и первое время молчал, обдумывая услышанное. Было ясно, что Анабель расспрашивала о нем у офицеров, а трайд терпеть не мог, когда кто-то из любопытства начинал копаться в его делах – служебных или личных. Это, во-первых. А, во-вторых, его очень позабавило, что деллафийка назвала его «решительным, отважным, мужественным, безумным», вдобавок, красивым, притягательным, таинственным, завораживающим мужчиной с ореолом славы и опасности. Для одного человека многовато, и трайд мысленно усмехнулся, подумав, что еще никто не говорил ему столько хвалебных слов. И было странно слышать их после всех злобных, яростных ругательств империты.

А все же, что делать с этой, безусловно очаровательной, но глупенькой девушкой, наивно думающей, что он – само совершенство во плоти, не зная его ни капельки, клюнувшей на затасканный, старый, как мир, идеал несуществующего, нереального мужчины, коим он, естественно, не является.

Марион серьезно взглянул на девушку, что с тревогой ожидала его ответа, нервно обрывая лепестки своего букета.

– Моя великолепная Анабель, честно говоря, вы застали меня врасплох. Я даже не знаю, что и сказать...

Деллафийка горячо его перебила:

– Скажите только, трайд, могу ли я надеяться на взаимность? Нравлюсь ли я вам хоть немного?

– Разве вы можете кому-то не нравиться, драгоценная Анабель? Стоит вам лишь слегка улыбнуться и все мужчины у ваших ног. Ваши чары неотразимы.

– Только почему-то мои чары и улыбки не действуют на вас, – печально сказала та. – Видимо, правду говорят, что офицеры КС раз и навсегда влюбляются в одну женщину – Вселенную.

Невольно тот улыбнулся, впервые услышав это оригинальное, но недалекое от истины, высказывание, произнес:

– Анабель, дорогая, я не хочу обижать вас, но вы сами ответили на свой вопрос. Я люблю космос и свободу, и я не в силах противиться этому, это сильнее меня. Привяжите меня к

земле, лишив звезд, и я медленно, но верно угасну. Я не хочу связывать себя и вас какими-либо оковами, которые заставили бы страдать нас обоих. Вы меня понимаете, Анабель?

– Нет, трайд, но мне ясно, чтобы завоевать вас, нужно быть такой же безумной и странной, как вы сами, и также любить звезды, – вздохнула деллафийка, не глядя на офицера.

– Неужели вы не любите звезды, неотразимая Анабель?

– Я люблю звезды, но не мечтаю о них так, как вы. Мне хватает моей Деллафии.

Трайд скользнул взглядом по девушке, но промолчал, чувствуя себя, как никогда одиноким в ее обществе.

Незаметно сгустилась ночь, освещенная рассеянным светом фонарей, – свежая, успокаивающая, таинственная, завораживающая и трепетная. Доносилась нежная музыка из сияющего Зала Ветров, где без усталости танцевали гости. Праздник Цветов продолжался.

По аллее шли двое – мужчина и женщина. Раскидистые ветви фларисов и густая тень, смешанная с ночной темнотой, скрывали беседку и сидящих в ней, но в свете фонарей Марион легко признал в парочке Арая Арбея и империту Филадельфию. Оба стройные, красивые, величественные, – они, словно были созданы друг для друга. Арбель, как всегда, много и шумно говорил, а империта увлеченно слушала. Ее воздушное платье, похожее на легкое голубое облако, разлеталось загадочными искрами, будто сыпалось мельчайшими звездочками. Ей можно было любоваться до бесконечности, как небом. Но вот девушка повернула голову в его сторону, он увидел лучистые мечтательные, необыкновенного цвета глаза и испугался, что Дели заметила его. Но ее взгляд лишь мимоходом скользнул по зарослям фларисов и побежал дальше, вглубь Сада.

А Арай между тем сорвал спелый сочный плод мадолла⁴³ и преподнес империте, та звонко засмеялась, принимая маленький подарок, и от этого серебряного смеха сердце начало биться быстрее.

Офицер услышал их голоса, когда они поравнялись с беседкой.

– Можете мне не верить, империта, – говорил Правитель Орона горячо. – Но я готов бродить с вами всю ночь напролет по этим чудесным аллеям. И, если бы они вели в бесконечность, я бы без раздумий последовал за вами.

– Вы чудак, Арай, – взорвалась та новым фонтаном смеха. – И говорите порой ужасные глупости, которые бы даже ребенок не произнес. Идти по дороге в бесконечность – это, действительно, очень забавно! Может, вы сочините песню под таким названием, Арай? Я бы с удовольствием послушала...

– Что вас так заинтересовало, трайд? – Анабель подошла к офицеру так близко, что он почувствовал ее дыхание на своей щеке.

Увидев империту, глаза деллафийки вспыхнули огоньком ревности и зависти.

– Ночь, влюбленные стремятся остаться друг с другом наедине, – повернувшись к Мариону, сказала она.

– Да, – рассеянно отозвался тот, бросив взгляд на аллею, но Арай с империтой уже скрылись из вида, только все еще доносились мелодичные озорные взрывы смеха девушки. Он поднял глаза на стоящую рядом Анабель – красивую, молодую, цветущую, полную неразстраченной любви, ждущую, но такую чуждую и далекую, что Марион почувствовал вдруг острую пустоту внутри и странную усталость. Захотелось сбежать ото всех, от этого шумного Дворца, от докучливых гостей, от ненужных разговоров, от этих назойливых синих глаз Анабели, скрыться в каком-нибудь райском уголке и не думать ни о чем. Или подняться в космос, раствориться в его объятиях, выпить его силу, энергию и броситься в омут опасности, чтобы чувствовать жизнь, – полную, яркую, короткую, но – Жизнь.

– Трайд, – услышал он голос девушки. – Вы останетесь сегодня во Дворце?

⁴³ Мадолл – плод одноименного дерева. Обладает сладковато-кислым вкусом (делл.)

– Нет.

– Разве вас не будет завтра? – огорчилась та не на шутку.

– Нет, – снова покачал он головой и, увидев ее несчастное лицо, добавил мягче: – Моя неповторимая Анабель, я не создан для таких пышных, веселых торжеств, на них я чувствую себя не в своей тарелке, – смешным и неловким.

Она вдруг порывисто схватила его за руки, сжала их в своих ладонях и воскликнула, умоляюще глядя на него:

– Прошу вас, трайд, не говорите так! Без вас весь праздник потеряет вкус и смысл! Вы не можете не прийти!

Марион осторожно высвободил руки, чуть слышно вздохнул, сказал, слабо улыбнувшись:

– Только последний бездушный подлец может отказать, когда просит такая девушка, как вы, божественная Анабель.

– Значит, вы придете, трайд? – просияла деллафийка.

– Да, – пообещал тот, идя наперекор своим желаниям.

– Вы, действительно, неотразимы, Марион! – и, неожиданно схватив его за руку, потянула за собой прочь из беседки. – Идемте в Вечерний Сад! – весело прошептала она. – Там сейчас все гости, а может даже Император с Императрицей!

Трайд, жалея, что не дал девушке сразу решительный отпор, последовал за ней.

Вечерний Сад в это время полыхал ночными цветами. Систеллы, регены, эканы, унии, актиролании, раскрыв свои чашечки, теперь жадно вдыхали прозрачный воздух, слабо светясь в темноте, создавая мерцающий магический ореол волшебства.

Здесь вовсю шло буйство неудержимого веселья. Аттракционы, откуда раздавались восторженные вопли, симпатичные столики, где проголодавшиеся гости могли перекусить и утолить жажду. Огромный бассейн с чистейшей водой и кувшинками, покачивающегося на ласковых волнах люмитуса, где барахтались счастливые дети и несколько имберианцев, в числе коих находился и Тасури. Пяток чудесных мини-водопадов, специально задуманных Императором для праздника, притягивали к себе любопытных своим неустанным журчанием и оригинальностью. Густые заманчивые острова ханрасила⁴⁴, усыпанного белоснежными крошечными цветами, и виала⁴⁵, гибкие ветви которого сгибались под тяжестью бледно-красных плодов, под радушной сенью которых вальяжно устроились притомившиеся за весь день гости. По аллеям, усыпанным листьями и лепестками, между ровными колоннами гордых илакузанов⁴⁶ расхаживали вольные музыканты и актеры-циркачи, облаченные в удивительные блестящие наряды, что устраивали целые миниатюрные сценки, показывали поистине магические фокусы, творили чудеса ловкости и гибкости, в общем, развлекали публику по полной программе, отчего та приходила в неописуемый восторг.

Дели нашла в толчее Юл-Кана и Джанулорию, и они отправились на площадку аттракционов. Начали с «дьявольского кольца». Их то нещадно мотало из стороны в сторону, словно тряпичных кукол, то вздымало на недостижимую высоту, будто на гребне гигантской волны, и тогда их взору открывалось впечатляющее зрелище – весь Орфис, как на ладони, полыхающий миллионами огней, даже далекие бескрайние луга с каемкой леса и почти невидимые горы. А внизу – игрушечный Дворец и сияющий оккой с букашками-людьми. А потом они стремительно падали вниз, прямо на землю, и сердце сжималось в комочек и сумасшедше билось где-то в горле, а рот разрывался от крика и визга.

⁴⁴ Ханрасил – ягодный кустарник, весьма распространенный на Деллафии. Плодоносит раз в год красными сладкими плодами.

⁴⁵ Виал – плодовое дерево, завезенное с Имберии, претерпело ряд изменений, прежде, чем прижилось на Деллафии.

⁴⁶ Илакузан – исконно деллафийское дерево, высотой до 100 фионов, но иногда встречаются и гораздо большие деревья.

Юл-Кан орал так, что закладывало уши, пытался отстегнуть ремни, чтобы забиться куда-нибудь, хватался за пустые ножны, проклиная всех злых духов, вертелся, как уж на сковородке, тарасился во все три глаза в священном ужасе и восторге, – в общем, вел себя, как настоящий новичок, чем ужасно смешил империту.

Джанулория мало чем отличался от ихлака: вопил, тарасился, хватался за все подряд, крутился, жаловался на дурноту, закатывал глаза, напрочь забыв о своей степенности и серьезности.

Потом была «веселая дорога». Они неслись в открытой капсуле с ошеломляющей скоростью – вверх, вниз, вправо, влево, по спирали, с резкими поворотами, иногда вниз головой, – захлебываясь встречным ветром и своим же криком. Время от времени их нещадно поливало то водой, то соком, то конфетами, то вдруг прямо перед носом взрывался фонтан цветов или конфетти. Они сошли с «веселой дороги» насквозь мокрые, облепленные лепестками, разноцветными блестками, ленточками, с полными охапками сладостей, счастливые, как дети, слегка пошатываясь от головокружительной тряски.

– Я, наверное, сошел с ума, – охал Джанулория. – В моем возрасте кататься на этих убийственных аттракционах, словно юнец, вопить во всю глотку, писать в штаны от страха, прошу меня простить за выражение, империта. Видели бы меня мои сородичи – ароны, они бы умерли от стыда!

Дели, смеясь, хитро взглянула на него.

– Но, согласитесь, было здорово, энод-арон! А то, что мы все наделали в штаны – это ерунда, мы все равно мокрые с ног до головы!

Т, ахьянец захохотал, растеряв половину своих конфет.

– У меня нет штанов, Шалкай, – вставил ихлак, упоенно поглощая столь любившиеся ему сладости, чем вызвал новый приступ смеха у своих спутников.

– Тебе повезло, мой друг, – откликнулся Джанулория. – Ты вышел сухим!

Они немного посидели у одного из водопадов, перебрасываясь шуточками, взрываясь неудержимым хохотом, который был слышен далеко вокруг, потом присоединились к большой толпе, что собралась вокруг труппы артистов. Труппа состояла всего из двух деллафийцев, но они, видимо, пользовались популярностью, потому что толпа, окружающая их, визжала, свистела, хлопала в ладоши и глазела, не отрываясь.

Дели с помощью Юл-Кана и Джанулории сумела пробиться в первые ряды, и через мгновение она уже зачарованно смотрела на представление, развернувшееся на маленькой площадке. Больше всего ей понравилась живописная сценка «схватка с ладуэром⁴⁷» и, глядя на артиста, изображающего сраженного, умирающего зверя, чуть не прослезилась. Публика зааплодировала пуще прежнего, а империта бросила свой букет, который один из артистов ловко подхватил на лету и, вдохнув их аромат, признательно поклонился девушке.

А, между тем, представление продолжалось. Актер по имени Айан громко заговорил:

– Как вы видите, уважаемые зрители, нас всего двое – я и Руас, а для следующих волшебных номеров нам нужна прелестная помощница, поэтому сейчас мы выберем ее из числа наших очаровательных зрительниц!

Тут же на них обрушился шквал женских голосов, желающих стать третьим членом труппы. Кричала и Анабель, вытягивая вверх руку. Артисты обходили публику, ища глазами достойную партнершу.

– Они выберут меня! – уверенно шепнула Анабель в ухо Мариону, когда Руас остановился напротив них. Но тот направился дальше, к ее жестокому разочарованию.

Дели с интересом наблюдала за процессом выбора, гадая, на что ориентируются артисты: на голос, на цвет глаз, на рост или на платье? Она даже чуть вжалась в толпу, скрывая свой

⁴⁷ Ладуэр – хищник, обитающий в лесах Деллафии. Относится к семейству драконовых.

мокрый, заляпанный наряд, но тут Руас замер возле нее, сжимая в руке брошенный ею букет, взглянул в глаза, улыбнулся и, повернувшись к Айану, громко провозгласил:

– Вот она – наша прекрасная, как сама Деллафия, помощница!

Империта недоуменно, растерянно, почти с испугом вскинула на него глаза, думая, что он шутит, но сильные руки актеров уже бережно подхватили ее и вывели на середину площадки.

Марион видел смущенное, залитое краской лицо Дели, хлопающей длинными ресницами, ее платье в кляксах конфет, шоколада и конфетти и улыбался, сам не зная чему, приготовившись лицезреть интересное зрелище.

– Как же зовут нашу восхитительную помощницу? – спросил Айан, ободряюще глядя на девушку.

– Филадельфия, – сбросив оцепенение, ответила та.

– Чудесное имя, как музыка, – улыбнулся артист. – Ты сделал верный выбор, Руас! А теперь предстоит перевоплощение, которое сделает из прекрасной Филадельфии истинную королеву нашего представления!

В четыре руки они ловко расправили большой кусок зеленой блестящей ткани на круглом обруче и накрыли им империту, скрыв ее от глаз, как колпаком. Музыкант, сопровождающий труппу, нагнал интриги загадочной нарастающей мелодией. Публика напряженно замерла, затаив дыхание, вперивши широко открытые глаза в колыхающийся изумрудный шатер. И вот ткань медленно поползла вниз, опадая мягкими ленивыми складками, пока не опустилась на землю зеленым кольцом. Все ахнули в изумлении: перед ними, восседая на настоящем живом аргисе⁴⁸, облаченная в удивительный, обтягивающий стройную фигурку, сияющий красно-золотыми узорами и камнями, наряд с коротким плащом, с изящной маской на лице, предстала Филадельфия с волной распущенных волос, красиво вытянув тонкую руку с цветком стамихаля. Публика взорвалась аплодисментами и криками, а Дели, сорвав маску, лучезарно улыбалась.

Айан с Руасом восхищенно смотрели на свою новоиспеченную помощницу, но тут Айан очнулся и звонко крикнул:

– Лонды и лондалины, а также линды и все уважаемые гости Императора! Сейчас вместе с нами вы окунетесь в мир волшебства, загадок и тайн, – чарующий, непостижимый мир, поэтому приготовьтесь удивляться и поражаться! Вас ждут настоящие чудеса!

И чудеса были. Перед ними разворачивались захватывающие сценки, переплетающиеся с цирковыми, акробатическими номерами, полные невероятных превращений, исчезновений, огней, фейерверков и множества других не менее удивительных и красивых фокусов.

Дели принимала в действе активное участие. Она так органично и легко влилась в свою роль помощницы, что поражалась сама себе. Девушка бесстрашно соглашалась на сложные трюки и рискованные волшебства и с азартом экспериментировала с самими артистами, чем приводила последних в искренний восторг.

А потом Руас воскликнул, когда гром аплодисментов стих:

– Среди нас, я вижу, есть доблестный офицер КС, – он посмотрел на Мариона, который единственный из всех офицеров не снял форму даже в праздник. – И, чтобы дать ему возможность размять заскучавшие мышцы и, чтобы пощекотать нервы наших зрителей, я предлагаю стать ему участником нашего шоу!

Толпа одобрительно загудела, требуя зрелища, и трайду пришлось принять предложение артиста.

– Что же я должен делать, уважаемый? – поинтересовался он, выйдя на середину круга. – Надеюсь, мне не придется магически растворяться в воздухе или порхать в небе, как птичка?

⁴⁸ Аргис – травоядное верховое животное, очень миролюбивое, быстрое, обитает только на Деллафии.

– О, нет, – засмеялся весело Руас. – Я не буду заставлять вас выделять что-то сверхъестественное. – С этими словами в его руках появились, словно по волшебству, два гнорсейна – длинные узкие энергетические мечи. Он ловко бросил один из них офицеру, который тот подхватил на лету. Трайд коснулся кнопки, и показалось световое жало лезвия, испускающее слабый-слабый свет. Это был тренировочный гнорсейн, не способный причинить серьезного вреда, кроме мелких ожогов и ссадин. Марион улыбнулся, поняв, в чем будет состоять это шоу, подняв глаза на актера, произнес:

– Вы не представляете, какую радость мне доставляете, уважаемый. Ваши правила?

– Побеждает тот, кто выбьет оружие из рук соперника, – отозвался тот, весело блеща глазами. – И больше артистизма, трайд, мы на сцене! Разумеется, допускаются лишь честные приемы, – с хитрой улыбкой добавил он.

– Разумеется, – кивнул тот, взмахнув лезвием, разминая руку.

И шоу началось. К удивлению, Мариона, Руас великолепно владел гнорсейном, и едва не выбил световой меч из его руки, отвыкшей от подобного оружия за долгие годы службы. Но навыки быстро вспомнились, и два мерцающих лезвия с одинаковой проворностью и силой ударялись друг о друга, одно тело ни в чем не уступало другому ни в стремительности, ни в ловкости. Они, словно тени, носились по площадке, свивались в клубок, пробуя различные приемы, сверкая гнорсейнами под оглушающие вопли зрителей. Глядя на улыбающегося, легкого, словно танцующего Руаса, трайд и сам невольно двигался, как в танце, – невесомо, летяще. Он с головой погрузился в схватку – свою стихию, ликовал и торжествовал, не замечая ни криков, ни лиц, только это пляшущее острие меча перед собой. И, наконец, ему удалось выбить оружие из рук Руаса.

– Вы – достойный соперник, – Марион пожал запястье артиста.

– К сожалению, Айан не владеет оружием, – открыто улыбнувшись, произнес тот. – Зато теперь вы – любимец публики, трайд. Поглядите, как вам рукоплещут. И спасибо за представление. Если бы вы не были офицером, из вас вышел бы отличный актер.

– Я подумаю об этом, когда выйду на пенсию, – засмеялся тот, возвращая гнорсейн.

Но неожиданно к ним подошла Дели.

– Не хотите ли сразиться со мной, трайд? – насмешливо спросила она.

Оба мужчины изумленно уставились на нее, и трайд поинтересовался:

– С вами, прекрасная Филадельфия?

– Со мной! – вскинула та голову, посмотрев ему в глаза. – Или вы не считаете меня достойным противником?

Публика притихла, с нескрываемым любопытством прислушиваясь к этому диалогу.

– Офицеры не скрещивают оружие с женщинами, – покачал тот головой.

– Так сделаем исключение, трайд! – задорно воскликнула девушка, выхватывая гнорсейн из рук Руаса. – Повеселим публику! – она легонько коснулась его острием, и Марион почувствовал болезненное жжение на коже. Офицер вспыхнул, как порох, яростно взглянул на маленькую нахалку, что открыто ухмылялась ему в лицо, поглядывая сквозь прорези маски.

– Раз вы так желаете, невероятная Филадельфия, я не могу отказать, – любезно улыбнулся он, снова взявшись за энергетический меч.

Возбуждение в толпе достигло наивысшей точки: неслыханно – скрещивают оружие, пусть и тренировочное, и неопасное, мужчина и женщина! Вопили все, напирали задние ряды на передние, боясь пропустить такое невиданное зрелище. Казалось, что сюда сбежались все, находящиеся в Вечернем Саду.

А между тем противники примеривались друг к другу, идя по кругу. С лица девушки не сходила насмешливая улыбка и держалась она, как заметил офицер, довольно уверенно и свободно. В облегающем костюме, с копной разметавшихся волос, в этой золотой маске она

меньше всего походила на империту – царственную особу, коей была совсем недавно, а скорее на некую сказочную, выдуманную героиню.

– Зря вы ввязались в эту глупую авантюру, империта, – негромко произнес Марион, когда их лезвия соприкоснулись.

– Вы слишком самоуверенны, – хищно улыбнувшись, Дели отпрыгнула назад, уклоняясь от острия. – Или вы до сих пор не верите, что я прошла курсы при КС?

– Я в этом никогда и не сомневался, империта, – гнорсейны вновь ударились, и Марион удивился, что рука девушки не дрогнула от удара. – К счастью для меня эти мечи не опасны, иначе вы бы изрубили меня в мелкую лапшу, не правда ли?

– Да, я с удовольствием бы сделала это после всего того, что вы мне сегодня наговорили, но зато у меня есть прекрасная возможность немного поджарить вас! – с этими словами она с удивительной быстротой нырнула под его рукой и тотчас несильно полоснула по боку.

Марион, дравшийся с ней вполсилы, исхитрился и схватил ее, сорвав маску. На него смотрели прищуренные в усмешке глаза, в которых прыгали дьявольские огоньки.

– Знаете, вы чертовски хороши в этом соблазнительном наряде, – проговорил он, крепко держа девушку.

Та расхохоталась в ответ, выскользнула из его рук и снова кольнула, теперь уже в грудь.

– Империта, давайте покончим с этим спектаклем, пока я не рассвирепел и не покалечил вас, – миролюбиво предложил офицер. – Я даже согласен присудить победу вам.

– Вы испугались, трайд? – смеясь, спросила Дели. – Или вам не по вкусу запах жареного мяса?

– Мне не по вкусу ваш острый язычок, – Марион решил припугнуть острячку и пошел в наступление.

Некоторое время империта молча отражала атаки, получив несколько царапин-ожогов, но не обратила на них внимания, потом умудрилась прижечь его особо остроумно так, что трайд слегка поморщился, сказала с усмешкой:

– Простите, я не знала, что вы столь чувствительны к боли. В следующий раз я постараюсь попасть вам в голову: мне кажется это наименее ценная часть вашего тела.

– Вы так думаете? – Марион только собирался сделать «разящую волну» и выбить-таки гнорсейн из рук маленькой бестии, но неожиданно оступился о камешек, чуть покачнувшись, но девушка тут же воспользовалась его секундным замешательством, и ловким ударом хотела было лишить его оружия. Хотела, но трайд с поразительной быстротой отбил лезвие и инстинктивно схватил ее, теряя равновесие, и они оба рухнули на землю.

Марион смотрел на девушку, сидящую на нем, как на удобном стуле, и к его горлу подкатывал комок смеха.

– Вы проиграли, трайд, – торжествующе улыбаясь, произнесла Дели негромко. – Мой гнорсейн у меня в руках, а ваш-нет.

– Хоть это и нечестная победа, пусть будет по-вашему, империта. Если бы не этот чертов камень, вам бы пришлось туго. Но я не буду уязвлять вашего самолюбия, раз вы думаете, что победили меня.

– Вы просто неповоротливый увалень, трайд, вам бы не мешало согнать лишний жирок и хорошенько потренироваться, – со смешком заявила та.

– А вы восхитительны, как эта ночь, империта, – тихо произнес офицер, не отрывая от нее глаз.

Дели фыркнула и поднялась на ноги под неумолчные восхищенные вопли зрителей, которые, как безумные, хлопали в ладоши, что-то кричали ей и бросали букеты цветов на площадку.

– Вашу руку, трайд, – произнесла она, протянув ему свою ладонь, помогая встать на ноги.

Руас с Айаном подошли к ним и, не скрывая изумления и радости, принялись их благодарить за столь необычное зрелище.

– Похоже, вы затмили нас, дорогие друзья, – смеясь, говорил Руас. – И теперь нам не остается ничего другого, как только покинуть сцену! Такого успеха у нас с Айаном никогда не было!

– Я всегда говорил, что у Руаса природное чутье на талантливых людей, – вставил счастливый Айан. – И сейчас оно не подвело его, когда он выбрал из всех именно вас, неподражаемая Филадельфия, и вас, доблестный трайд. Я просто в восхищении!

– Кто действительно достоин восхищения, так это наша непобедимая Филадельфия, – Марион с улыбкой скосил глаза на девушку. – Мастер владения гнорсейном и прирожденная волшебница.

– Трайд, как всегда склонен к преувеличению, – скривив губы в подобии улыбки, отозвалась Дели, не глядя на офицера.

– Я предлагаю выпить за наше знакомство! – вдруг предложил Айан.

– С удовольствием! – с легкостью согласился Марион, которому были по душе эти два актера.

– Я тоже не откажусь, – кивнула империта, жалея только о том, что трайд вновь все испортит.

– Отлично! – воскликнул Руас и обратился к публике: – Дорогие лонды и линды! Мы чрезвычайно благодарны вам за внимание и за неослабевающий интерес к нашему представлению и будем необычайно рады снова видеть вас завтра в Театральной Зале Императорского Дворца, где вы станете свидетелями грандиозного феерического шоу! До встречи и спасибо!

Они устроились за уютным столиком в тени развесистого цветущего ханрасила, разлили розовую олию по бокалам.

– Сегодня был превосходный день, – заговорил общительный и веселый Руас. – Мы потрудились на славу, и гости были очень довольны, но такого успеха мы достигли, благодаря несомненным талантам этой очаровательной девушки и обаятельного молодого человека в высоком звании трайда. Я хочу поблагодарить их и выпить за наших новых, я надеюсь, друзей!

– Скажите, в чем секрет ваших невероятных фокусов? – поинтересовался Марион. – Я никак не могу понять, откуда взялся тот аргис, ведь не мог же он появиться из воздуха? Или это самое настоящее волшебство?

Артисты засмеялись.

– Позвольте нам оставить наши секреты при себе, уважаемый трайд! – ответил Айан. – Пусть эти фокусы будут для всех тайной и магией, иначе мы умрем от голода, оставшись без работы!

– Хорошо, я не настаиваю, – улыбнулся Марион. – Как я понял, завтра вы будете выступать во Дворце?

– Да, Император пригласил нас, – кивнул Руас. – И мы с Айаном задумали нечто поистине фантастическое и, если вы посетите завтра Театральную Залу, то все увидите своими глазами. Надеюсь, мы не ударим в грязь лицом, ведь подготовка была долгой и тщательной.

– Я обязательно приду, – загорелась Дели. – Мне очень понравились все эти волшебные штучки, только жаль, что я не смогу поучаствовать в вашем представлении, как сегодня. Это было здорово!

– Знаете, Филадельфия, вы бы могли стать третьим членом нашей труппы, – вдруг заявил Айан, повернувшись к империте. – Нам, как раз очень не хватает такой талантливой прелестной помощницы, как вы. После специальных тренировок вы бы стали настоящей королевой сцены!

Дели засмеялась.

– Вы шутите? Я – и на сцену? Это нереально!

– Почему же нереально? – удивился Айан. – Я видел вас сегодня и могу поклясться, что вы рождены, чтобы быть звездой.

Девушка потягивала вино, обдумывая услышанное, потом сказала с блеском в глазах:

– А это очень заманчиво, пожалуй, я даже соглашусь.

Артисты просияли, но Марион недоверчиво поглядел на империту, думая, что она шутит.

– Не дурите, Филадельфия, – сказал он, обращаясь к ней по имени. – Вы же сами понимаете, что это невозможно.

Глаза той устремились на него.

– Кто сказал, что невозможно? – полюбопытствовала она, нахмурившись.

– Не забывайте, кто вы, – офицер нажал на слово «кто».

– А вы не забывайте, кто вы, трайд. Вы не можете указывать мне, что я могу, а что – нет.

– Поймите, у вас другое будущее – более серьезное и ответственное, чем звезда сцены.

– Уж это не вам решать, какое будущее меня ожидает! – воскликнула Дели. – Если я захочу быть артисткой, то буду ей и никто мне не указ!

– Это глупо, – спокойно ответил тот.

– Не лезьте не в свое дело, трайд!

– Я лишь пытаюсь образумить вас. Сегодняшний успех вскружил вам голову. Слава ослепляет.

Неожиданно девушка вскочила, испепеляя глазами офицера, почти крикнула:

– Я не желаю вас слышать, трайд! Вы просто бездушное чудовище! – после чего быстро убежала под недоуменные взгляды артистов.

Она сидела у бассейна, зло и раздраженно глядя на счастливых детей, что беспечно плескались в воде, колыхая кувшинки желтого люмитуса. Веселые голоса, крики, смех, даже музыка теперь приводили ее в бешенство. Настроение было безнадежно испорчено, и эта разгульная ночь уже не казалась прекрасной, как несколько минут назад. Дели мрачно пила вино, проклиная трайда, свою несчастливую судьбу и Императорский Трон, а горькие мысли заставляли ее глаза покрываться влажной пеленой.

– Империта... – раздался рядом голос.

– Убирайтесь к дьяволу! – огрызнулась та, не поворачивая головы.

Марион подошел ближе.

– Империта, не взвинчивайте сами себя... – начал было говорить он, но Дели, стремительно повернувшись к нему, окатив ненавидящим взглядом, яростно перебила:

– Не взвинчивать себя? Да вы знаете, что я хочу удушить вас больше всего на свете? Вы убили на корню мое настроение, что я не хочу теперь ни веселиться, ни смеяться! Какого черта вы вообще появились во Дворце, ведь вы так любите тишину и одиночество? И что вы таскаетесь за мной повсюду? Вам мало места в оккое? Ну что вы таращитесь, как невинная овечка?

– Вы можете сколько угодно ненавидеть меня, но послушайте, империта, я пришел сюда не для того, чтобы затевать с вами новую ссору, а поговорить. Я вам не враг, и желаю вам только добра, а вы все мои слова воспринимаете в штыки, не удосуживаясь даже выслушать меня. Я прекрасно понимаю ваше нежелание быть Императрицей, но это не значит, что вы должны бросаться в крайности, становясь циркачкой или кем-то еще. Послушайте совета человека, который прожил чуть больше вас и который повидал многое – и хорошее, и плохое, и научился разбираться в жизни.

– Если так, то не учите теперь жить и меня, трайд! Я сама знаю, что мне нужно и в ваших советах я не нуждаюсь!

– Я так не думаю, империта.

– Вы решили взять на себя роль Императора? Только учтите, несмотря на то, что вы умеете говорить красивые слова, вы остаетесь отъявленным наглецом, лезущим не в свои дела!

– Видимо, говорить с вами по-человечески невозможно, вы просто-таки напрашиваетесь на ссору, а потом жалуетесь и кричите, что я порчу вам настроение.

– Вы, трайд, самый гадкий человек во всем космосе! Более бездарного и наглого офицера я не встречала. Вам больше подходит быть не офицером, а космическим пиратом! Вы такой же дерзкий, пакостный, самоуверенный и отвратительный!

– Вы соизволили усомниться в моем профессионализме, империта? – в упор посмотрел он на нее. – Сомневаясь во мне, вы сомневаетесь и во всех офицерах КС, а это серьезное оскорбление офицерской чести. Я требую у вас взять свои слова обратно!

– И не подумаю!

– Хорошо, империта, – Марион медленно отстегнул свой болис, арт и, положив его на землю перед девушкой, произнес правило из Устава ПаРаСКоН: – Если какое-либо лицо усомнится в офицере КС или в его профессионализме, офицер, в независимости от своего звания, обязан сложить с себя нагрудный знак до тех пор, пока честь офицера не будет восстановлена. Вы этого добивались, империта?

– Ах, какая трагедия – трайд Марион лишился своего болис, арта! Из вас, в самом деле, вышел бы неплохой актер, – усмехнулась Дели, даже не подозревая, что тот не шутил, а, действительно, был серьезно оскорблен. – Только этот ваш спектакль не поднял мне настроения.

Марион взглянул на нее потемневшими от гнева глазами.

– Я в свою очередь очень сомневаюсь в наличии ума у дочери Императора, и поэтому беспокоюсь за будущее Деллафии и Союза в целом.

– За такие слова, трайд, вы лишитесь не только болис, арта, но и офицерского звания и отправитесь в пожизненное изгнание на какой-нибудь Нхасс!

– Вы сказали, что я достоин трибунала и изгнания, – негромко произнес тот. – Может и так, но на месте Императора я бы не давал вам столько свободы, а задал бы вам хорошую взбучку для науки.

И тут девушка, в порыве неудержимой ярости, со всей силы толкнула офицера, и Марион, не ожидавший ничего подобного, с размаха плюхнулся в бассейн. Дели, не взглянув на него, сейчас же удалилась.

– Вы в порядке, трайд? – спросил подплывший Тасури, находясь в немалом изумлении.

– Нет! – заорал трайд, отфыркиваясь. – Я далеко не в порядке!

Дели, Юл-Кан, Джанулория и Арбель сидели в самой глубине Вечернего Сада. Мужчины оживленно болтали, смешивая деллафийскую речь с контарта. Арай, разгоряченный вином и весельем, говорил без умолку, рассказывая смешные истории, расспрашивая камарленца, даже попросил т, ахьянца показать что-нибудь из аронских чудес, но тот наотрез отказался, что, впрочем, не сильно огорчило Правителя Орона.

Девушка же большей частью молчала, что было на нее не похоже, рассеянно перебирая глазами лица прохожих, скользя по аллеям ночного Сада, и без перерыва пила олию.

– Империта, с вами все в порядке? – немного обеспокоенно спросил Джанулория, давно заметив угнетенное настроение девушки, так не вязавшееся с всеобщей радостью.

– Да, все просто отлично, энод-арон! – нарочито беспечно воскликнула та, наливая себе очередную порцию вина. – Ночь прекрасна, как никогда, гости веселы и довольны, столы полны, и цветы ароматны! Праздник продолжается!

Т, ахьянец недоверчиво взглянул на нее, но не стал более ничего спрашивать.

А в это время начался фейерверк. Ночное темное небо озарили множество разноцветных огней – желтых, красных, голубых, белых, зеленых... Они взрывались пышными гроздьями, принимая причудливые грандиозные формы, и осыпались сияющим дождем, а им на смену уже взмывали ввысь новые каскады огня. Казалось, что это полыхало само небо, искрилось, переливалось, озаряя землю ярким светом. Воздух зазвенел от восторженных криков, свиста, и зачарованные глаза устремились в вышину.

Собеседники Дели соскочили с мест и теперь заворуженно пилились вверх. Юл-Кан был сражен этим зрелищем наповал, и он яростно тер руками глаза не в силах поверить в то, что видит. Арбель что-то кричал Джанулории, размахивая руками, а тот лишь тряс гривой, не отрывая глаз от сумасшедших огней. Империта тоже было вскочила, но тут почувствовала, что еле стоит на ногах. Это ее очень обеспокоило, и она снова упала на стул, бормоча ругательства и запивая их вином.

– Империта, мне кажется, вам не следует больше пить, – Джанулория мягко забрал у нее бокал.

Глаза девушки угрожающе вспыхнули.

– Вы, офицеры, очень любите поучать других! – она выхватила бокал из руки т, ахьянца. – Я буду пить столько, сколько сочту нужным!

– Как вам угодно, империта, – не стал пререкаться тот.

Потом Дели захотелось немного прогуляться и, подхватив за руку ихлака, она потащила его куда-то по аллеям. Голова очень странно кружилась, ноги почему-то отказывались идти прямо, и все время норовили увести ее куда-то в сторону, став совершенно чужими и ватными, а тело, наоборот, приобрело подозрительную легкость и разболтанность. Такое необычное состояние полуреальности было незнакомо империте, и теперь она шла, шатаясь, хоть ее и поддерживал Юл-Кан, ощущая себя свободной и очень веселой.

– Послушай, Юл-Кан, – говорила Дели непослушным языком. – Ты – ихлак, я – деллафийка, вот вроде бы между нами нет ничего общего, а мы идем вместе, разговариваем. Так может быть? Но это так. Значит, может... Смотри, сколько звезд на небе! Раньше я думала, что их повесил туда мой отец, чтобы ночью я не боялась. А отец мой – тиран, который не понимает, что я не хочу быть Императрицей... О, космос, почему мои ноги не слушаются меня?.. Так вот, о чем я говорила? Да! Мой отец... Мой отец просто бездушная чурка, окруживший себя такими же чурками, как трайд. Ну и черт с ними со всеми! Я правильно говорю? Конечно, правильно! Я стану космическим пиратом или звездой сцены им всем назло, и плевать я хотела на Трон! Вот так – тьфу!..

Вдруг она услышала звучный голос Императора, раздававшийся совсем рядом, а вскоре и он сам шел им навстречу.

– Я всюду ищу тебя, Филадельфия! – заявил Фидель. – Твоя коронация будет завтра утром в Тронном Зале. И не вздумай выкинуть какую-нибудь глупость или опоздать!

– Разве сегодня я выкинула какую-либо глупость или разочаровала гостей, Император? – с вызовом спросила та, стараясь говорить четко и ясно, но ничего не вышло.

Император подозрительно окинул ее суровым взглядом, громыхнул:

– Что это значит, Филадельфия! Ты пьяна?

– С чего вы взяли, Император? Я лишь пригубила олию в честь праздника.

– Не лги мне! – взбесился тот. – Ты едва стоишь на ногах, твой язык заплетается – это ты называешь пригубить?

– Все веселятся, я тоже имею право веселиться! – сейчас ее не страшил ни Император, ни его гневные слова, ни предстоящее наказание, наоборот, хотелось уколоть отца сильнее, чтобы он заревел, как водопад.

И он заревел.

– Завтра твоя коронация, а ты тут разгуливаешь, напившись вусмерть, в каком-то непристойном наряде, словно хандыбайка! Ты позоришь себя, меня, всех гостей и весь праздник своим поведением! Это просто неслыханно, – чтобы дочь Императора пила больше самого закоренелого пирата! Учти, эта выходка тебе надолго запомнится! погоди, дай только празднику закончится, и ты у меня узнаешь, как своевольничать! Сейчас же иди во Дворец и не смей больше показываться в оккое! Клянусь, я оборву тебе уши, маленькая бесстыдница!

– Вы не имеете права лишать меня праздника, Император! – возмутилась та. – Не имеете!

– Я сказал, немедленно во Дворец! – Фидель был в ярости. – И, чтобы завтра я видел не эту безобразную пьяницу, а настоящую империту деллафийскую!

– Это будет завтра, Император, а сегодня я буду делать, что хочу! – отчаянно крикнула девушка и, схватив их лака, побежала прочь.

Они долго кружили по Саду, Дели с горя выпила еще пару бокалов вина, назло всем, пока не столкнулись с Марионом, который мрачно сидел на скамейке вдали от шума и то и дело наполнял свой бокал из графина, вперив отсутствующий взгляд куда-то в заросли виала. Услышав их приближение издали, повернул голову, вглядываясь.

– Империта? Юл-Кан? – удивленно поднялся он им навстречу. В отличие от Дели, вино не спешило туманить ему голову, и его глаза оставались, по-прежнему, ясными, а речь – твердой. – Что вы делаете в этом тихом уголке?

– Ха, кого я вижу! Трайд собственной персоной! – пошатываясь, воскликнула девушка. – Надеюсь, вы хорошо искупались?

– Что с ней? – спросил офицер у их лака. – Она пьяна?

– Я думаю, это не ваше дело, трайд! Да, мы пили и пили много и весело. Что вы теперь делаете? Давайте, покричите, как Император, прикажите мне прекратить безобразничать, назовите меня пьяницей и хандыбайкой или задайте мне взбучку для науки! Ну, что вы молчите, трайд?

– Идите во Дворец и ложитесь спать, империта, – спокойно сказал тот.

– Нет, я не пойду спать! Я буду орать и буяннить, и позорить всю Деллафию – мне плевать! А завтра снова напьюсь, потому что меня окружают одни сплошные идиоты, которые ни черта не понимают и поучают меня, словно у меня нет своей головы! Меня понимает только Юл-Кан. А я возьму и улечу на Камарлен и останусь там жить – кто мне помешает?

Почему-то Марион стоял и молчал, глядя на шатающуюся империту, потом вдруг взял ее под руку со словами:

– Идемте, я провожу вас до Дворца.

Но Дели яростно вырвалась.

– Уберите ваши руки, трайд! Я пьяна, но я прекрасно помню наш разговор и не хочу иметь с вами ничего общего! Вы очень похожи на Императора, такой же властный и жестокий, но я не собираюсь подчиняться ни ему, ни тем более вам! – с этими словами она устремилась дальше по пустынной аллее, но не сделала и нескольких неверных шагов, как споткнулась и рухнула на гладкие плитки.

– Чертовы дорожки! – раздалась ее яростная брань, попеременно со слезами. – Дурацкие ноги совсем озверели и ведут все время не туда! Какой паршивый день! Ненавижу эту аллею, ненавижу олию, ненавижу вас, трайд! Это все из-за вас!..

Марион и Юл-Кан подбежали к ней, усадили на скамью.

– Вы не ушиблись, империта? – спросил обеспокоенно офицер.

– Ушиблась? Да вы видите, я в кровь исцарапала ладони и колени, я порвала костюм, я вся в листьях и грязи, черт вас подери! Я пьяна, я поругалась с Императором, я опозорилась перед всеми гостями, у меня нет никакого настроения, завтра моя коронация, а послезавтра я получу наказание от отца, и вообще... вообще, я самая несчастливая и несчастная во всей вселенной! – неожиданно закончила Дели и из ее глаз показались два прозрачных ручейка. – Я хочу лететь к звездам, хочу видеть другие планеты, хочу полной жизни, а не торчать до самой смерти на Троне и подыхать от тоски! Хочу опасностей, хочу, чтоб захватывало дух, хочу свободы, в конце концов, а все вокруг, словно сговорившись, напоминают каждый день: «Ты – будущая Императрица, ты – наследница Трона, ты должна то, должна это. Не опозорь, не подведи, не вздумай!». Я не хочу, понимаете, не хочу гнить заживо всю жизнь! – Ее будто прорвало, и теперь она сидела, съездившись, поникнув, с потухшими взором – печальная, опустошенная, не волнуясь, слышали ли ее, или она говорила в пустоту.

Глаза Мариона смягчились, и он с жалостью, сочувствием и каким-то непонятным, неосознанным еще чувством смотрел на эту странную, непохожую ни на одну деллафийку девушку.

– Сегодня был очень утомительный день, империта, – негромко произнес он. – Вы устали, вам нужно отдохнуть.

– Я не пойду во Дворец, – решительно заявила та. – Там Император, и он оттаскает меня за уши, если я появлюсь во Дворце. Уж лучше я до утра поброжу здесь, чем рисковать своими ушами. Правда я ужасно хочу спать, – добавила она, сонно хлопая глазами, и, вдруг посмотрев на офицера рассеянным взглядом, спросила: – Трайд, вы будете не против, если я отосплюсь у вас?

Тот остолбенел от удивления, а девушка продолжала:

– Завтра коронация и, если я появлюсь в таком виде, меня можно будет считать трупом, потому что Император собственноручно распылит меня. А во Дворец я не пойду, не хочу нервотрепки и головной боли, но мне надо выспаться.

– Вы не боитесь слухов и сплетен, империта? – Марион все еще удивленно смотрел на нее. – Ведь любопытных глаз множество, а вам было бы неприятно стать объектом нелестных шепотков, да и мне тоже.

Дели безразлично махнула рукой.

– Мне плевать на них. Так вы согласны?

Марион усмехнулся: нет, эта девушка решительно была сумасшедшей и непостижимой, как сама жизнь.

– Хорошо, – кивнул он, чувствуя, что тоже свихнулся, раз дал согласие.

В доме трайда было темно и тихо. Добравшись до кровати, Дели без сил опустилась на мягкие подушки.

– Ну, что вы торчите тут, как тень? – разозлилась она на офицера, погружаясь в долгожданный сон. – Всю ночь здесь будете стоять?

– Конечно, нет. Просто хочу пожелать вам спокойной ночи.

– Сейчас я расплачусь от такой заботы. Пожелали и дуйте отсюда.

– С радостью.

– Взаимно, – пробормотала Дели, проваливаясь в сон, как в бездонную яму.

Утро встретило ее ужасной головной болью. Казалось, что вчера ее долго и сильно били чем-то тяжелым по голове. Состояние было препаршивое, словно она пила не вино, а цемент, который теперь застыл в ее внутренностях, намертво склеив их. Тяжело было даже поднять руку, не говоря уже о том, чтобы встать. Во рту творилось что-то невообразимое. К тому же ее мучила тошнота, то и дело подкатывающая к самому горлу.

В таком состоянии ее и застали офицеры, дружно ввалившись в комнату, где она медленно умирала в жутких мучениях.

– Ну, как вы? – насмешливо полюбопытствовал Марион.

– Я бы с радостью убила бы вас, трайд, но, боюсь, у меня нет для этого сил, – простонала та. – Дайте мне лазер, я застрелюсь.

– Это лишнее, – также насмешливо заявил трайд. – Вот что вам поможет. – С этими словами он вынул из-за пояса небольшую фляжку и протянул девушке.

– Что это? Яд?

– Это олия. Чудесная оронская олия.

– Вы издеваетесь? Вам мало того, что я тут мучаюсь, так вы хотите еще и добить меня?

– Напротив, империта. Как говорится, клин клином вышибают. Попробуйте, и вам, действительно, полегчает. Этот способ проверен лично мной.

Дели с трудом приподнялась, морщась, сделала глоток и чуть не выплеснула все обратно. Мучительно сглотнув, упала на кровать со стоном:

– Великий космос, как я пила вчера эту гадость? Мне кажется, еще немного – и я умру.

– С похмелья еще никто не умирал, – с видом знатока сказал Марион.

– Значит, я буду первой. И это будет на вашей совести, трайд, потому что я пила вчера из-за вас.

– Как так? – удивился тот.

– Вы мне вчера основательно подпортили настроение.

– Да неужели? Мне казалось, что это вы всеми силами старались взбесить меня.

– Вот еще глупости! – фыркнула та и, оглядев комнату, спросила:

– Скажите, ради космоса, где я нахожусь?

– В моем доме, – ответил трайд.

– Что?! – в ужасе взвилась та. – В вашем доме, я не ослышалась? Что я здесь делаю? Только не говорите, что я ночевала здесь!

– Но это именно так, империта.

Дели простонала:

– Великая Деллафия, до чего я докатилась – ночевать в доме одинокого мужчины! Я либо сошла с ума, либо это какой-то сон, либо вы смеетесь надо мной! Но почему я ничего не помню?

– Бывает, – понимающе усмехнулся т, ахьянец. – Но не волнуйтесь так: трайд Марион всю ночь был с нами у Юл-Кана, так что вы были в этом доме одна.

– Это ничего не меняет, я – пропащая.

Марион серьезно посмотрел на нее.

– Об этом никто не узнает, империта. Слово офицеров.

– Обещаете? – испытующе спросила Дели.

– Я же сказал – слово офицеров.

– Хорошо, но учтите, моя честь теперь в ваших руках.

– Как и моя – в ваших, империта, – отозвался Марион.

– То есть? – девушка внимательно окинула его взглядом и тут заметила, что чего-то не хватает в форме трайда. Ну конечно, – болис, арт! Не было сияющего болис, арта на груди. – Так, значит, вы не шутили тогда у бассейна? – изумилась она.

– Я редко шучу, империта, а с офицерской честью и подавно.

– Я не знала, трайд! – она всплеснула руками. – Должно быть, вы теперь проклиняете меня? Давайте же сюда ваш ненаглядный болис, арт!

Прикалывая нагрудный знак, Дели сказала тихо:

– Я не хотела таких серьезных последствий, трайд, но, согласитесь, вы виноваты сами: не нужно было так выводить меня из себя.

– Я бы посоветовал вам лучше ознакомиться с Уставом и Сводом правил ПаРаСКоН, империта, но вы ведь не станете меня слушать, – также негромко произнес тот.

– Да, я не собираюсь слушать ничьи советы. Надеюсь, ваша честь восстановлена, трайд? – полным голосом спросила девушка. – Поверьте, мне очень жаль, что все так вышло.

Тот лишь усмехнулся, склонил голову.

– Благодарю, империта.

Заговорил Джанулория:

– А теперь, когда все чести восстановлены и сохранены, к нашей великой радости, спешу сообщить драгоценной империте, что уже скоро начнется церемония коронации...

– Что?! – вновь подскочила та, выпучив глаза в ужасе. – И вы молчали? А я, несчастная, совсем забыла об этой треклятой коронации! – она соскочила с кровати, вмиг забыв и о головной боли, и о тошноте, и обо всем прочем, причитая: – О, горе мне, я не успею! У меня такой

ужасный вид, что я распугаю всех гостей! Ну почему вы не разбудили меня пораньше? Зачем я пила это чертово вино? Я труп, я покойник! Что за проклятье преследует меня? О, Деллафия!..

Все же она успела. На рюгане офицеры доставили ее до Дворца, и империта бесшумной и незаметной тенью проскользнула в свои покои. Теперь Дели судорожно приводила себя в порядок: на парикмахеров и косметологов-визажистов не было времени. Несколько минут назад с ней связался Фидель и сообщил лично, что церемония начнется вот-вот и, конечно, было в его речи много гнева, угроз и предупреждений, но это девушку давно не удивляло.

Наконец, покончив с суматошными сборами, она направилась в Тронный Зал.

И вот церемония началась. Огромное пространство зала наполнилось торжественной тишиной. Перед Дели распахнулись древние, величественные створки дверей, открывая ее взору широкий коридор, образованный офицерами ДОБ, вытянутых по струнке, как на подбор высоких, крепких, облаченных в парадную форму. В руках у каждого был гнорсейн – почти такой же, каким вчера она дралась с трайдом. Этот живой коридор уводил вглубь зала туда, где на небольшом возвышении в пять широких ступеней возвышались три трона. В центре – несокрушимый, вечный и потрясающий взгляд – Древний Трон Императора, слева – чуть поменьше, но тоже монументальный и блистающий – Трон Избранника, а справа – самый скромный, но, тем не менее, прекрасный – Трон Наследника, предназначенный для империты.

И весь зал был заполнен людьми, высокими гостями, простыми деллафийцами, репортерами, журналистами...

Дели вскинула голову и шагнула на ковер, усыпанный лепестками цветов, не глядя по сторонам, лишь на три трона, два из которых были заняты: там восседали во всем своем величии Император Фидель и Императрица Дельфина. О, как она сейчас ненавидела эти древние символы власти! С какой радостью она бы развернулась и убежала куда-нибудь подальше от Дворца, от этой церемонии, от навязчивых камер и глаз, на беспечные цветущие луга, под кроны леса, на берег стремительной реки с нежной голубой водой, чтобы вдохнуть свежий, пьянящий воздух, валяться на мягкой душистой траве, глядя в спокойное бездонное небо, тоскуя по звездам, и нестись навстречу крылатому ветру – на свободу, на волю!

Но Дели, с трудом согнав сладкую пелену мечтаний, спрятав грусть глубоко в глазах, радужно улыбнулась, словно сделала свой первый шаг к счастью.

Едва ее ножка коснулась ковра, как, будто повинувшись беззвучной команде, вверх взмыли лучистые мечи гнорсейнов, образовав сияющий зеленый свод. И девушка начала шествие под этим ярким торжественным куполом, неминуемо приближаясь к трону.

Император говорил какие-то слова, множество любопытных глаз впились в величественную семью, ослепительно мигали вспышки, но девушка не слушала и не видела, с застывшей улыбкой глядя прямо перед собой.

И вот, наконец, один из советников Фиделя – Вилеон – почтительно, почти с благоговением поднес небольшую, расшитую золотом, подушечку, на которой искрилась корона империты – миниатюрная и изящная, выполненная из вронского прозрачно-сиреневого камня⁴⁹ лучшим мастером из Аурли⁵⁰ несколько сот лет назад. Она воистину была достойна царских особ и, словно, упавшая с неба звезда, мягко переливалась в утренних лучах солнца. Император подхватил корону и, повернувшись к дочери, заговорил:

– Я долго ждал этого дня и вот он настал. С этого момента ты, Филадельфия – моя законная истинная наследница, и этот Трон Наследника – твой Трон. Однажды ты займешь мое место и сядешь на Древний Трон, как достойная Императрица и это – будет. А сейчас я, Импе-

⁴⁹ Вронский камень – драгоценный, редкий, добываемый в морях Имберии.

⁵⁰ Аурли – город на севере Чармиана на реке Мижаль. Насчитывает 2000 лет. Город ремесленников, известных во всем Союзе.

ратор Фидель, провозглашаю тебя империтой деллафийской! И да услышит меня вся Деллафия! – с этими словами он водрузил корону на склоненную голову дочери.

Дели отчаянно подняла глаза, но увидела лишь радостные, улыбающиеся глаза, хлопающие ладоши, жадные до новостей и сенсаций лица репортеров, торжествующие взгляды Императора и Императрицы, – все было чужое, неприятное, обидное и невыносимое, словно она вдруг оказалась в душной, тесной подземной тюрьме. И тут ее метущийся взгляд столкнулся со взглядом Мариона – глубоким, серьезным, понимающим – и ей отчего-то стало легче.

После церемонии снова продолжилось празднование. В Театральной Зале творился настоящий ажиотаж: все хотели хоть одним глазком взглянуть на выступление Руаса и Айана, обещающее быть действительно грандиозным, и на знаменитую певицу Миралию, приглашенную Императором, чей голос заставлял забыть обо всем.

Через четыре часа – ровно столько длилось выступление артистов – Дели с Арбелем и Ароном Шармалией отправились в Орфис. Их тут же закружил суматошный ритм большого города, его веселый неутомимый круговорот, хоровод беззаботных лиц, яркие огни ресторанов, кафе, танцполов, зазывающие витрины магазинов. Огромные шары, ленты, цветы, цветы, цветы, умопомрачительные ароматы, пышные наряды, смех, оживленные скверы и парки, многочисленные фонтаны, плантайны, взмывающие в небо, арки мостов, перекинутых через полноводные прозрачные реки, корабли, словно бесшумные призраки, рассекающие кристальные воды, снующие эстелы, флайеры, яхты, заполнившие воздушное пространство над Орфисом...

Дели, словно впервые увидев всю красоту города, распахнув глаза во всю ширь, не устала громко восторгаться. Не отставали от нее и спутники. Они сошли у небольшого ресторана, что расположился среди тенистых золотистых илакузанов, похожий на высокий усеченный конус, обвитый гибкими ветвями вечнозеленого листеля⁵¹. Ресторан носил название «Иролайхо» – глубокая вода.

Поднявшись на крышу, огороженную резными перилами и засаженную изысканными цветами, сели за круглый столик. Наследницу Императора тут же узнали (трансляция церемонии шла по всей Деллафии, на Имберии и Т, ахьяне) и осыпали всяческим вниманием, комплиментами, улыбками, поздравлениями, не обделив и ее высоких, несомненно достойных спутников.

Отсюда открывался потрясающий вид. Макушки илакузанов шелестели под ветром, сгибали ветви с широкими глянцевыми листьями над самым столом, источая тонкий, почти неуловимый горьковатый аромат, а там, за волнующимися деревьями с высоты многих-многих десятков фионов раскинулся речной порт Орфиса. Несколько грузовых и пассажирских кораблей – белоснежных, похожих отсюда на удлиненные лепестки оладана, брошенные на воду, трепыхались на ветру флаги, – стояли у причала, а вокруг мельтешили крошечные точки – моряки, пассажиры, грузчики. По Чарме⁵² они уходили в море Сильвиа, а дальше... Кто знает, куда эти белые корабли поплывут дальше? Может, в Элим, Орон, на острова, а может просто делают круиз по всем морям Деллафии и скоро вновь пристанут в порт Орфиса?

С причала веяло бурной насыщенной жизнью, полной впечатлений и энергией, морским терпким ни с чем несравнимым воздухом, опасностью и сладкой свободой! Чарма неспешно катила свои воды вдаль, покачивая лепестки-корабли на тихих прозрачных волнах. Ее бездонная, поблескивающая на солнце глубокая синь таила невидимую, но ощутимую силу и мощь, и в то же время казалась кроткой, ласковой, послушной. На двух ее берегах виднелись маленькие с такой высоты дома.

⁵¹ Листель – лианоподобное ползучее растение, завезенное с Айхона.

⁵² Чарма – одна из самых больших рек Чармиана. Впадает в море Сильвиа. Является главной водной артерией, связывающей Орфис с Элимом и его островами.

– Какое захватывающее зрелище! – воскликнул Арбель, взглянув вниз. – Но, честное слово, кружится голова от такой панорамы!

– Деллафия, действительно, красивейшая планета из всех мною виденных! – улынулся Шармалия. – А эти чистейшие голубые воды! Я бы отдал полжизни только на то, чтобы любоваться ими бесконечно! О чем думаете вы, империта Филадельфия, когда смотрите на это великолепие? – вдруг поинтересовался т, ахьянец.

Та немного помолчала, не отрывая глаз от Чармы, сказала:

– Я думаю о том, что эта река напоминает непрерывный поток времени – быстротечный, безжалостный, но, тем не менее, очень странный, красивый и необъяснимый, а эти белоснежные корабли – люди, кружащиеся в этом потоке, словно песчинки. Они отходят от причала и уносятся прочь, подхватываемые течением, и скрываются в неизвестности. Что найдет каждый из них? Одни прибьются к берегу, но потом вновь вернутся в родной порт. Другие так и останутся на чужбине. Третьи будут бороздить бескрайние просторы, наслаждаясь свободой, а четвертые погибнут, попав в шторм... Но никто из них не знает заранее, что их ждет в будущем, но они все равно отважно рвутся в неизвестность, как эти корабли – в море.

Шармалия внимательно, с легкой улыбкой, слушал ее.

– Вас посещают странные мысли, империта Филадельфия, – пропел он. – Вы мыслите широко, творчески, необычно, даже смело, да и вы сами, я чувствую, скрываете в себе большую силу. Река – время, люди – корабли... Да, над этим стоит поразмыслить. А каким вы видите свое будущее, следуя вашим словам?

Дели оторвалась от созерцания причала, повернулась к Арону.

– Я хотела бы бороздить бескрайние просторы, наслаждаясь свободой, но судьба решила распорядиться иначе, и мой корабль так и останется у причала, не изведав счастья плавания, соленых морских брызг, крепкого ветра, не увидев других берегов. Поток реки – времени не коснется его и однажды он развалится от старости и тоски, так и не вдохнув глотка свободы.

Глаза Арона впились в девушку еще более внимательно, ей даже показалось, что он видит ее насквозь.

– Как знать, империта Филадельфия, как знать, – задумчиво протянул он. – Быть может, река времени однажды превратится в бушующий поток, сметающий все корабли в океан неизвестности. Не пожалеем ли мы тогда, что не состарились спокойно у своего причала, лишь мечтая о плавании? Время непостижимо, как и людские судьбы.

К их столику подошел любезный и улыбочивый официант, ловко поставил перед ними аппетитные блюда, преимущественно из морепродуктов, наполнил бокалы, поинтересовался, не желают ли высокие гости чего-либо еще и, удостоверившись, что все сделано, как надо, и они ни в чем не нуждаются и довольны, удалился.

– А теперь, мои дорогие друзья, – воскликнул, как всегда, веселый и безоблачный Арай, радостно потирая руки. – Довольно философских разговоров. Давайте лучше воздадим должное этому превосходному столу. Вы не представляете, как приятно утолять голод на свежем воздухе, глядя на божественный Орфис с высоты птичьего полета, в компании столь уважаемых особ!

Дели засмеялась: ее всегда забавляли речи Арбея, льющиеся щедро, как вино из бутылки.

– Вы правы, любезный Арай, – произнесла она, поднимая бокал, наполненный густо-вишневым соком. – Нет ничего лучше хорошей компании. Я рада, что мы сегодня вместе.

– А я хочу пригубить это чудесное вино за нашу славную империту Филадельфию! – вставил Шармалия.

– Да! Да! – подхватил эссиаданский правитель. – За наследницу Древнего Трона! Ах, какая сегодня была церемония!

– За вас, – улыбнулась девушка. – И за праздник.

Через некоторое время рядом возник немного смущенный, робеющий, но необычайно счастливый хозяин ресторана.

– Прошу меня простить, что позволил себе прервать вашу беседу, уважаемые, достойные... гости, – заговорил он и смутился окончательно, залившись яркой краской, но ободряющие, мягкие улыбки и глаза высоких особ за столиком придали ему уверенности, и он продолжил уже смелее: – Мы так счастливы, что вы соизволили почтить наше скромное заведение своим присутствием, и решили преподнести нашей блистательной и великолепной империте Филадельфии небольшой подарок. – В его руке появилась маленькая коробочка, обтянутая темно-синей тканью. – Надеюсь, вам он понравится, прекраснейшая империта. – Коробочка раскрылась, и их взору открылся изумительный, необычный фиафаль⁵³.

Дели ахнула и осторожно взяла украшение в руки. На тонкой цепочке висел необыкновенный шарик, изображающий миниатюрную Деллафию. Он был сделан так искусно и реалистично, что, казалось, будто под нежным зелено-голубым лавальсовым небом колышутся от ветра золотые леса илакузанов, поблескивают прозрачные ленты рек и даже мигают озорные глазки цветов!

Девушка крутила фиафаль, рассматривая со всех сторон, а драгоценный шарик загадочно переливался и мерцал каким-то внутренним глубоким светом.

– О космос, как красиво! – выдохнула Дели. – Неужели его сделали настоящие чародеи, ведь обычный человек не может сделать ничего подобного!

Хозяин «Иролайхо» улыбнулся, взглянул на Шармалию.

– Этот фиафаль вышел из-под рук настоящего арона, – сказал он, тоже любуясь вещцей. – Правда, это было очень давно. А ко мне он попал по наследству от моего отца, а ему – от его отца, моего деда. А деду фиафаль подарил сам Император Марилен⁵⁴ за доблестную службу в ДОБ.

– Почему же вы отдаете его мне? – Дели устремила глаза на деллафийца. – Эта вещь по праву принадлежит вам, уважаемый лонд.

– Я настолько пленен вашей красотой и очарованием, империта Филадельфия, что просто не могу не сделать этот подарок. К тому же нам, простым смертным, негоже владеть столь удивительной и драгоценной вещью, и, думаю, Арон Шармалия это подтвердит. Этот фиафаль принадлежит коронованным, ведь сделан был для Императоров Деллафии, и я возвращаю его в лоно священной семьи. Взгляните, – деллафиец бережно взял фиафаль и легким движением раскрыл на два равных полушария, послышался чудной мелодичный звук. Внутри лежала какая-то золотая пыльца. Мгновение – и она взмыла в воздух, заискрилась, закружившись в причудливом танце, и вдруг перед ними раскинулся маленький, с ладонь величиной, знак Союза Четырех: четыре планеты, расположенные ромбом, на вершине которого – Деллафия, соединенные между собой непрерывными линиями. Возле каждой планеты – ее символ: Деллафия – корона, Талласса – клинок, Имберия – ветвь анарии⁵⁵, Т, ахьян – звезда. А посредине – символ дружбы и могущества – солнце.

– Это и в самом деле чудо! – прошептала Дели.

– И теперь оно – ваше, – хозяин ресторана вернул ей фиафаль.

– Как мне вас отблагодарить за столь дорогой подарок?

– Я имел честь лицезреть вас, говорить с вами, а это, поверьте, лучшая благодарность, – с поклоном отозвался тот и скромно удалился.

⁵³ Фиафаль – украшение в виде кулона на подвеске (делл.)

⁵⁴ Император Марилен – правитель Деллафии. Правил 42 года. Неожиданно скончался в г. Рачиталь.

⁵⁵ Анария – имбериянское растение, символ мира.

– Какая удивительная вещь! – не уставала восхищаться Дели, потом спросила т, ахьянца: – Неужели все то, о чем рассказывал этот милейший лонд, правда, и фиафаль, действительно, исстари принадлежал императорской семье?

Шармалия, едва завидя драгоценность в руках хозяина «Иролайхо», впал в какую-то глубочайшую сосредоточенную задумчивость и, похоже, не расслышал ее вопроса.

– Что? – наконец вынырнул он из своего омута. – Ах, простите... Да, и в самом деле, это прекрасное творение аронов было сделано для Правителей Деллафии в давние-давние времена. А потом Император Марилен подарил его своему верному телохранителю в знак благодарности, хотя делать этого было никак нельзя.

– Почему нельзя? – в девушке тут же проснулось жадное любопытство.

– Потому что, как верно заметил хозяин заведения, простым людям негоже владеть императорскими драгоценностями, – сурово сказал Шармалия, но тут же смягчился, улыбнулся. – Но теперь фиафаль, наконец, вернулся в лоно священной семьи, значит, так оно и должно быть. И я рад, что это случилось именно сейчас, в разгар праздника. И то, что он попал в ваши руки – это тоже не может не радовать. – Арон снова посмотрел на фиафаль в руках империты и проговорил совсем-совсем тихо, словно про себя, но Дели, сидевшая к нему ближе, все же услышала: – Вот и свершилось. Дай же сил, благословенная Деллафия, своему истинному Правителю, дабы достойно принять те перемены, что грядут... Грядут!

Дели показались эти слова весьма странными, даже зловещими, что совсем не вязалось с окружающей их радужной обстановкой. Она внимательно поглядела на Шармалию, пытаясь понять, что же стало причиной его задумчивости и этих непонятных слов. Неужели фиафаль? Империта повертела в руках занятную вещицу, но при взгляде на этот шарик ее наполняли лишь радость и удивление. Но, вновь подняв глаза на Арона, она увидела, что тот уже весел и беспечен, как и раньше, о чем-то негромко спрашивал Арбея.

– А почему бокалы пусты? – с огоньком воскликнула она, обращаясь к своим спутникам, и решив ни о чем не спрашивать т, ахьянца. – У меня есть тост!

Арай с готовностью разлил вино.

– За мудрость и могущество Древних Аронов, – проговорила Дели. – Благодаря которым существует Союз Четырех и множество других прекрасных планет, коим Ароны не дали погрязнуть в хаосе. Да будет вечен Т, ахьян и мудрость и сила его детей!

– Да будет так! – согласился Арай.

– Да будет так! – качнул гривой Шармалия. В его глазах, устремленных на девушку, промелькнули печаль и тревога, но может это ей всего лишь привиделось.

Вскоре появился йоль⁵⁶ и негромко запел приятным глубоким голосом:

Бродил я долго между звезд
Годами? Нет, столетиями.
Я видел все: Зерцея Мост⁵⁷,
Вселенские обитатели⁵⁸.
Я был сражен и потрясен:
Прекрасен космос, да!
Но снами вновь я унесен
К тебе, Дракон – звезда⁵⁹.
Я вспомнил Деллафии свет,

⁵⁶ Йоль – музыкант, певец, стихотворец (делл.)

⁵⁷ Мост Зерцея – одна из самых отдаленных галактик внутреннего космоса.

⁵⁸ Вселенские обитатели – здесь, поэтическое название планет.

⁵⁹ Дракон – звезда – солнце Деллафии, которая находится в звездной системе Дракон II.

Небес лазурный свод.
О, космос, красивее нет
Прозрачной сини вод!
И я летел быстрее ветра
Туда, где чудо – деревья,
Где ярче солнечного света
Сияет на лугах трава.
И где цветы, как песнь лави,
А воздух ароматом полн.
И я лечу к берегам твоим,
О, Деллафия, сладкий сон!

Они зачарованно слушали йоля, забыв обо всем на свете, и сердечно поблагодарили, когда песня завершилась.

– Да, хорошая песня, – качал гривой т, ахьянец. – Деллафийские йоли поистине очень талантливы. Жаль, на Т, ахьяне не сочиняют таких песен, жаль!

Марион между тем находился в обществе Анабели. Она не отходила от него ни на шаг, весело, беспечно щебетала что-то, водя офицера по всему оккою и не отрывая от него счастливых глаз. Деллафийка ужасно утомляла трайда, но он с любезной улыбкой делал вид, что все прекрасно, дабы не обидеть спутницу, думая, как бы поскорее улизнуть от ее назойливого внимания. К этому моменту ему уже осточертел и Дворец, и оккой со всеми его развлечениями и бесконечный хоровод лиц, и Анабель, и сам праздник. Хотелось вырваться из этого круговорота в покой и тишину и крепко уснуть.

Солнце уже давно перевалило за полдень, а отвязаться от девушки никак не удавалось, и Марион уже смирился с мыслью, что так и проведет в ее обществе весь остаток дня. Спасение пришло неожиданно в лице трех подружек Анабели, которые «случайно» оказались на их пути. Кокетливо, с нескрываемым женским любопытством они посматривали на трайда и беспардонно и задорно увели свою товарку под каким-то наивным предлогом. Марион мог поклясться, что сейчас три плутовки засыпают Анабель градом вопросов о нем, об их отношениях и прочих глупостях где-нибудь в укромном уголке, а Анабель, разумеется, распишет его, как идеал мужчины и что он без ума влюблен в нее. Усмехнувшись своим мыслям, Марион быстро зашагал к стоянке эстелов и риоганов.

Покинув «Иролайхо» в прекрасном расположении духа, Дели, Арбель и Шармалия решили прошвырнуться по магазинам. Вообще-то это была идея девушки, но Арон так горячо поддержал ее, что Араю не оставалось ничего другого, как сдаться и последовать за ними.

Едва они ступили через порог, как тут же вокруг них образовалась толпа: трансляцию церемонии коронации смотрели все без исключения, – что-то крича, восхищенно глядя, поздравляя. Их выручил персонал магазина, ловко и бережно выудив троицу из живого кольца. Империта накупила целую уйму вещей, не беспокоясь, пригодятся ли они ей когда-нибудь. Шармалия приобрел несколько оригинальных сувениров, а Арбель тщательно осматривал каждый предмет, дотошно спрашивал о назначении, изготовителе, стоимости и, в конце концов, так ничего и не выбрал. Вдобавок ко всему им преподнесли небольшие пустяковые, но приятные сюрпризы в честь праздника.

В других магазинах их ждало почти то же самое, разве что в одном из них они сыграли в азартную игру и выиграли эстел-рио – новехонький, четырехместный, легкий, как птица! Потом они почти до вечера бродили по Орфису пешком, облазив все красивейшие местечки,

после чего, загрузив в эстел все свои покупки и подарки, вернулись в оккой, – счастливые, довольные, уставшие, полные впечатлений.

И вновь опустилась ночь – вторая и завершающая праздник. И так же, как и в предыдущую ночь было много смеха, танцев, развлечений, веселья. Пролетела она стремительно и незаметно, как стрела, пущенная из тугого лука.

И, когда начали выцветать яркие звезды, когда темнота задрожала под чуть светлеющим небом, когда аромат цветов стал особенно ощутимым и терпким, а гости немного обалдели от двухдневного веселья, тающая ночь взорвалась от гигантского, поражающего воображение светового шоу, озарившего окрестности на много рондов вокруг. Небесное безумие закончилось, испив все свои краски. Праздник Цветов был завершен. На востоке вырвался первый лучик солнца, коснувшись макушек деревьев Сада Утренней Зари.

Ссора с Императором произошла по модулю. Дели только переоделась и мечтала заваляться спать, но ее мечта разлетелась в пух и прах, когда она увидела на экране лицо отца.

– Надеюсь, ты не забыла о нашем последнем разговоре, Филадельфия? – с ходу спросил он, впившись глазами в дочь.

– Нет, Император.

– Вот и отлично. Сейчас спустись в Зал Ожидания, там найдешь Инканона. Он проводит тебя в подземелье. Ты меня поняла, Филадельфия?

Девушка вспыхнула от негодования, от такого неслыханного к ней обращения. Ее, империту, в подземелье? Эта подземная тюрьма была построена в незапамятные времена ее далекими предками, когда еще на Деллафии водились преступники и их безжалостно сажали в камеры. К особо злостным применяли даже пытки, но, возможно, это лишь вымысел. Но уже много сотен лет, как на планете искоренили преступность, и тюрьма теперь пустовала, лишь изредка сюда попадал какой-нибудь нерадивый деллафиец, да и то больше для устрашения, попав под горячую руку Императора.

А теперь Фидель хотел бросить туда ее, свою дочь, словно какого-то преступника! Раньше он лишь грозился тюрьмой, но ограничивался простым арестом, сейчас же, судя по всему, он собирался осуществить угрозу.

– Что? Вы посадите меня в камеру, Император? – изумленно подняла брови Дели.

– Да, довольно я нянчился с тобой и жалел. Нынче ты переступила все границы своим поведением, и я не намерен закрывать на это глаза. Ты – империта деллафийская и должна вести себя подобающе, если же не можешь держать себя в рамках приличия, то заточение в тюрьме поможет тебе образумиться. И так будет всегда, если ты и дальше намерена испытывать мое терпение, пока не научишься быть настоящей империтой!

– Вы не сделаете этого! – выкрикнула та, задыхаясь от гнева.

– Инканон ждет тебя! – напомнил Император грозно. – Сбежать не вздумай: стража не выпустит тебя из Дворца.

– Вы... вы бесчувственный, сумасшедший мучитель! – Дели ощутила бешеный прилив ярости и ненависти, глядя в ухоженное каменное лицо Императора.

– За эти слова добавляю тебе еще пять даальсов заточения! – безжалостно ответил тот. – Я отучу тебя от строптивости и самодурства! Марш в Зал Ожидания, или я отправлю за тобой офицеров ДОБ!

Вдруг ее пронзила внезапная мысль.

– Вы не можете посадить меня в подземелье, Император, потому что сегодня я лечу с Юл-Каном на водопад Санайль! – она ткнула в экран цветастую карточку – путевку на двоих, которую им вручили в Зале Ветров. – Вы не можете отменить ее: праздник Цветов священен!

Фидель нахмурился, помрачнел, но Дели была права – он не мог ни отменить этой поездки, ни игнорировать ее, ни объявить пустяком, и он, помолчав, заявил:

– Хорошо, Филадельфия, я не могу наступить на горло своим же правилам и аннулировать вашу поездку. Вы можете отправиться на водопад с камарленцем, но завтра ты все же пойдешь в сопровождении Инканона, не думай, что так легко избежишь наказания.

Дели повеселела: завтра – это завтра, и оно далеко.

– Да, Император, – склонила она голову, пряча улыбку на губах.

Юл-Кан оказался дома, вернее, в большом шалаше, сплетенном из ветвей, стеблей лиан, что стоял на берегу Лудана под раскидистым взлохмаченным илакузаном. Ихлак спал, видимо, утомился от непривычного двухдневного буйства и от избытка впечатлений, но, едва заслышав ее шаги, тут же проснулся.

– Шалкай! – просиял он. – Что ты делаешь здесь?

– Как это что? – округлила та глаза. – Я прилетела к своему большому другу в гости, а ты спрашиваешь, что я делаю здесь? Видимо чрезмерные развлечения плохо подействовали на тебя.

– Я не хотел обидеть тебя, Шалкай. Я очень рад, что ты пришла в мой дом, но ты говоришь правду: эти два солнца и две луны похожи на сон, и я до сих пор в их плену. – Тут его взгляд упал на вошедшего в хижину белоснежного лонга, который, как ни в чем не бывало, сел у ног империты и с любопытством взглянул на ихлака озорными умными глазами.

– Истан! – просиял он еще больше. – Сколько времени я тебя не видел, малыш, а ты уже успел подрасти, как молодое дерево! – Юл-Кан потрепал его по загривку, а тот «улыбнулся» ему, растянув пасть, потом посмотрел на хозяйку: не ревнуешь ли? Но Дели лишь засмеялась, взглянув на его хитрую довольную морду.

Империта нашла Истана в зверинце оккоя. Тот равнодушно и безразлично лежал в просторной, снабженной всем необходимым, клетке, тоскливо глядя на огромный незнакомый ему мир, раскинувшийся за прутьями его тюрьмы. Кормушка была полна и нетронута. Но, едва завидя Дели, едва издавдала почуяв ее запах, узнав шаги, он бешено бросился на державшие его стены, радостно рыча еще тонким голосом.

Лонг заметно подрос, несмотря на вялый аппетит, но оставался все тем же непоседливым, любопытным белоснежным клубком с огромными желтыми глазами. Как он прыгал, носился, порывался вокруг нее, когда Дели выпустила его на волю, словно всем своим видом говорил: «Ну, наконец-то ты пришла, хозяйка, я так долго ждал! Почему ты оставила меня, своего преданного и преданного Истана? Больше не делай так, иначе я могу разозлиться и обидеться!»

– Юл-Кан, полетели на водопад Санайль! – задорно воскликнула империта. – Такой красоты ты точно не видел! Мы ведь выиграли эту поездку, помнишь? Будем целые сутки купаться, любоваться, валяться на солнышке, разговаривать! Знаешь, как это здорово! Согласен?

– Согласен, – просто ответил тот, и они вышли из хижины.

День был отличный, просто-таки созданный для отдыха, прогулок и ничегонеделанья. Живописные берега, обрамляющие синие воды Лудана, поросшие влаголюбивым чаккором⁶⁰ с длинными обвислыми листьями, убегали по широкой дуге куда-то на юго-восток. А дельта реки пестрела глазками всевозможных диких цветов: вегены, альды, наинии, яллы, хирконы, кареаны, эготы. За спиной возвышались окраины Орфиса и несколько одиноких домов за чертой города. Где-то там был и дом трайда, но Дели поспешила забыть об этом, сказала:

– Летим! – и побежала к эстелу, за ней, не отставая, помчался лонг.

Перед ними был водопад Санайль – одно из самых красивейших мест Деллафии, которое ревностно и строго охранялось и оберегалось. И не напрасно.

⁶⁰ Чаккор – кустарник, растущий подле водоемов. Произрастает только на Деллафии.

С высокой ровной на вершине, будто срезанной ножом, скалы сильными прозрачными ручьями падала звонкая вода. Ручьи сливались друг с другом, переплетаясь брызгами, и устремлялись вниз с огромной высоты. Они перепрыгивали, скользили, перетекали по неровным буграм – уступам, извивались змеями меж камней и трещин, будто по ступеням грандиозной природной лестницы и рассыпались, раскрывались тончайшими веерами у самого подножия. И там, внизу, они вливались, соприкасались, словно в щекочущем поцелуе с небольшим озером – прохладным, окруженным округлыми, поросшими короткой густой травой – мхом, валунами, скрытыми, словно кисеей тумана, голубоватыми струями. От волнующегося озера убегала, петляя, быстрая говорливая речушка, кружа белые клочья пены, и исчезала где-то внизу, срываясь с широкого уступа. Со всех сторон водопад окружали, обвивали, обнимали густыми мелколиственными ветвями алемандры⁶¹, почти касаясь земли, похожие на пронзительно-желтые клубы облаков, усыпанных мельчайшими капельками воды. И среди них, как гордые великаны, возвышались несколько илакузанов, со своей высоты молчаливо, но радостно взирая на непрерывный бег ручьев, что омывали своей живительной силой их мощные корни и дарили прохладу листьям.

Неприхотливые, жизнелюбивые алемандры росли даже на, казалось бы, беспочвенных скалах по ту сторону водопада, призрачно виднеясь сквозь легкую, дымчатую завесу падающей воды, чудом цепляясь за камни, захлебываясь, оглушено качали ветвями под напором и шелестели мокрой листвой.

Короткая трава устилала землю, словно ковер, пробиваясь сквозь каменистую почву, и радовала взгляд случайными, редкими, а оттого особенно красивыми цветами – орли. Это был настоящий райский уголок под бескрайним, насыщенным ярко-голубым, с прозеленью небом с невесомыми космами облаков-барашков. И он был до краев наполнен чем-то глубоким, философским, торжественным и свободным, и это явственно ощущалось с каждым глотком кристального воздуха.

Они вдоволь налюбовались великолепным зрелищем, успокоив немного разыгравшееся восхищение, блаженно развалились на нагретой солнцем земле, отыскав ровное местечко под сенью большого вальяжного алемандра. Истан самозабвенно носился по берегу озера, наслаждаясь свободой и простором со щенячьей радостью.

– Ну, Юл-Кан, нравится тебе здесь? – с веселым огоньком спросила Дели, повернувшись к ихлаку.

Тот с глазами размером с тарелку каждый, не мог поначалу даже собрать разбежавшиеся, трепещущие в восторге мысли и лишь беззвучно раскрывал рот, силясь сказать что-то. Наконец, обрел голос и сознание, воскликнул:

– О духи! Разве могут мои глаза видеть нечто подобное? Разве бывает такая красота на земле, или я умер и все мне только снится? Мой Ихлакит по сравнению с этим осколком неба – пустыня и убожество! Я бы мог жить здесь вечно, Шалкай!

Девушка засмеялась и предложила:

– Пойдем купаться!

Вода озера – неглубокая, прозрачная настолько, что видно было дно сквозь ее толщу, с нежным голубым оттенком и легкими волнами, идущими от водопада, так и притягивала к себе, зовя окунуть тело в своих прохладных ласковых объятьях.

Дели нырнула с большого мшистого валуна, пронзив зеркальную гладь, отчего по поверхности пошли широкие расходящиеся круги. Кожа ощущала приятное прикосновение воды, солнце слизывало с лица брызги, обжигая; волны мягко качали ее, словно убаюкивали, наполняя спокойствием и умиротворением, будто растворили в себе.

⁶¹ Алемандр – дерево, чрезвычайно неприхотливое и малочисленное (делл.)

Юл-Кан робко бродил почти у самого берега, не решаясь осквернить это чудесное озеро своим недостойным телом. Империта, подплыв к нему, хитро сверкнула глазами и вдруг, широко поведя рукой по воде, обрызгала ихлака столбом мелких искрящихся капель. Тот, охнув от неожиданности, шарахнулся к берегу, но новый рой брызг настиг его, и тогда великан ринулся за ней, рухнув в воду, как дерево, громко отфыркиваясь, осыпая девушку огромными фонтанами. Вскоре озеро бурлило и кипело от их метущихся тел, а воздух пронзали истошные вопли и визги.

– А-а-а! – орала Дели с выпученными глазами, убегая, уворачиваясь от Юл-Кановых лапищ, вздымающих целые волны позади нее. – Не догонишь!

– Догоню – пощады не жди, Шалкай! – завывал дурным голосом ихлак, блеща мокрым шоколадным телом, носясь по мелководью, словно одержимый.

Истан рычал, прыгая яростно на берегу, бросился в воду, но волны, поднимаемые камарленцем, выбрасывали его вновь на берег, не давая плыть, и он упорно пытался добраться до хозяйки – раз за разом, – тягаясь с взбесившейся водой, прилагая все свои слабенькие еще силы.

А Юл-Кан с Дели все носились, как угорелые, разрывая перепонки криками, смехом, падали, барахтались, вскакивали, бегали, поливая друг друга брызгами, как из ведра, удивляя своим ребячеством и громкоголосьем спокойный и важный водопад Санайль, отродясь не видевшего такого безобразия.

Наконец, Дели, совершенно обессиленная, хватаясь за живот и негромко постанывая, не в силах больше смеяться, бухнулась на берег. Рядом присел счастливый, как ребенок, Юл-Кан. Ей в ноги ткнулся недовольный и мокрый насквозь Истан, словно, не одобряя ее детские непонятные шалости.

Озеро понемногу уgomонилось, успокоилось, улеглось и разровнялось, пустило свои неспешные ленивые волны. И вновь все наполнилось прежним величием, достоинством, невозмутимостью, хранимых долгими годами.

Проголодавшись, разложили под алемандром провизию, заранее и предусмотрительно закупленную империтой в Орфисе. Свежий, удивительно тонкий воздух, купание в бодрящей прохладной воде, отличное настроение, разбудили зверский аппетит. Основательно подкрепившись, развалились на земле. Молчали, погруженные каждый в свои простые или тайные мысли.

Дели слушала непрерывный, мелодичный, переливчатый шум водопада, похожий на звук дождя, – успокаивающий, разливающийся по всему телу невидимым потоком, отдающийся эхом в мозгу, рождающий странные ассоциации, неясные образы, вечные, как само время. Где-то перекликались какие-то птахи, наверное, руты⁶², иногда заливаясь то колокольчиком, то беспечным щебетом, то звонким прерывистым смехом, перелетая с места на место. Над головой покачивались тяжелые ветви алемандра, будто задумчиво кивали кому-то. Его мелкие золотистые листья тихо трепетали, как многочисленные ладони, шумели и шелестели под легкими порывами игривого ветра, нежились в лучах солнца, переливались сияющими бликами. А над ними, дыша вселенской безмятежностью, бездонной глубиной, бескрайней голубизной, раскинулся невесомый купол неба. Он приковывал взгляд, окуная его в свои непостижимые тайны, засасывал в неизведанные омуты, полные невинности, магического магнетизма и безбрежного покоя, притягивал, притягивал...

Дели улыбнулась, сладко потянулась всем телом, расслабилась, наслаждаясь и блаженствуя от нахлынувших приятных, щекочущих, ленивых чувств. Посмотрела на ихлака. Он лежал, свободно разметав свое большое сильное тело по земле, закинув одну руку за голову, а в другой вертел длинный стебелек бело-желтого орли. Глаза его, включая и третий – круглый,

⁶² Рута – певчая небольшая птица из семейства радужнокрылых. Обитает в илакузановых лесах.

непоседливый – были широко раскрыты и устремлены на скалу, с которой радужным потоком срывался звенящий каскад. Похоже, великан всецело погрузился в созерцание этого красивейшего чуда, позабыв обо всем на свете, или вообще пустился в путешествие, следуя своему живому воображению, витая где-то на грани мира, мечтая о чем-то нереальном, но близком.

Девушка поискала глазами лонга. Тот невдалеке играл и баловался с одним из веерообразных ручейков, сидя на большом плоском валуне, как веселый солнечный зайчик, лапами пуская тучи брызг, довольно рыча, тыкаясь любопытным носом в быструю воду, смешно фыркал и крутил головой.

Дели снова легла. Нежаркое солнце касалось лица сквозь густую листву, смеялось и озорничало. От неспешных, смутных мыслей ее отвлек раскатистый глубокий голос ихлака.

– Шалкай, – заговорил он, повернувшись на бок и устремив на девушку глаза. – А если бы ты не взяла меня на Деллафию, что было бы тогда? Я бы не увидел золотых лесов, прозрачных, как воздух, рек, всех этих необыкновенных цветов и трав, словно выращенных самими богами, не увидел бы твоего огромного, сияющего дома, непонятного города, не танцевал бы, не веселился, как вчера, не дышал бы этим удивительным воздухом, не увидел бы голубого неба. И всего этого, – он широко повел рукой вокруг, – тоже не увидел бы?

– Не увидел бы, – согласилась та, ложась на живот, чтобы видеть ихлака. – Ты бы сейчас был на Ихлаките в Огненном лесу с луйхаром Мира-Лора и тосковал бы по звездным людям и по далекой Деллафии.

– Да, Шалкай, я бы, наверное, умер от тоски и одиночества будь я на Ихлаките. – Серьезно проговорил великан, задумавшись на секунду, но тут же его темные глаза вспыхнули детской радостью. – Шалкай, у тебя такая чудная планета! Я ведь никогда раньше не мог себе представить золотых деревьев, голубого неба и цветов размером с голову, а теперь, когда увидел, мне кажется, что видел их всегда, с самого рождения и уже не могу представить другого неба, других рек и трав. Здесь все так необычно и красиво, что поначалу я боялся, но теперь знаю, что Деллафия – это добро, это красота и счастье. Это дом богов.

Империта весело захохотала, сказала:

– Ну, богов – не богов, а здесь и в самом деле хорошо. Я рада, что и тебе хорошо, Юл-Кан.

– Мне часто снится Ихлакит, Шалкай, – сказал неожиданно камарленец. – Снится, что он умирает, и я умираю вместе с ним. Снится лес Фохх и будто это не деревья, а столбы огня, и в огне – Эвино. Снятся чудовища, которые гонятся за мной, разбитые алиманы и много-много мертвых ихлаков, исчезающих в кострах... Может, я нужен Ихлакиту, Шалкай? Может, мне лучше вернуться?

Дели взглянула в его лицо, увидела тревогу, непонимание и тоску в самой глубине больших глаз.

– Это всего лишь дурные сны, Юл-Кан, страшные воспоминания. На Ихлаките все хорошо, мы получили сообщение из Исследовательского Центра: марганов нет, и никакая опасность не угрожает. Скоро там все будет хорошо. Веришь?

– Тебе – верю, Шалкай, – в его глазах снова засветилось счастье и детская радость. – Я вернусь на Ихлакит однажды, а пока я здесь, на Деллафии и моя душа еще не насытилась новой, другой жизнью. Я хочу увидеть все, узнать все, испытать все.

– Все это будет, Юл-Кан, – с улыбкой пообещала Дели. – Мы будем с тобой бродить по лесам, полям, горам и рекам днями напролет. Я научу тебя деллафийскому языку, ты будешь водить эстел, стрелять из бластера, научишься управляться с модулями, увидишь планеты Союза! Это будет здорово!

– И всему этому я научусь? – недоверчиво, но зачарованно спросил тот.

– Конечно! Я думаю за деллафийский можно взяться прямо сейчас. На природе хорошо запоминается. Хочешь? – предложила девушка.

Глаза ихлака заинтересованно блеснули, он сказал:

– Да! Ваш язык очень красивый и странный, мне всегда хотелось знать его, говорить на нем. Я даже выучил несколько слов, только не знаю, что они означают, – и он старательно выговорил, хоть и получилось очень грубо и смешно: – «Одани», «либос», «приоль», «вингадорис». Правильно?

– Молодец, Юл-Кан! – смеясь, похвалила его империта. – У тебя талант к языкам: ты выучил самостоятельно столько слов! Теперь осталось только объяснить тебе их значение. Так вот, «одани» – это праздник, праздновать. «Либос» – означает хорошо, хороший. «Вингадорис» – это приветствие при встрече, а «приоль» – цветок, цвести, цветущий...

Ихлак внимательно, сосредоточенно слушал ее, боясь пропустить хоть слово, жадно впитывая новые знания, послушно и старательно выговаривая незнакомые фразы и целые предложения, удивляя девушку поразительной памятью и способностью схватывать на лету.

Так они провели весь остаток дня, прерываясь лишь на еду и время от времени окунаясь в озеро, чтобы немного охладиться, отвлечься и полюбоваться природой.

– Вингадорис, Шалкай! Ду элламидан рувиаль, Деллафия!⁶³ – восторженно кричал Юл-Кан, плескаясь в воде. – Даонасан!⁶⁴ – А Дели только заливалась смехом, слушая его, и искренне радовалась вместе с ним.

Спустившиеся сумерки только приглушили краски и внесли свое очарование в роскошный пейзаж. Было так покойно и невыразимо прекрасно в этом райском уголке, так безоблачно и безмятежно, что, казалось, существуют на свете только неутомимый водопад, чуть волнующееся озерко, шатер деревьев, кусок ясного неба над головой, и хотелось остаться здесь навсегда, засыпать и просыпаться под неумолчный шум воды, радуясь каждому мгновению.

Праздник закончился, и для Мариона начались привычные офицерские будни, в которые он погрузился с радостью и облегчением, сбросив, наконец, двухдневное оцепенение и ослабление, грозивших вовлечь его в омут пьянства и дурного настроения. Он успел слетать на остров Аркон, посетив неприветливый, мрачный и неприступный Рокландор, где ждали наказания множество космических пиратов, а среди них – и Эрго.

Приземлившись на обширной посадочной площадке, он в который раз окинул взглядом пустынный овражистый и каменистый ландшафт острова. Лишь редкие алемандры, да овеваемые крепким морским ветром бунало⁶⁵ скрашивали унылый, непривычно тоскливый и голый пейзаж, который, как нельзя лучше подходил к назначению самого острова. А прямо перед ним возвышалась темная громада – сама тюрьма, похожая на грозную ощерившуюся скалу. И не удивительно, ведь ее воздвигли таллассцы, следуя своей мрачной философии: навести страх – половина победы в руках. И им удалось навести страх. Монументальное строение из темно-коричневого, почти черного камня было обнесено крепкой непролазной стеной, увенчанной острыми, как клыки, шипами, за которой зиял глубокий, наполненный водой, ров, лишенное окон, кроме нижнего яруса, наводило угнетающие мысли. Это было самое страшное, но необходимое место во всей Деллафии. Здесь находились злостные отбросы общества, психические мутанты, кои все же редко, но встречались даже на Деллафии и ее колониях, всевозможные преступники и многочисленные пираты. Здесь выносились приговоры – от штрафов до смертных казней или пожизненных заключений, – и приводились в исполнение.

Ему не раз приходилось доставлять сюда пышущих злобой и ядом хандыбаев и целнокровных пиратов, и ни один из них не вышел из этих стен. Он не любил это место, но оно было неразрывно связано с его работой и с этим ничего нельзя было поделать.

⁶³ Ду элламидан рувиаль, Деллафия. – Я люблю тебя, Деллафия (делл.)

⁶⁴ Даонасан – красота (деллаф.)

⁶⁵ Бунало – кустарник, произрастающий, в основном, на островах деллафийских морей.

Марион вздохнул и направился к мощным воротам. Когда они медленно раскрылись, выпуская его на территорию тюрьмы и также медленно намертво закрылись, по спине пробежал знакомый зябкий холодок. Тяжело опустился язык моста, и офицер шагнул в нутро Рокландора.

– Приветствую вас, трайд! – ему пожал запястье робот – Начальник тюрьмы – ИР-25. – Как поживаете?

– Спасибо, вполне хорошо, – Марион присел в предложенное кресло. – А вы?

Робот остался стоять.

– Как всегда, трайд, как всегда, – произнес он. – Заключенные по камерам, роботы исправны, приговоры выносятся и исполняются с завидной регулярностью, а Рокландор никак не хочет пустеть. Как же все-таки замусорен мир! – почти по-человечески заметил ИР.

В Рокландоре работали роботы – ИР – искусственный разум. Они принимали преступников, распределяли по камерам, следили за ними, охраняли их, даже приговоры выносились и приводились в исполнение ИРами. Вся жизнь Рокландора осуществлялась, поддерживалась благодаря неустанному, неусыпному контролю совершенных роботов, и лишь иногда здесь появлялись люди – новоприбывшие преступники в сопровождении офицеров КС или ДОБ. Это было весьма удобно и необходимо. Роботы бесстрастно, четко исполняли свою работу, не давая арестантам никаких поблажек; оснащенные камерами, датчиками, они, тем самым, исключали малейшую возможность к побегу.

К тому же, жизнелюбивые деллафийцы просто морально не смогли бы вынести каждодневного пребывания в этой гнетущей громаде, ежеминутно сталкиваясь со злобой, бранью, ненавистью заключенных, с дыханием смерти, которым пропитано все внутри, даже сам воздух. Это тоже было немаловажно.

– Простите мою невнимательность, трайд, – спохватился ИР. – Может чашку аснита?⁶⁶

– Со льдом.

– Ну конечно со льдом! Кто пьет аснит безо льда? – весело отозвался тот. – Может, не откажетесь и от кусочка аллира? Свежий, ароматный аллир с ягодной сладкой начинкой!

Марион усмехнулся.

– Я вижу, ваши подопечные не голодают, ИР?

– Они хоть и отъявленные мерзавцы, но тоже живые существа, трайд. Даже я, бездушный робот, это понимаю. Пусть же их последние денечки подсластит хороший кусок аллира.

Офицер снова усмехнулся, сказал:

– Давайте ваш хваленный аллир. Честно говоря, я проголодался.

– Тогда, может, вам накрыть стол, трайд?

– Нет, благодарю. Мне хватит и аллира.

Марион жевал пирог, отметив, что тот, действительно, свеж и вкусен, запивая ледяным освежающим напитком.

Робот сосредоточенно возился с модулем.

– Собственно, я прибыл сюда узнать об Альфадее Эрго, – дожевывая последний кусочек, произнес офицер. – Приговор еще не вынесен?

– Он поступил сюда в числе последних, поэтому его дело еще на рассмотрении. Но уже известно точное число, когда он предстанет перед судом – это 15-й день месяца Полнолуния.

– Через 11-ть даальсов?

– Да, во второй ступени пополудни⁶⁷, но со временем могут быть изменения, поэтому мы предупредим вас заранее.

– Хорошо. Пират не доставляет вам хлопот? – поинтересовался офицер.

⁶⁶ Аснит – холодный напиток – смесь разных соков (делл.)

⁶⁷ Вторая ступень пополудни – или вторая ступень дневного солнца – 2 часа дня (делл.)

– О, это самый беспокойный и буйный арестант, которого я когда-либо видел! – воскликнул робот. – Он здесь не так много времени, но не прошло и даался, чтобы он не орал, вопил, бранился, буйствовал в камере, кидался на стены, или выкидывал какие-либо еще штуки. Этот пират, словно дикий безумный зверь, притом неутомимый зверь. Видели бы вы его глаза! От их хищного блеска вздрагивают даже роботы! Однажды он расшибется насмерть о двери своей камеры. Он взбаламутил весь Рокландор, каким-то образом переговариваясь с заключенными, пришлось усилить охрану и надзор. Но на него ничего не действует. Он даже умудрился вывести из строя одного ИРа, и был серьезно ранен. А сейчас он лежит в тюремном медицинском отсеке после регенерационной камеры под усиленной охраной. Ну и субчика вы мне подкинули, уважаемый трайд! – закончил он довольно весело.

Офицер нахмурился.

– Значит, вы говорите, Эрго до сих пор в медотсеке, ИР? Разве регенерация не излечила его полностью?

– Его жизнь вне опасности, но он еще не оправился полностью. Завтра его уже переведут в камеру.

– Я могу увидеть арестанта, ИР? – вдруг спросил Марион.

Тот удивился.

– Конечно, трайд, это не запрещено, но я бы не советовал вам подходить к нему: он безумен и опасен. Вы можете увидеть его по модулю...

– Проводите меня в медотсек, ИР, – не слушая его, потребовал офицер.

– Да, трайд.

Медицинский отсек находился на втором ярусе. Они двигались по широким, залитым ярким искусственным светом, лишенным окон, коридорам. Шершавые мрачные стены, поддерживающие недостижимый, потолок, давили почти физически. Взгляд блуждал по гнетущему пространству, пытаясь отыскать хоть малюсенький клочок чего-то человеческого, цветного, живого, но всюду лишь голые несокрушимые стены – однообразные, скучные – снующие роботы, вежливо приветствующие их, да настороженные глаза ЛОУ⁶⁸. Мощная вентиляционная система не давала воздуху застаиваться, нагнетая свежие, пахнущие морем, потоки, но все равно дыхание, словно спиралось, улавливая незримые флюиды смерти, вьевшиеся навечно в сами стены.

ИР-25 легко, бесшумно, плавно катился чуть впереди, Марион шагал за ним; гладкое покрытие пола заглушало все звуки. Вокруг стояла тишина. Вскоре они остановились у больших металлических дверей, возле них – двое ИРов.

– ИР-45, зайдешь вместе с трайдом, – приказал ИР-25.

Марион не стал возражать.

Двери открылись, обнажив еще одни – такие же толстые и крепкие, которые пропустили их, повинувшись манипуляциям сопровождающего ИРа.

Эрго лежал на кровати под неусыпным наблюдением ЛОУ, которое при попытке бежать или других непредвиденных действий арестанта моментально обездвиживало его или било небольшим зарядом, лишая сознания, а в особо тяжелых, опасных случаях стреляло на поражение, и тут же подавало сигнал на главный модуль и на датчики ИРов. Вдобавок ко всему, конечности пирата были скованы силовыми наручниками.

Глаза его, широко открытые, смотрели бесцельно в потолок, неподвижно, немигающе.

Глядя на это скованное вытянутое тело, Мариону даже стало немного жаль его. Но вот пират повернул голову, зеленые глаза знакомо ярко и насмешливо вспыхнули.

⁶⁸ ЛОУ – лазерное охранное устройство.

– А-а! – хрипло воскликнул он. – Кээсец! Давненько я тебя не видел! Ну, проходи, проходи, не дрейфь, – он говорил на деллафийском. – Свернуть тебе шею я не смогу, видишь, как скрутили проклятые роботы, чтоб им заржаветь насквозь.

Марион сел на стул, не спуская глаз с пирата. ИР-45 пристроился у кровати, застыл неподвижно. А Эрго продолжал:

– Хорошо, что ты заглянул, кээсец. В этой дыре даже поговорить не с кем. Хоть ты и не лучший собеседник, но все же лучше, чем эти консервные банки, что шмыгают здесь, словно крысы. Терпеть не могу роботов! Ну, как поживаешь, кээсец, рассказывай. Все ловишь нашего брата? Я тут краем уха услышал, что Деллафия вовсю веселится и гуляет, отмечает какой-то цветочный праздник? Небось, и ты не отставал, лапая голубоглазых красоток? Ха-ха! Вы, деллафийцы просто жить не можете без всяких праздников и гулянок. Да-а, я бы сейчас тоже не отказался от какой-нибудь фиолетововолосой лапочки, – мечтательно протянул он. – Жаль, что в этой дыре нет такой услуги, ведь это первая необходимость, а перед смертью и подавно. Не предусмотрели, – укоризненно покачал головой пират.

Марион посмотрел на его голый живот, где белел, похожий на многолучевую звезду, шрам, видимо, от лазерного луча, отчетливо проступавший на темной коже, спросил:

– Тебя недостаточно держали в регенерационной камере?

– Скажешь! Я плавал там, – Эрго кивнул на большую округлую капсулу, наполненную вязкой субстанцией бледно-голубого, почти прозрачного цвета, – как кусок дерьма, три даальса! Да меня передержали, черт подери!

– Почему так долго, а шрам остался?

– А я почему знаю? – попытался пожать плечами тот. – Видимо, такие у меня плохозаживающие кишки.

– Зачем же ты кинулся на работа? – любопытствовал офицер.

– Каррамба! – прорычал тот, сверкая глазами. – Я же говорю, что ненавижу эти говорящие железяки! А здесь их столько, что нормальному пирату впору ошалеть! Наверняка этот придурочный Начальник тюрьмы расписал меня, как монстра, облил грязью и жаловался, что я не даю никому покоя, верно? Ха-ха! Он мечтает поскорее избавиться от меня, старая ржавая банка!

ИР-45 стоял невозмутимо, молчаливо и по-прежнему неподвижно, но все его датчики были в полной готовности, на чеку. Роботы не обращали внимания на оскорбления в свой адрес и не умели оскорбляться и обижаться, хотя могли удивляться, печалиться, сочувствовать, радоваться и даже смеяться и веселиться. Поэтому пират мог проклинать и обзывать их, сколько вздумается без вреда для своего здоровья.

– Эх, кээсец, – вздохнул Эрго и его глаза утратили блеск. – Угораздило же тебя поймать меня, как муху в паутину! И ведь, что самое обидное, не могу я тебе по морде твоей холеной даже вмазать, а так хочется, клянусь космосом! А ты, небось, и рад, что меня распылят к чертовой бабушке? Тоскливое здесь место, меня просто воротит от него. Кто ж это такую мрачную нору построил на Деллафии? Ни окошка, ни щелочки, – не поймешь, то ли день, то ли ночь, эти стены голые, тишина, тут любой свихнется и озверееет. Слышь, кээсец, когда мой срок? Ты, поди, только для этого и пришел сюда?

– Через 11-ть даальсов, – не стал скрывать тот.

Глаза Эрго вдруг снова насмешливо вспыхнули, и он неожиданно расхохотался, громко и хрипло.

– Дери меня Звездный Призрак! – воскликнул он. – 11-ть даальсов! Да за это время я успею сгнить заживо, прежде, чем меня отведут в камеру распыла! Нельзя ли перенести эту дату? – прищурившись, спросил арестант. – Допустим, на сегодня. Лучше немедленно разлететься на миллион атомов, чем гнить 11-ть даальсов, подыхая от тоски и одиночества. Или

вам доставляет удовольствие то, что жертва мучается и бесится, ожидая ступень за ступенью⁶⁹ приближение своей смерти? Если это так, то вы превосходите по жестокости и изощренности самих гениев войны – таллассцев.

– Думай, как хочешь, – отрезал Марион. – Умрешь ты от распыла или от тоски – мне все равно, судьба убийц меня не интересует.

Эрго зло посмотрел на него, процедил:

– Что же вы, кээсцы, не можете никак поймать главную фигуру – Калахаса? Вот кто поистине отъявленный убийца и негодяй, но почему-то он на свободе. Может, вы боитесь талласского царька и не хотите развязывать войну? Закрыли глаза на его преступления, да?

Марион спокойно дождался, когда пират замолкнет, произнес:

– Придет и его черед – рано или поздно. Слушай, Эрго, меня сейчас интересует, куда Калахас подевался? Тебе все равно терять нечего, поэтому...

– Да не знаю я ни черта! – яростно перебил его пират, пытаясь подняться с кровати и дергаясь, как червь. – Не знаю, куда пропал этот ублюдок Калахас, и что он задумал! Я лишь знаю, что торчу в этой вонючей дыре в компании роботов и таких же бедолаг, как и я, и, что через 11-ть даальсов я сдохну!

Да, видимо, пират, действительно, ничего не знал, и Марион это чувствовал. Поднявшись со стула, промолвил:

– Хорошо, Эрго, я поверю тебе, – после чего повернулся и зашагал к двери, ИР-45 был уже рядом.

– Эй, парасконец! – окликнул его пират. – У меня есть последнее желание!

– Говори.

– Через 11-ть даальсов пусть сюда прибудет империта деллафийская, – увидев, как гневно сверкнули глаза офицера, Эрго захохотал во все горло: – Да не дрейфь, кээсец, я не трону девчонку, она слишком хороша для меня. Просто хочу полюбоваться, она напоминает мне звезды. Эх, красивая чертовка!

Марион удивленно посмотрел на странного серебряноволосого заключенного, столкнулся с насмешливыми зелеными глазами.

– Если империта согласится прилететь в Рокландор, – твоё желание исполнится.

– Скажи, что я очень прошу, – она согласится, – усмехнулся пират. – И передай ей пламенный тюремный привет.

– Заткнись, Эрго, – жестко отрезал офицер.

Первая дверь распахнулась, и уже выходя в коридор, Марион услышал из медотсека:

– Да не оскудеет цветущая земля Деллафии! И да будет легкой моя смерть!

– Да будет так, Эрго, – пробормотал трайд, вдруг почувствовав к арестанту острую жалость. – Да будет так.

Когда за ним захлопнулись крепкие ворота тюрьмы, Марион вздохнул с облегчением, ощущая терпкий свежий воздух и струи ветра, бьющие в лицо. Не оглядываясь, быстрыми шагами пересек расстояние до риогана и взмыл в ясное безоблачное небо. Набрав высоту, бросил взгляд вниз. Аркон представлялся отсюда большой светло-коричневой, почти песочной фасолиной с яркими желтыми пятнышками – деревьями, а сам Рокландор – лишь темной массой на светлом фоне. А вокруг – огромная бесконечная скатерть моря Сильвия, нежно-голубая, с барашками пены на ленивых волнах, от горизонта до горизонта, такая прозрачная, что даже с высоты можно было разглядеть тиссоновы острова⁷⁰, виднеющиеся под водой шарообразными

⁶⁹ Ступень за ступенью – час за часом (делл.)

⁷⁰ Тиссоновы острова – скопления водорослей и моллюсков-тиссов. Могут быть не только изумрудными, но и алыми, реже – песочного цвета (делл.)

изумрудными скоплениями, или длинную серебристую спину руна⁷¹, быстрой стрелой прорезающего волны, в поисках поживы. Далеко на востоке – ловец, промысляющий рыбу, а прямо внизу – белоснежный корабль, направляющийся, судя по всему, в какой-то эллимский порт. И больше никто и ничто не тревожило этого безбрежного спокойного простора.

Марион направил свой риоган на северо-восток в оронский город Нурамиаль, его ждал Онсин Ригель.

Разговор вышел долгий и тяжелый. Трайд получил задание продолжать поиски Калахаса. Онсин Ригель, Онсин Т, ахьяна Бридангалия и Онсин Имберии Аоби собрали большую флотилию кораблей дальней и ближней разведки. Под ведомство и начало трайда переходило пять кораблей, которым предстояло лететь в систему Илоу в созвездии Серебряных Ножей. С планеты Аваш поступил сигнал об участвовавших набегах пиратов, и трайду было поручено разобратся в ситуации, заодно и проверить, не связаны ли эти набеги с талласским Королем.

Марион вместе со своим маршем-5⁷² должен вылететь в четвертой ступени пополуночи⁷³. Остальные корабли – уже через две ступени.

В экипаж своего корабля решил взять, как обычно, Джанулорию и Тасури – своих вечных проверенных спутников. Но, кроме них, будет еще несколько десятков офицеров КС.

Система Илоу находилась далеко и путь туда обещал занять много времени, но офицеры были привычны к этому. Сам же Онсин Ригель, Онсин Бридангалия и Онсин Аоби летели на Таллассу в город Десс к Королеве Веспер, как выразился Ригель, чтобы «хорошенько потрясти ее силами трех планет».

Разговор продолжался до тех пор, пока не перевалила шестая ступень дневного солнца. Марион вернулся домой, чтобы немного отдохнуть перед полетом. И застал в кресле Джанулорию.

– Приветствую, трайд, – пропел он.

– Приветствую, – отозвался тот, садясь в другое кресло. – Ты, как всегда вовремя, энодарон. А где Тасури?

– Будет с минуты на минуту.

– Тогда подождем.

Но имберианец появился через полминуты, устроился на диване, обратил все внимание на Мариона.

– В четвертой ступени поздней луны мы вылетаем в направлении созвездия Серебряных Ножей – приказ Онсина, – и трайд подробно передал всю важную информацию, узnanную от Ригеля.

– Осталось не так много времени, – Джанулория взглянул на друзей. – Будем надеяться, что эта операция окажется не напрасной. Гоняться по всему внутреннему космосу за одним талласцем, при этом стараясь не упустить ни одного пирата – дело не из легких.

– Да, жаль, что у тебя нет дара ясновидения, Джанулория, – усмехнулся Марион. – Иначе мы бы упекли Калахаса в тюрьму, еще, когда он был младенцем.

– Было бы неплохо, – хмыкнул констат. – Тогда не было бы ни смертей на Камарлене, ни этой угрозы войны.

– Надеюсь, войны не будет, – произнес трайд, даже не подозревая, что надеждам его не суждено сбыться. – Королева Веспер ненавидит Калахаса, она бы не стала заключать с ним союз после стольких стычек и даже смертоубийств между Дессом и Кромом. Мы ведь были на Талласе, говорили с Королевой и, думаю, она не в курсе темных дел Калахаса. А я научился

⁷¹ Рун – морской хищник длиной до 3-х фионов. Мясо съедобно, а кожа используется в портняжном, обувном, декоративном, мебельном деле (делл.)

⁷² Марш – группа космических кораблей. Марш-5 – группа из пяти кораблей, марш-10 – группа из десяти кораблей и т.д.

⁷³ Четыре часа ночи (делл.)

немного разбираться в людях. Калахасу же для войны нужны люди, много людей, кораблей и оружия, и он все равно появится на Талласе. Но нужно быть полным безумцем, чтобы одному объявить открытую войну трем планетам Союза из-за камарленских камней. Все же Онсин прав: не стоит ждать Калахаса, нужно найти его самим, где бы он ни был, пока он не натворил бед где-нибудь еще.

– Если бы у нас были полномочия, можно было бы схватить десковую Королеву за горло и вытрясти всю правду, – хищно сверкнул глазами Тасури. – Я никогда не доверял талласцам, а уж этой Черной Ведьме и подавно.

– Вот поэтому на Талласу и отправляются Онсины: у них есть полномочия, которых нет у нас. – Марион смотрел в широкое окно, открывающееся на бескрайний луг, убегающий к руслу Лудана. Солнце еще было в небе, полыхая и играя на шелковистой траве. Его лучистый мягкий свет радовал глаз, согревал сердце, разливаясь по телу теплыми волнами покоя, и вызывало тихую бурю необъяснимых чувств.

– На пути марша-5 Войкан, Деликт и Сон-Гард⁷⁴, – проговорил Джанулория. – А два наших корабля, как всегда, летят к черту на кулички в Илоу. Там ведь только одна населенная планета – Аваш. Если, конечно, пираты не успели свить свои гнезда в той стороне. А там они частенько появляются, несмотря даже на регулярные облавы КС. Думаете, Онсин специально дал нам самый трудный и опасный маршрут?

– Каждый маршрут опасен, Джанулория, – не отрываясь от окна, возразил Марион. – Мы ищем клятвоотступника, предателя Калахаса и должны найти его даже ценой собственной жизни, если так будет нужно: мы офицеры КС.

Среди ночи ее разбудил сигнал вызова. Минутой позже перед ней предстало изображение трайда Мариона.

– Вы в курсе, что сейчас ночь, трайд? – недовольно пробурчала Дели. – Не могли подождать до утра?

– Простите, империта, но у меня мало времени, и я не могу ждать до утра.

– Ну и что вам нужно?

– Альфадей Эрго желает видеть вас в день своей казни в 15-ый день месяца Полнолуния. Это его последнее желание.

– Что? Чтобы я добровольно отправилась в Рокландор к этому ужасному пирату? Да он в своем уме?

Лицо Мариона оставалось невозмутимым.

– Последнее желание – закон, империта. Я сам не в восторге от него, но я обещал Эрго, что передам его просьбу вам.

– Да он убьет меня, едва я войду в тюрьму!

– Полностью исключено.

– Но зачем он хочет, чтобы пришла именно я? Вы помните, как он смотрел на меня на Камарлене, как он обращался со мной? Это же сумасшедший безобразный тип!

– Я передам Эрго, что вы не желаете видеть его. Уверен, он не ждал ничего другого. Но он так хотел вас видеть... Да, странный субъект. Доброй ночи, империта, и еще раз простите...

– Постойте!

– Да, империта?

– Передайте Эрго, что я буду в Рокландоре в 15-ый день.

– Вы уверены?

– Да.

⁷⁴ Развивающиеся планеты, населенные живыми разумными существами.

– Хорошо, я передам. Честно говоря, мне почему-то жаль его, хотя и знаю, что он гнусный преступник.

– То же самое и я хотела сказать.

– Что ж, всего наилучшего, империта. Мне пора, – изображение трайда исчезло.

Дели еще некоторое время лежала с открытыми глазами, думая об услышанном, пока сон вновь не сморил ее.

Утром они с Юл-Каном снова любовались водопадом, потом облазили окрестности, вдоволь искупались в озере и, перекусив, начали собираться назад, в Орфис.

– Не хочется уходить отсюда, – с сожалением сказал ихлак, не в силах оторвать взгляд от живописной местности.

– Да, я тоже не хочу возвращаться. Здесь так красиво и спокойно, – Дели смотрела на Истана, который самозабвенно носился за радужными насекомыми и, судя по виду, был совершенно счастлив, крикнула: – Истан, мы уходим!

И они втроем направились к эстелу. Распрощавшись с Юл-Каном, Дели полетела к Дворцу, мрачно думая о грядущем заключении в подземелье.

Едва она вошла во Дворец, как навстречу ей вышел Инканон, непривычно огромный для деллафийца.

– Мое приветствие, империта, – сказал он, склонив голову. – У меня приказ Императора.

– Да, да, я знаю, уважаемый Инканон, – перебила его Дели обреченно, понимая, что теперь уж не отвертеться. – Что ж, ведите меня.

Главный Страж покосился на девушку сочувственно, сказал:

– Следуйте за мной, империта, – и пошел вперед.

Плетясь позади него, Дели раздумывала, а не долбануть ли Стража по голове и сбежать подальше из Дворца? Но она со вздохом отбросила эту мысль. Мало ли? Вдруг он очокурится, да и насилие было отвратно ей.

Они переходили многочисленные пролеты и лестницы, которые были совершенно незнакомы девушке. Возможно, это был какой-то тайный путь в подземелье, но, тем не менее, они спускались все ниже и ниже, когда, наконец, лестницы кончились, и перед ними предстал мрачный коридор с глухими каменными стенами. Пройдя несколько десятков шагов, путь им преградила мощная решетка с толстыми прутьями.

– В этой тюрьме только пиратов держать, – усмехнулась Дели, не сдержавшись и ожидая, когда Страж откроет решетку.

– Да, она предназначалась для преступников, которые баламутили спокойствие Деллафии, – немного смущенно произнес тот. – Но это было давно, преступность утихла, а тюрьма и решетки остались. – Путь был свободен, они шли дальше, а Страж продолжал: – Не волнуйтесь, империта, я уверен, что скоро Император отменит свое наказание и вас освободят.

– Вряд ли.

По обе стороны тянулись стены с прямоугольниками крепких дверей – камеры. По их большому количеству можно было догадаться, что раньше преступников было хоть отбавляй, даже жуть пробирала.

– Хорошо, что мы смогли покончить с преступностью, – произнес Инканон, словно прочитав ее мысли.

Они свернули направо, миновали несколько ступеней, прошли еще немного и остановились у двери.

– Ваша...комната, империта, – окончательно смутился Страж, впервые оказавшись в такой ситуации, когда в подземелье сажали королевскую особу. – Простите, что вынужден делать это, но приказ Императора.

– Все в порядке, – преувеличенно весело заявила девушка. – Только не забывайте, что я здесь, иначе я рискую тут сгнить.

– О чем вы говорите, империта? Голову даю на отсечение, не пройдет и даальса, и вы выйдете отсюда. Император не может быть так жесток, – Инканон открыл дверь, повернулся к Дели. – Если вам что-то понадобится, можете связаться со стражей.

– Да, благодарю.

Крепкая дверь за ним захлопнулась намертво, и девушка оказалась в маленькой каморке с голыми стенами. Стол с модулем, стул, узкая кровать, одна единственная световая панель и малюсенькая щель окошка с решеткой под самым потолком. Дели обнадежила мысль, что она находится не так глубоко под землей, как боялась. Окошко было слишком высоко, и пришлось подтащить стол, поставить сверху стул, вытянуться на цыпочках, чтобы с великим трудом дотянуться до него и мельком увидеть клочок свободы. Выбраться через окно не было никакой возможности. Чертыхнувшись, начала нервно ходить по камере взад-вперед. Это просто неслыханно! Дочь Императора сидит в тюрьме, как последний пират! Что она сделала такого ужасного, что теперь так жестоко наказана? Единственное, что утешало ее, это то, что здесь не было докучливых наставников и воспитателей, и что Истан в надежных руках. Дели отдала его Юл-Кану на время, пока не кончится ее заточение, иначе его бы снова отняли у нее и посадили в клетку. Сев за видеомодуль, попыталась связаться с Марионом, Джанулорией или Тасури, но тут же поняла, что модуль учебный. Девушка усмехнулась: это значит, чтобы не теряла времени даром, а проводила его с пользой для ума и развития. А вот не дождетесь! И она, завалившись на кровать, начала мрачно думать, что ей делать теперь.

День подходил к концу, она изнывала от скуки и злобы. Еще никогда ей не было так одиноко и плохо, даже на Камарлене.

Следующий день не принес ничего нового, как и последующие. От ужасной тоски Дели начала изучать модуль, это хоть и было безумно скучно, но все же как-то убивало время. Единственным развлечением были короткие беседы со стражами, которые нет-нет и перекинутся с ней несколькими фразами, нарушая правила, за что империта была им очень благодарна.

Несколько раз связывался сам Император и каждый раз, когда Дели убивала время за просмотром нудных уроков, чем он был крайне доволен и говорил, что его наказание не проходит даром, что, наконец, его дочь становится похожей на настоящую империту и прочее, и прочее. А Дели, истратив все силы на злобу и ненависть к отцу в долгих нерадостных думах, в одиночестве, не имела ни малейшего желания пререкаться с ним и еще больше портить свое и без того ужасное настроение.

Однажды связалась Императрица, но лучше бы она этого не делала, потому что она принялась жалеть дочь, ныть, охать и ахать, а на просьбу Дели поговорить с Императором и уговорить его отменить наказание, лишь покачала головой и заявила, что не вмешивается в его дела. И из-за этого они с Дельфиной чуть не поругались. Мать своими словами едва не довела Дели до слез, и она сгоряча выпалила, что родители только портят всю жизнь своим детям. Это, конечно, было сказано в порыве ярости, и Императрица, пораженно замолчав, уставилась на дочь широко раскрытыми глазами, но Дели в тот момент думала именно так.

В итоге получилось, что Дели не только не собиралась усиленно заниматься и обучаться, готовясь к принятию правления, как хотел Император, не намеревалась менять своего поведения и решения, а обозлилась еще больше на родителей и окончательно уверилась, что никогда не будет Императрицей, и посвятит свою жизнь приключениям.

Так прошло 6 даальсов, и Дели совсем отчаялась. Ручной айон показывал 10-ый день месяца Полнолуния, через пять дней она должна была быть в Рокландоре. Отпустят ли ее до 15-го дня? Теперь империта начала представлять себе, каково Эрго сидеть в тюрьме, а там ведь не простая тюрьма, оттуда редко кто выходит.

Через два дня Рокландор стоял на ушах: сбежал злостный пират Альфадей Эрго! Минуту спустя об этом знал Император, Кантан⁷⁵ Иниор и весь ДОБ. На Аркон были брошены дополнительные силы для поисков, был обшарен каждый закоулок, каждый уголок, каждый миллиметр острова, прочесано несколько рондов воды, проверены все суда, находящиеся в этот момент в плавании, и все летательные средства над морем, но все было безрезультатно: Эрго, словно испарился.

По всей Деллафии все офицеры ДОБ были задействованы в поисках, предупредили даже ПаРаСКоН. В штаб-квартире ДОБ творилось невообразимое: впервые в истории Рокландора кто-то сбежал из его стен.

Эрго лежал в какой-то роще золотolistvenных деревьев, уставившись в ясное небо, мелькавшее между крупных листьев. Их приятная тень скрывала его от солнца и любопытных глаз. Спиной он чувствовал теплую мягкую землю и щекочущее покалывание травы, но это были сущие пустяки по сравнению с тем изумлением, которое он испытал сегодня и от которого до сих пор не мог отойти. Он полностью лишился сил и не хотел даже шевелиться, но мозг его лихорадочно пытался понять все то, что произошло, но понять был не в силах. Он был в камере Рокландора, и вот он на свободе, и как это случилось – выше его разума. Но это не важно, главное, он вырвался с ненавистного острова смертников Аркон, а это значит, что у него появилась возможность снова стать неуловимым Альфадеем Эрго. От этой мысли пират злорадно ухмыльнулся и попытался подняться. После двух неудачных попыток это ему удалось. Огляделся: кругом только деревья, трава и тишина. Что ж, это даже к лучшему, его не увидят с воздуха, ведь наверняка весь ДОБ сбился с ног, отыскивая беглеца. Эрго быстро, насколько позволяли обессиленные мышцы, двинулся вперед, зорко всматриваясь и вслушиваясь в окружающее спокойствие. Он прошел уже несколько рондов никем незамеченный, но тут деревья остались за спиной, а глазам открылся величественный город, немного смазанный солнечным светом и расстоянием.

Укрывшись под большим илакузаном, пират погрузился в раздумья, не отрывая глаз от города. Это был Авой – один из четырех крупнейших городов Чармиана. Он узнал его по высокой многоярусной башне – древняя башня Авой или Авойская башня, – вокруг которой и был воздвигнут сам город, взявший ее имя.

Эрго припомнил, что в Авое живет его знакомый-талласец – убийца драконов, ползучих гадов и других талласцев, решивший покончить с прежней жизнью и поселившийся на Деллафии, став примерным гражданином. Но у талласца был давний должок, а, значит, у Эрго есть шанс смотаться с этой планеты подобру-поздорову.

К счастью для пирата, талласец жил все в том же плантайне и в том же секторе. Несмотря на яростные протесты и угрозы вызвать патруль ДОБ, Эрго ввалился в дом Мара. Сейчас он, блаженно растянувшись на диване, потягивал вино.

– Чем ты занимаешься, Мар? – поинтересовался пират, испытующе глядя в бледное, хмурое лицо талласца. Тот, сидя напротив, мрачно блеснул черными глазами.

– То, чем я занимаюсь теперь, не представит интереса для тебя, Эрго.

– Как знать, Мар. Я человек разносторонний, никогда не знаешь, что меня заинтересует, а что – нет.

– Я держу магазин одежды, – зло проговорил тот, следя за каждым движением пирата.

– Магазин одежды? – с любопытством переспросил Эрго, наливая вино в бокал. – Ты меня уже заинтересовал, Мар. И какая у тебя одежда? Есть размерчики на меня?

– Тебе, Эрго, надо не одежду менять, а внешность. С твоим лицом тебя в два счета поймают. Удивляюсь, как тебя еще по дороге ко мне не схватили.

⁷⁵ Кантан – высшее звание в Департаменте Оборона и Безопасности.

Пират усмехнулся, скривив тонкие губы.

– Альфадея Эрго не так легко поймать. У меня есть несколько приемов против офицеров.

– И зачем ты пришел ко мне? – прищурившись, спросил талласец. – Если думаешь, что я буду помогать тебе, то ты ошибаешься. Я покончил со старой жизнью.

– Странно, – протянул Эрго, и глаза его нехорошо блеснули. – Неужели талласец может отречься от своей талласской жизни? Ни за что не поверю, что тебя не тянет взять в руки бластер и пальнуть в кого-нибудь, как случалось раньше. Признайся, руки-то чешутся?

– Нет, не чешутся, – отрезал тот. – Я же сказал, что завязал с прошлым. Я – талласец и Талласа – моя родина, и так будет всегда. Но я дал слово Императору Фиделю, что Мара-убийцы больше нет, а слово талласца – закон.

Пират расхохотался ему в лицо.

– Клянусь Черной дырой, ты заговорил, как проповедник-деллафиец! Великий космос, что делает с людьми проклятая Деллафия! Так не успеешь оглянуться, а уже вся Вселенная будет похожа на монастырь! – Он замолчал, не спуская глаз с Мара, наконец, произнес, раздельно и четко, выговаривая каждое слово: – Мне нужна твоя помощь, и я получу ее, хочешь ты этого или нет. Я сбежал из Рокландора не для того, чтобы меня снова схватили.

– Я тебе не помощник, Эрго.

– Разве? Я думаю, ты, Мар, не хочешь, чтобы всем стало известно об убийстве офицера ДОБ два рамора⁷⁶ назад в Лолии⁷⁷? Император будет очень недоволен. Убийство – это серьезно.

Талласец бешено сверкнул глазами и вдруг метнулся к пирату, кинулся на него с яростным коротким воплем.

– Исчадие космоса! – Орал Мар, вцепившись железной хваткой в Эрго. – Это ты убил его, ты! Хотел подставить меня, хандыбайское отродье? Ничего не выйдет! Потому что убил того офицера ты!

– Если бы я тогда не помог тебе, ты давно уже был бы трупом, не забывай об этом, талласец! – ухмылялся тот в ответ, пытаясь освободиться.

На его счастье у Мара не было никакого оружия, даже захудалого ножа, да и одет он был в обычную тканую одежду, а не в талласский непробиваемый панцирь – дарс, полный разных неожиданных и неприятных сюрпризов, иначе от пирата осталось бы лишь мокрое место. – Ты не сможешь оправдаться перед Императором, ведь все выходцы с Таллассы – убийцы, помещенные на войну. А то, что ты дал клятву Фиделю деллафийскому только ухудшит твое положение, и тебя будет ждать позорная страшная смерть: Император не любит, когда его предают те, кому он поверил! А, если, ты поможешь мне, никто ни о чем не узнает, и ты останешься примерным гражданином Деллафии!

– Проклятый пират! – прорычал Мар. – Жаль, что ты не сгнил в Рокландоре! Оставь меня в покое, прежнего Мара больше нет! Найди себе другого помощника!

– Ты хочешь сдохнуть, Призрак тебе в глотку? Не будь дураком! Ты поможешь мне, а я буду молчать о твоём преступлении до конца жизни, и больше ты меня не увидишь, слово космического пирата, а это то же самое, что и слово талласца! Соглашайся же, идиот!

Мар вдруг резко разжал руки, отпуская пирата, рухнул в кресло, налил себе вина. Эрго остался стоять.

– Что я должен сделать? – наконец, спросил талласец после долгого молчания.

Пират довольно кивнул и уселся на диван.

⁷⁶ Рамор – год (таллас.).

⁷⁷ Лолия – деллафийский город в Элиме.

– Мне нужно совсем немного, – начал он. – Во-первых, я должен изменить внешность, во-вторых, мне нужен индикатор⁷⁸, и в-третьих, я нуждаюсь в каком-нибудь летательном средстве. Вот и все. Как видишь, я не требую от тебя невозможного.

– Добыть индикатор нереально, Эрго. Ты же знаешь, что все индикаторы зафиксированы в памяти Главного Модуля, а доступ к ним закрыт для кого бы то ни было.

– Я уверен, ты придумаешь что-нибудь, Мар. Индикатор мне нужен позарез, ты уж постарайся, и можешь жить спокойно-преспокойно, как в гробу.

– Ничего не гарантирую, Эрго. Мне потребуется время.

– Я не могу ждать! – рявкнул тот. – Проклятые офицеры шныряют везде, как тараканы! Я должен смотаться отсюда уже ночью!

– Добыть индикатор до ночи я не смогу.

– Уж ты постарайся, Мар, уж ты постарайся, – почти ласково проговорил пират. – И без глупостей, не то Император все узнает. Ты ведь знаешь, какой я мстительный.

Таллассца не было довольно долго. Эрго даже начал нервничать, ожидая, что вот-вот ворвется патруль ДОБ. Но пока все было тихо. Наконец, дверь открылась, и явился Мар.

– Вижу, у тебя все получилось, – довольно протянул пират, увидев заветный индикатор.

– Я добыл для тебя индикатор, Эрго, может, теперь ты оставишь меня в покое?

– Ты забыл про внешность и крылышки, Мар, – напомнил тот, установив индикатор.

– Как ты меня достал! – пробормотал таллассец, сказал в полный голос: – Надеюсь, замаскировать твою рожу будет проще, чем добыть индикатор.

Эрго посмотрел в зеркало и захохотал. На него смотрел деллафиец: короткие фиолетовые волосы, ярко-голубые глаза, слегка загорелое лицо, приличная одежда в духе деллафийской моды. Теперь его и сам черт не узнает.

– У тебя есть эстел или флайер? – спросил он таллассца.

– Флайер.

– Отлично. Я одолжу его на некоторое время.

Тот промолчал.

Эрго походил по комнате, еще раз взглянул в зеркало, повернулся к Мару.

– Да, мне еще понадобится оружие.

– Зачем? – подозрительно спросил тот.

– Как ты помнишь, я – беглец и меня ищет весь деллафийский ДОБ. Оружие мне необходимо.

– Для убийства?

– Нет, чтобы грядки окучивать! – рассвирепел пират. – Убивать буду я, а не ты! Не доставай меня своими тупыми вопросами и не строй передо мной святошу! Я вас, таллассцев, насквозь вижу! Я же знаю, что у тебя в тайнике оружейный склад, ведь вы жить не можете без оружия! Ну!

Мар сжал кулаки, испепеляя взглядом пирата, желая придушить его на месте, но, с трудом подавив этот порыв, повернулся и пошел к тайнику.

Эрго присвистнул. Оружейный арсенал таллассца был внушительным. Здесь были всевозможные бластеры – одно-, двух-, и более лучевые, морфатоны, добруши, ностеки, энергетические мечи, данкары, тарры, даже орфаги и орны, и еще черт знает что – пират такого никогда и не видел.

– Да на тебя можно войной идти, – хмыкнул Эрго, разглядывая с любопытством оружейный склад. – А еще говоришь, что стал примерным гражданином.

⁷⁸ Индикатор – индивидуальное опознавательное устройство, присваиваемое всем гражданам Деллафии, в том числе туристам, торговцам, гостям на время пребывания на Деллафии.

– Я не пользуюсь им, – спокойно ответил тот. – Я талласец, отошедший от войн, а это просто дань прошлому, память.

– Ясно, – Эрго любовно поглаживал рукояти бластеров и ностеков, брал их в руки, примерялся, что-то бубнил под нос. Наконец, выбрал два лазера, данкар, ностек, несколько гранат, кара-сетей и мини-арбалет. Хотелось, конечно, взять больше, но решил не перегружать флайер, ему нужна максимальная маневренность в случае погони. – Я беру это.

Эрго вышел из тайника, устроился на диване и принялся проверять выбранное оружие.

– Ты можешь этого не делать, – сказал Мар, наблюдая за ним. – Я соержу все оружие в идеальном состоянии, – в его голосе послышались горделивые нотки.

Пират отозвался, не отрывая глаз от бластера:

– Охотно верю тебе, но я привык все проверять сам. Не доверяй никому, кроме себя.

– Ты похож на талласца характером, Эрго, – произнес Мар.

Злые глаза пирата уставились на него.

– Я не талласец, я Альфадей Эрго, космический волк, ясно?

Мар пожал плечами.

– Твое дело, только убирайся скорее из моего дома. Я не хочу неприятностей.

– Скоро, скоро, мой законопослушный талласец, потерпи немного. Пойди лучше посмотри, нет ли поблизости чертовых добцев.

Мар вышел, вскоре вернулся.

– В городе множество риоганов ДОБ, – заявил он. – Офицеры повсюду. Думаю, тебе не удастся скрыться.

– Посмотрим, – хмыкнул тот и, закончив возиться с оружием, подошел к затемненному окну, открыл. Снаружи проносились многочисленные летсы⁷⁹, среди которых добрая половина – офицерские риоганы, которые останавливали всех подряд, прощупывали своими септалучами и другими всевидящими средствами. Шныряли меж летсами и роботы. Увидев их, Эрго нахмурился: обмануть офицеров ДОБ, возможно, и удастся, а вот роботов – вряд ли, даже и с индикатором. Эти безмозглые железяки дотошны, бесстрастны и их нельзя обмануть, к тому же они могут просканировать его и тогда весь обман с изменением внешности полетит к черту. Вдобавок ко всему, роботы ужасно подозрительны.

– Ненавижу роботов, – в сердцах буркнул он и посмотрел вниз. С высоты 96-го этажа улица представлялась крошечной ниточкой, но все же он разглядел, что и она кишит как горожанами, так и добцами с роботами.

– Плохо дело, – Эрго снова затемнил окно, посмотрел на талласца. – Я улетаю с наступлением темноты, а сейчас я должен подкрепиться, как следует.

Флайер стоял на боковой взлетной площадке. Отсюда открывался потрясающий вид на город: сияющие мириады огней плантайнов, разнообразных заведений, вывесок, проносящихся летсов, но которые не могли скрыть от глаз звезды и луны.

Эрго стоял, задрав голову к небу и, казалось, силился что-то разглядеть. Мар молча стоял неподалеку, похожий на мрачную тень. Наконец, пират вздохнул, зорко посмотрел по сторонам и залез в кабину.

– Радуйся, Мар, я улетаю, – сказал он с усмешкой. – Призрак меня дерит, ты еще услышишь об Альфадее Эрго!

Талласец ничего не сказал, но, когда пират включил бортовой модуль, негромко произнес:

– Признайся же, что того офицера убил ты, Эрго. Хоть раз скажи правду.

Тот, услышав его, засмеялся:

⁷⁹ Летсы – общее название околоземных кораблей – летательные средства.

– Черт с тобой, талласец, так и быть! Ты прав, его убил я, но теперь это не имеет значения!

– Нет, Эрго, это имеет значение, – отозвался Мар. – Какой же ты ублюдок!

– Я знаю! – махнул тот рукой и, скаля зубы.

Флайер подпрыгнул в воздух и через секунду уже растворился среди других кораблей.

Эрго не повезло: его раскусили. И теперь у него на хвосте сидели четыре риогана добцев.

– Метеорит вам в глотку! – орал он в бешенстве, выжимая из своего флайера всю возможную скорость. – Отцепитесь от меня! Я – космический пират, а не сухопутная крыса, чтобы гонять меня по всей планете! Мне нужен простор! Какого дьявола вы привязались ко мне, черти деллафийские, дайте вздохнуть спокойно!

Мимо с ошеломляющей скоростью проносились огни города. Эрго ловко увиливал от встречных кораблей, огибал громады плантайнов, петлял, как заяц, делал невероятные виражи, но риоганы не отставали, их стало даже больше, но стрелять они не спешили, хотели вывести его на открытую местность.

И вот город остался позади, и флайер пирата вырвался в огромное ночное пространство. На секунду Эрго даже восхитился такой красотой, где ничего не мешало отдыхать звездному глубокому небу, по которому робко кралась самая большая из двух лун – Изулик, мерцающая огромным молочно-белым оком. Неровные кlyки скал, перечерчивающих спокойную гладь равнин, окутались пеленой синеватой таинственности, а в каждом камне, каждом дереве и травинке скрывалось чудо и волшебство.

Но его восхищение длилось недолго: офицеры открыли огонь. Чертыхнувшись, пират установил автопилот, а сам, высунувшись из капсулы, принялся палить в ответ. Тихую ночь пронзили яркие вспышки и громкая брань пирата.

– Что, поймали? Поймали? – вопил он, посылая луч за лучом в преследователей. – Я вам не дамся! На, получай! Получай, чертов добец! – Луч его убойного ностека попал в один из риоганов и тот, выпустив длинный язык огня и дыма, начал быстро снижаться, заваливаясь на левый борт. – Ха! Птичка лишилась крылышек? И вы тоже хотите немного поджариться? Я это устрою, клянусь Черной дырой!

Тут флайер резко взмыл вверх, минуя острый пик скалы, и Эрго едва не вывалился.

– Ты что творишь, дубина? – злобно крикнул он на модуль и сел в кресло пилота, взяв управление на себя.

Пират не имел ни малейшего представления, как ему отделаться от офицеров ДОБ, которые явно не собираются его упускать и готов был биться об заклад, что ему наперерез уже несутся новые риоганы, много риоганов. И он оказался прав. Вскоре впереди и с боков показались яркие огни летящих кораблей. А задние уже нагоняли. И тут его флайер накрыли силовыми сетями, и он начал медленно притягиваться к риоганам, повинаясь этому пульсирующему колпаку, окружившему его.

– Проклятье! – рычал Эрго, силясь вырваться из плена сетей. – Вам не удастся упечь меня обратно в вонючий Рокландор! Сожри вас дракон, я не сдохну в тюрьме от рук роботов, как какой-нибудь бездарный пират-новичок! Ну же, птичка, давай, лети! Лети, дери тебя черти! Старая рухлядь! Проклятая железяка! Лети же, никчемное барахло! Если ты не полетишь, меня распотрошат, как глупую рыбу! Я сдохну, если ты не вырвешься, я сдохну, ты слышишь?

И, когда до риоганов оставалось всего ничего, окончательно рассвирепев, Эрго предпринял последнюю отчаянную попытку, яростно дергая рычаги и кнопки. И вдруг флайер, словно услышав его мольбы вперемежку с ругательствами, с невероятными усилиями, страшно загулдев, и, сотрясаясь, смог прорвать сеть и метнулся прочь так, будто получил хорошего пинка.

Снова началась стрельба. Риоганы были мощнее и быстрее, но флайер обладал отличной маневренностью, и Эрго счастливо избегал лазерных лучей, подбив при этом троих.

Эта сумасшедшая гонка завершилась неожиданно: флайер Эрго был подбит. Не долетев до земли несколько фионов, он взорвался.

Офицеры, тщательно и дотошно исследовав обломки и остатки флайера, всю близлежащую местность, нашли лишь часть обгорелой руки – все, что осталось от пирата Альфадея Эрго.

Дели без дела лежала на кровати. Она провела в подземелье уже, кажется, целую сотню лет или даже больше, а ее и не думали отпускать. Ей овладела апатия и полнейшее равнодушие. Почти целыми днями она валялась в кровати. К модулю уже не прикасалась давно: недоело. Однажды приходил один из дворцовых Стражей и за разговором сообщил, что из Рокландора сбежал Альфадей Эрго. Эта новость просто ошеломила Дели, и она заставляла Стража рассказать об этом подробнее вновь и вновь, но тот, к сожалению, не мог поведать, как могло произойти подобное.

Теперь девушка раздумывала над услышанным. Пират смог каким-то образом сбежать из тюрьмы и его еще не поймали. В том, что Эрго поймают, Дели не сомневалась, вопрос лишь, как скоро его поймают. А раз он сбежал, значит, теперь он разгуливает где-то по Деллафии и, может быть, снова творит свои мерзкие преступные делишки. А что, если он уже в Орфисе и подбирается к Дворцу, чтобы отомстить ей, империте или даже убить? Ведь этот пират – само чудовище, ненавидящее все и вся, а ее, Дели, особенно сильно, ведь не зря же он просил, чтобы она прибыла в Рокландор в день его казни. Наверняка он задумал что-то ужасное.

Дели подумала, а вдруг Эрго уже во Дворце? Вдруг он сейчас убивает Императора, Императрицу и всех, кто попадаете ему на пути, и ищет ее, чтобы предать страшным мучениям? От этой жуткой мысли ее передернуло, и невольно она даже порадовалась, что сидит в подземелье: найти сюда путь не так-то просто. Хотя с другой стороны, если он все же найдет ее, то никто не поможет ей, ведь рядом нет ни души.

Дели вскочила, как ужаленная, передвинула стол к двери, поставила сверху стул и только после этого немного успокоилась и посмотрела в далекое окошко. Небо голубело, освещенное солнцем.

– Его поймают, – бодро произнесла она. – Обязательно поймают и казнят.

Это немного успокоило ее.

Несколько часов Дели бесцельно смотрела в окошко и уже начала понемногу дремать, когда вдруг услышала какое-то тихое поскуливание, раздававшееся откуда-то сверху, с улицы.

– Истан! – завопила она, сразу же узнав своего лонга. – Подтащив стол и стул, дотянулась до окна. Уткнувшись носом в решетку, зверь яростно пытался добраться до хозяйки. – Истан, малыш, ты нашел меня! Нашел! – Просунув пальцы, Дели коснулась головы лонга. – Нет, дурачок, ты не пролезешь здесь. – Видишь, мой отец посадил меня в подземелье. Я тут скоро умру от тоски, Истан! Хорошо, что ты пришел, маленький! Долго меня искал?

Лонг жалобно смотрел на нее желтыми глазами сверху, царапал прутья и негодуя рычал вполголоса.

– Ну что ты, Истан? Скоро меня освободят, и мы вдоволь набегаясь с тобой. Скучаешь? Я тоже скучаю. А где Юл-Кан? Ты оставил его и пошел искать меня? Хороший лонг, хороший! Было бы здорово, если бы ты мог залезть сюда: вдвоем было бы веселее. Ну ладно, беги, а то тебя могут снова схватить и посадить в клетку. Беги, Истан, я скоро приду! Ну, давай, беги, малыш!

Лонг, будто понимая ее слова, смиренно слушал, лежа на земле, облизывал ее пальцы, потом быстро вскочил, грозно, не по-щенячьи рыкнул и, взмахнув длинным хвостом, скрылся.

Дели вздохнула. Как же все-таки несправедлив мир! Все желания и стремления подавляются на корню, ей нельзя мечтать, дурачиться, свободно жить, ей просто перекрывают кислород! И что она может почерпнуть из этого нудного торчания в тюрьме, которую давным-давно пора было бы наглухо и навсегда закрыть? Ничего! Ничего, кроме обиды, злости и раздражения! И это все происходит на свободной, высоко цивилизованной, культурной Деллафии, которая является образцом и идеалом для всех планет! Чушь! Если бы это было так, то она не сидела бы здесь, в этой дыре! Император переходит все границы, он забывается, превращается в какого-то замшелого рабовладельца, возомнил себя властелином вселенной! А она не может даже поиграть с Истаном, не может сделать без его разрешения даже шага! Это чересчур! Это просто какая-то дурацкая карикатура на свободную, безоблачную Деллафию, где в камере для преступников сидит империта. Смешно!

Лучи солнца давно ушли из ее тюрьмы, а вскоре небо начало наливаться густой синевой. Наблюдая за его темной притягивающей глубиной и пустотой, Дели отчего-то вспомнила глаза трайда Мариона. Они также наполнялись угрожающей краской в минуты гнева и становились еще более красивыми. И они такие же глубокие и в то же время какие-то непостижимые, непонятные и пустые, словно трайд пытается запрятать свои мысли и чувства, как это небо прячет звезды за облаками, не допуская никого в свой внутренний мир или, боясь допускать, кого бы то ни было. Какой же он на самом деле, черствый трайд Марион? На первый взгляд он жесткий, грубый, колючий, даже жестокий и неприятный тип, любящий показать свою власть, покомандовать, поорать, и он недолюбливает ее, империту, впрочем, как и она его. Девушка могла бы при желании подобрать для него множество других нелестных эпитетов, вроде: невежественный, резкий, заносчивый, самоуверенный, хамоватый, и вспомнить, как он вел себя по отношению к ней, как он называл ее дурой без мозгов и всячески унижал. Конечно, Дели этого ему никогда не простит, но сейчас ей не хотелось думать об этом, а хотелось заглянуть внутрь трайдовой души хоть одним глазком и посмотреть, что он представляет из себя, убрав прочь офицерское звание и его обязанности. Такой ли он пустой и малопривлекательный, как и внешне.

Трайд был загадкой, а империта обожала разные таинственности, секреты, неизвестности и еще больше обожала их разгадывать. При всем при этом это ничуть не мешало ей недолюбливать офицера.

В ее глазах он был очень странным, в нем уживалось и плохое, просто отвратительное, и не столь плохое. Тогда, в камарленских пещерах, когда они вдвоем блуждали по бесконечным туннелям, в глазах трайда промелькнуло что-то такое, что Дели стало немного жаль его, потому что в этом взгляде было столько отчаяния, боли, уязвимости и тоски, которых она никак не ожидала от такого человека, как трайд. Значило ли это, что в душе, где-то в глубоких недоступных недрах своего существа он скрывает чувствительного, ранимого деллафийца, которого что-то терзает, который способен испытывать боль, тоску, обиду, страх? Может быть трайд под маской требовательности, жесткости, непроницаемости, холодности хочет спрятать от людских глаз свои слабости, которые есть, в принципе, у каждого? И зачем ему нужно изображать из себя эдакого железного человека, почти бездушную машину?

Или он хочет задушить в себе слабую, излишне ранимую, трусливую сторону, становясь черствым, жестоким, властным? И, если это так, если в трайде сидят два совершенно разных деллафийца, то какой из них настоящий?

Это была загадка, и Дели решила, во что бы то ни стало разгадать ее, рано или поздно, и тогда уж трайд поплатится за все свои опрометчивые слова, брошенные ей в лицо.

Ночь уже сгустилась. В набежавших облаках изредка проглядывали крохотные звезды. Отсюда, из подземелья, через зарешеченное маленькое окошко, они казались еще более далекими и желанными. Вдруг Дели услышала приглушенный голос, доносившийся у окошечка. Его нельзя было спутать ни с одним голосом.

– Шалкай! – Звал он, отчаянно пытаясь шептать, но с таким звучным голосом это было нелегко. – Шалкай, ты здесь?

– Да, да! Я здесь, Юл-Кан! – вне себя от радости девушка влетела на стол, увидела распластавшегося на земле ихлака, который уткнулся в решетку лицом. Где-то взвизгнул Истан. – Что ты делаешь тут? И, ради космоса, тише, вас могут заметить!

– Меня привел лонг, Шалкай. Почему ты здесь? Тебе плохо?

– Меня посадил сюда мой отец. Я расскажу тебе потом. Не волнуйся, скоро меня выпустят. Как ты прошел Стражу, Юл-Кан?

Тот пробурчал что-то маловразумительное, видимо, долго было объяснять, и Дели не стала выпытывать. А ихлак блеснул глазами, сказал:

– Я не знаю, почему ты находишься под землей, Шалкай, но чувствую, что тебе плохо, и Истан очень тоскует. Хочешь, я освобожу тебя?

– Но... – Дели осеклась и с изумлением уставилась на большие руки камарленца, которые крепко ухватились за решетку, напряглись, и прутья медленно начали гнуться, потом с легким звоном сломались.

– Ух ты! – только и выдохнула девушка, а на нее уже, просунув голову в проем, смотрело улыбающееся лицо ихлака.

– Я вытащу тебя, – вытянув руки, Юл-Кан подхватил Дели и осторожно вытянул наружу. К ней тут же кинулся лонг, радостно закрутился у ног, смешно подпрыгивая, похожий на веселое солнечное пятно.

– Ну, тихо, тихо, Истан, Я тоже соскучилась по тебе, – бесшумно рассмеялась та, потрепав его по загривку. Повернулась к огромному ихлаку, возвышавшемуся подобно темной скале. – Раз я на воле, не будем терять время. Нам нужно уйти отсюда сейчас же. Если меня увидит Стража, то снова посадят под землю. Идем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.